

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИНСТИТУТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

С.В. Бирюков, С.Н. Чирун, А.В. Андреев
ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОИСК НОВЫХ МОДЕЛЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т.А. Сенюшкина, Е.А. Сенюшкин
ЦИФРОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Г.П. Щедрова
РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ НОВОГО
МИРОВОГО ПОРЯДКА

А.В. Глухова
МИР И ВОЙНА В XXI ВЕКЕ:
ПРИРОДА КОНФРОНТАЦИИ И ДИАГНОСТИКА ТЕРАПИИ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник БУРДА Михаил Александрович доктор политических наук, доцент ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович доктор политических наук Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)	ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь) МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРЯКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy Publisher Institute of Social and Political Sciences	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton BURDA Mihail EFREMOV Oleg KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board GUSELETOV Boris Doctor of Political Sciences Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOVTSOVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) KURILLA Ivan Prof. (Saint-Petersburg) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИНСТИТУТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

С.В. Бирюков, С.Н. Чирун, А.В. Андреев ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОИСК НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ	6
Б.П. Гуселетов ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В СОВЕТЕ ЕС НА ПРИМЕРЕ ВЕНГРИИ, ПОЛЬШИ И ДАНИИ В 2024-2025 ГОДЫ	21
Т.А. Сенюшкина, Е.А. Сенюшкин ЦИФРОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА	39
Г.П. Щедрова РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА	55
А.В. Глухова МИР И ВОЙНА В XXI ВЕКЕ: ПРИРОДА КОНФРОНТАЦИИ И ДИАГНОСТИКА ТЕРАПИИ	67
О.Е. Гришин РЕПУТАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МНОГОПОЛЯРНОСТЬ VS ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ	87
О.С. Пустошинская, А.Г. Арутюнов КОММУНИКАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОРОДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАСКОЛА: К ВОПРОСУ О СОДЕЙСТВИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМУ СБЛИЖЕНИЮ	100
А.В. Шевченко ФАКТОР ПОНИМАНИЯ В СИСТЕМНОМ ИНЖИНИРИНГЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	119

Е.С. Шевченко

НОВЫЕ КОНТУРЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ США В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО
МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

142

СТАТЬИ

О.В. Попова

МЕТОДЫ ТОЧНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ОЦЕНКАХ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?

162

В.И. Буренко

ВЫПУСКНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

177

РЕЦЕНЗИЯ

Е.А. Окладникова

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КАНОН:
КРИТИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА МАРГИНАЛЬНОЙ ЭСХАТОЛОГИИ

186

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**С.В. Бирюков,
С.Н. Чирун,
А.В. Андреев**

**S. Biryukov,
S. Chirun,
A. Andreev**

ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОИСК НОВЫХ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ*

DIGITAL GOVERNANCE: SEARCHING FOR NEW MODELS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CURRENT SITUATION

Аннотация

Статья посвящена поиску новых моделей, связанных с реализацией функций цифрового управления, в том числе анализу технологического сопровождения цифрового политического управления, а также процессуальным возможностям и ограничениям его реализации.

Цель исследования – уточнить современное состояние цифрового управления, обозначить новые модели, связанные с его реализацией. охарактеризовать его политико-технологическую основу и значение как инструмента продвижения государственных интересов в современных условиях.

Цифровое управление становится все более важным аспектом современного бизнеса и государственного управления. Эта статья исследует актуальные тенденции в цифровом управлении и поиск новых моделей, способных эффективно справляться с вызовами современного мира. Рассматриваются основные принципы цифрового управления, включая использование современных информационных технологий, аналитику данных и автоматизацию процессов. В процессе исследования авторами использовались общие (системный метод, структурно-функциональный метод) и частные методы (сравнительный метод, институциональный метод, кибернетический метод) политического анализа. Также обсуждаются примеры успешной реализа-

Abstract

The article is devoted to the search for new models related to the implementation of digital governance functions, including the analysis of technological support for digital political governance, as well as the procedural capabilities and limitations of its implementation.

The purpose of the study is to clarify the current state of digital governance, identify new models related to its implementation, characterize its political and technological basis and significance as a tool for promoting state interests in modern conditions.

Digital governance is becoming an increasingly important aspect of modern business and public administration. This article explores current trends in digital governance and the search for new models that can effectively cope with the challenges of the modern world. The basic principles of digital governance are considered, including the use of modern information technologies, data analytics and process automation.

Examples of successful implementation of digital strategies in various industries and fields of activity are also discussed. The authors seek to identify the key aspects of effective digital governance and propose new models that contribute to the optimization of management processes and the achievement of competitive advantages in the digital age.

ции цифровых стратегий в различных отраслях и сферах деятельности. Авторы стремятся выявить ключевые аспекты эффективного цифрового управления и предложить новые модели способствующие оптимизации управленческих процессов и достижению конкурентных преимуществ в цифровой эпохе.

Авторами сделан вывод о том, что в настоящий момент происходит активное обновление основных подходов и концепций цифрового управления. При этом процесс поиска новых управленческих технологий сохраняет свою актуальность.

Новизна полученных авторами статьи результатов связана с уточнением современного смысла понятия цифровое управление (без сведения его к политико-технологическому продукту и искусственно конструируемому концепту), с обоснованием востребованности, а также конкретизацией политико-технологической базы цифрового управления в современных условиях.

Ключевые слова:

государственное управление, электронное правительство, цифровое государственное управление, клиентоцентричное управление, процессное управление, проектный подход, политические процессы.

The authors concluded that at the moment there is an active update of the main approaches and concepts of digital governance. At the same time, the process of searching for new management technologies remains relevant.

The novelty of the results obtained by the authors of the article is associated with the clarification of the modern meaning of the concept of digital governance (without reducing it to a political and technological product and an artificially constructed concept), with the justification of demand, as well as the specification of the political and technological basis of digital governance in modern conditions.

Key words:

public administration, e-government, digital public administration, client-centric management, process management, project approach, political processes.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-6-20>

* Статья поддержана Центром изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), в рамках грантового проекта – The MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, the Project Number is: 22JJD810010.

В современной ситуации проявили себя целый ряд факторов, которые, с одной стороны, делают цифровизацию объективно востребованной, а с другой – затрудняют ее продвижение и утверждение в мировом масштабе. Пандемия коронавируса, стремительно распространившаяся по миру, потребовала новое усиление государства и его контрольных функций, предполагая использование инструментов цифрового контроля. Вместе с тем, наряду с социальными шоками и связанной с ними фрустрацией, произошел подлинный скачок («взрыв») претензий различных социальных групп на переустройство мира в соответствии с собственным видением и сценариями (антиглобалистских, так и неоглобалистских). При этом каждый из конкурирую-

щих сторон считают свои убеждения единственно верными, продвигая собственные представления о наилучшей форме публичного порядка, призванного обеспечить обществу безопасность – что не вполне желательно для государства.

Несмотря на разнообразие и пересекающиеся цели, полицентричный мир может рассматриваться как определенная сложившаяся модель порядка, который сосуществует с государствоцентричным миром. В действительности глобальные структуры подвергаются бифуркационным процессам, в рамках которых два упомянутых «мира» рассматриваются как иногда кооперирующие и часто конфликтующие, но всегда взаимодействующие.

Результаты исследования. Многоуровневая система цифрового управления пока не складывается, заменяясь более многослойной и самоорганизующейся реальностью (Яновский, с. 8). По всему миру было выражено недовольство в отношении лиц, ответственных за принятие решений, и неолиберальной экономической системы, которая лишь усугубляет социальное неравенство (Лапшин, с. 64). Ясно установлено, что правительства большинства стран реагировали на протестные движения применением репрессий. Общим для всех протестных движений было то, что они соединяли в себе представителей различных социальных групп, были нацелены на дальнейшую политизацию и решительно порывали с традиционными формами протеста.

Соответствующим образом расширяется и «культурный спрос» в обществе. Сетевизация выступает как процесс адаптации общества к восприятию цифровой реальности, но не жесткого иерархического цифрового порядка, централизованно продвигаемого государством, что позволяет «не просто реализовывать эти коммуникационные интересы, но и постоянно совершенствовать их» (Коньков, с. 52). Как полагают исследователи «сетевые граждане» изначально оказываются ближе к джефферсоновскому идеалу – они информированы, общительны, склонны к активному участию, тяготеют к свободе, гордятся своей культурой, и являются твердыми приверженцами той свободной нации, к которой принадлежат (Horowitz, p. 43).

Помимо этого, ускорение цифровизации имело значительное воздействие на трансформацию общественно-политических процессов. Цифровые технологии значительно расширили доступ к информации, так открылась возможность получить доступ к новым ресурсам и возможностям анализа больших данных (Big Data), что позволяет государству использовать алгоритмы и

компьютерные модели для оптимизации обработки значительных объемов управленческой информации: выявления тенденций, прогнозирования результатов, принятия политических/управленческих решений и многого другого (Pencheva, p. 32). Одновременно с этим меняется характер избирательных технологий. Процессы цифровизации способствовали модернизации электронных систем, это открыло новые возможности использования электронных систем в сфере PR и политического консалтинга (Халин, с. 47).

Трансформации затрагивают сферу публичной политики в целом. К этому следует добавить, что использование цифровых платформ, таких как социальные сети, блоги, мессенджеры и др., играют огромную роль в управлении формированием общественного мнения, особенно в аспекте привлечения молодёжной аудитории (Нао, p. 52).

Немаловажно в этой связи, что главным adeptом «информационной революции» становится именно молодежь. В итоге, обещания грядущей катастрофы, якобы проистекающей от информационных технологий, должны быть поняты в контексте происходящих социально-политических изменений. Особое значение в контексте роста запроса на более публичный характер общественно значимой информации имеет деятельность НПО на международной арене (Motupalli, p. 75).

Степень ответственности НПО за происходящие изменения в международной политике еще не до конца понятна последователям различных школ в теории международных отношений. Дж. Розенау отмечает, что технологии глубоко изменили сам масштаб, в котором осуществляются человеческие дела», добавив при этом, что «изучающие мировую политику еще не начали принимать во внимание происходящие социальные трансформации» (Rosenau, p. 17). Д. Белл называет происходящее экстраординарной трансформацией, превосходящей по влиянию индустриальные революции предшествующего столетия, и отмечает, что «мы можем попытаться оценить последствия и решить, какую политику нам следует выбрать, исходя из наших ценностей, с целью изменить, воспринять или даже отвергнуть альтернативы будущего, которые открыты для нас» (Bell, p. 173).

Вне зависимости от того будет или нет развиваться дальше глобальное гражданское общество, становится все более очевидным, что транснациональные сети, объединяющие частных граждан, становятся центральным актором протекающих глобальных процессов (Бродовская, с. 67). И не будет преувеличением отметить, что глобальный порядок испытывает все возраста-

ющее напряжение, поскольку многообразные НПО все активнее овладевают новыми технологиями, усиливая свое влияние и сплоченность. Подобное «уплотнение отношений» изменяет сами структуры, через которые осуществляется управленческая деятельность, а равно и структуры, через которые распространяется информация в публичном пространстве (Ляликов, с. 152).

Исходя из институциональной перспективы, новые технологии могут наделить или лишить власти те или иные акторы – государства, группы, классы и институты, что также не вполне благоприятно для становления моноцентричного цифрового порядка (Hug, p. 700). На более фундаментальном и менее заметном уровне технологии могут влиять как на самосознание и идентичности отдельных акторов, так и на природу самой власти. Многие утверждения о характере современной мировой политики так или иначе отражают возросшее влияние информационных технологий. Возникают формы, основанные на информационной власти, которые дополняют материальные формы власти (Grayson). Примечательно, что именно горизонтальная природа основанной на информации власти рассматривается некоторыми исследователями едва ли не как главная движущая сила, подорвавшая мощь Советского Союза, и прежде всего советского централизованного аппарата (Krebs, p. 261).

В свою очередь, Р. Дейберт полагает, что распространение новых информационных технологий способствует формированию «нетерриториальных институтов» и «фрагментированных идентичностей», ускользающих от централизованного контроля и прямого воздействия государства (Deibert, p. 261). Подобным образом Дейберт понимает те пути, которыми Интернет способен вызвать фундаментальные сдвиги в современном обществе.

Таким образом, инновационные технологии обеспечивают новое качество политики и новые интеллектуальные конфигурации, не гарантируя властно-управленческой монополии государству (Туробов, с. 316). Последнее включает в себя следующие моменты. Во-первых, национальное государство вынуждено вступать в конфронтационные отношения, поддерживать и сосуществовать с другими международными акторами.

Во-вторых, наше понимание инструментальной и структурной власти должно быть пересмотрено с учетом влияния цифровых технологий. Власть (включая ее публичную составляющую) фрагментируется, постепенно распределяясь между НПО, международными организациями, бизнесом, транснациональными социальными движениями и слабеющим государством. Это

бросает вызов устоявшемуся пониманию национального государства и его образа действия.

В-третьих, информационные технологии помогают реконструировать идентичности и сами цели политики (Wang, p. 156). И если приоритеты акторов определяются тем, как они взаимодействуют, информационные сети изначально имеют интерактивный характер. Более того – изменяется сам процесс формирования идентичностей. Акторы и взаимодействия между ними изменяют характер пространства и времени. Временной сдвиг связан с изменением скорости человеческих взаимодействий и с усилением сетевых взаимозависимостей. Кибернетическое пространство сосуществует с территориальным пространством. Как следствие, безопасность, экономика и культура также подвергаются сегодня глубоким трансформациям (Туробов, с. 74).

В то же время цифровая трансформация государственного управления имеет свои предпосылки и основные направления, которые определяются стремлением повысить эффективность, прозрачность и доступность государственных услуг для граждан. Так, бурное развитие информационных технологий, облачных вычислений, искусственного интеллекта, интернета вещей и других цифровых инноваций формирует детерминанты для трансформации системы государственного управления (Косоруков, с. 32). Исследования отмечают растущие ожидания граждан в отношении доступности, удобства и скорости получения государственных услуг, что в свою очередь стимулирует внедрение новых цифровых технологий (Andrasko, p. 626).

Глобальные тренды в области цифровизации оказываются мощными факторами внедрения в управление на национальном и региональном уровнях современных управленческих технологий и перехода к электронному правительству (Ляликов, с. 152). Само же электронное правительство (e-Government) связано с развитием электронных государственных сервисов для облегчения взаимодействия граждан с государственными органами. Эта система включает онлайн-регистрацию, электронные формы, онлайн-консультации и другие аспекты цифровизации бюрократических процессов в государственных органах, что уменьшает временные и финансовые затраты, оптимизируя производительность труда (Coglianese, p. 137). Оптимизация во многом затрагивает и использование систем искусственного интеллекта (AI), внедрение которого осуществляется для автоматизации рутинных задач, анализа данных, принятия управленческих решений и предоставления персонализированных услуг (Engin, p. 448).

Ещё одним важным аспектом реализации нового цифрового управления является использование системы «Открытых данных». Открытые данные (Open Data), представляют публичный доступ к государственным данным и информации, что способствует прозрачности, улучшению гражданского контроля и развитию инноваций.

Значительную роль в аспекте управления национальной безопасностью государств играет использование технологий блокчейн, что имеет приоритетное значение для обеспечения надежности и прозрачности управления информацией и цифровыми транзакциями (Fischer, p. 174).

Для принятия эффективных политических решений трудно переоценить роль технологии управления большими данными (Big Data). Технология Big Data дает возможность анализа и использования больших объемов данных для принятия наиболее взвешенных и эффективных управленческих/политических решений (Pencheva, p. 32; Motupalli, p. 71-79).

Не менее значимую роль в управлении играют технологии защиты государственных информационных систем от киберугроз и обеспечения конфиденциальности данных. Разумеется, для внедрения цифрового управления и эффективного использования цифровых технологий, необходимым является развитие цифровых навыков и компетенций государственных служащих, постепенный отказ последних от привычной инерционности, шаблонов и новых стандартов.

Цифровая трансформация государственного управления предполагает создание более открытой, эффективной и прозрачной системы, которая лучше отвечает потребностям граждан и общества в целом. Это находит своё выражение в определённых требованиях и эффектах, среди которых:

Транспарентность. Нет нужды повторять, что это взаимодействие облегчается и интенсифицируется благодаря информационным технологиям, которые «сжимают» время, устраняют территориальный характер пространства и трансформируют существующие границы. Действительно, чем более развиты технологии, тем больше они способствуют открытости деятельности правительств и неправительственных организаций, в то время как развивающиеся «горизонтальные» процессы заметно затрудняют реализацию задач управления в глобальном масштабе (Hagen, p. 75).

Положение правительств. Для национальных правительств все произошедшие и происходящие изменения – формирование глобальных сетей, колоссальное распространение сетевых взаимосвязей, и др.- затрудняют

использование традиционных практик дипломатии и реализацию долговременных задач национальной безопасности, что требует пересмотра целей глобальной политики с учетом требований других государств и бесчисленных сообществ, действующих в мультицентричном мире (Лапшин). Для последних новая ситуация означает как дополнительные возможности, так и дополнительные вызовы, которые связаны с сетями и коалициями акторов, которые препятствуют реализации этих целей.

Итоговые политические эффекты. Иначе говоря, бифуркация современных глобальных структур ведет к масштабной децентрализации в системе глобального управления, которая становится все менее государственноцентричной, и все в большей степени – суммой производственных паттернов, формируемых среди неравных, рассеянных, пересекающихся и противоречащих друг другу акторов, стремящихся сохранить существующие взаимосвязи и реализовать свои цели. Более того, взаимосвязь двух этих паттернов «углубляется и становится ключевой характеристикой XXI столетия. Информационная революция делает это возможным, позволяя охватить земной шар в масштабах, неизвестных ранее. Все происходящее уподобляется беспорядочному усложняющемуся процессу, сопровождающемуся амбивалентными, противоречивыми и параллельными эффектами (Jho, p. 491).

Формирующейся ныне «цифровой власти» будет сложно стать моноактором.

Неизбежно возникает вопрос о сохранении правительственного контроля и обеспечения общественной безопасности в современных условиях. Следствием описанных выше трансформаций является перспективное изменение качества политики. Политика в новых складывающихся условиях должна решать две основных задачи – с одной стороны, не допускать прогрессирующей фрагментации общества и публичного пространства со сползанием системы в хаос, а с другой – препятствовать торжеству манипуляционных технологий, искажающих публичное пространство и общественное мнение в корпоративных интересах «власть имущих». Для этого, на наш взгляд, публичная политика должна определить своей задачей налаживание устойчивых механизмов обратной связи между властью и обществом, который бы обеспечивал адекватное представительство и эффективное согласование существующих в обществе интересов. Цифровые механизмы способны содействовать этому процессу – но все будет зависеть от принципиального выбора всей совокупности публичных акторов.

Ещё в период до пандемии в передовых странах мира возлагались большие надежды и ожидания от практических проектов диджитализации государственного управления. Существует множество моделей и подходов к трансформации системы государственного управления на основе цифровых технологий и эффектов (Коньков; Pencheva; Bell). Наиболее актуальным является взгляд через призму создания цифровых платформ. Достаточно много написано о потенциале платформ с точки зрения взаимодействия граждан и государства. Однако практическая реализация проектов цифровизации государственных услуг находится фактически в эпохе Web 2.0, когда достаточно считалось предоставление гражданам государственных услуг в электронном виде без обратной связи. Речь идёт о простой цифровизации существующих практик предоставления государственных услуг. В рамках такого подхода видится ограничение вовлечения граждан в сопроизводство принимаемых решений.

Реализуемый в России проект «Госуслуги» воспроизводит модель в духе эпохи Web 2.0. Граждане, зарегистрированные на едином портале государственных услуг, могут получать ряд услуг «не выходя из дома», то есть удалённо и в рамках принципа «одно окно» - заявление подается не в конкретный государственный орган, а через платформу, которая сама определяет нужный орган власти и отправляет туда заявление. Безусловно, введенный федеральным центром локдаун весной 2020 года и последующие события, связанные с пандемией, спровоцировали приток новых граждан на портал «Госуслуги». Вместе с тем взаимодействие граждан с государством через портал имеет существенные ограничения и представляет собой взаимодействие с «черным ящиком», в котором гражданин не видит конкретное ответственное за принятие решения лицо и не может принимать участие в процессе сопроизводства решений. Фактически, происходит цифровизация классической бюрократии со сложившимися процедурами управления. «Простая» цифровизация отдельных аспектов государственного управления может снижать некоторые операционные издержки, но не меняет сути сложившейся модели государственного управления.

Вместе с тем, цифровизацию государственного управления следует рассматривать по двум основным направлениям: 1) цифровизация процессов и практик взаимодействия государства и гражданина; 2) цифровизация процессов и практик взаимодействия органов самого государства. В исследованиях цифровизации государственного управления в основном основной ак-

цент делается на первом направлении, в то время как второе направление часто сводится к описанию практик внедрения электронного документооборота и «простой» цифровизации подобных практик. Такой подход определяет ограниченность взгляда как с теоретической, так и с практической стороны. С точки зрения государственных органов, инициирующих процессы цифровизации государственного управления, также просматривается узкий подход, который можно описать формулой «цифровизация существующих практик государственного управления без изменения сути сложившихся практик государственного управления» (Нао, р. 153).

Вводимые ограничения в разных странах мира в связи с пандемией актуализирует ряд вопросов, связанных с возможностями и ограничениями моделей цифрового управления. Пандемия и вводимые ограничительные меры в разных странах мира выявили и обострили существующие противоречия и кризисы. Государства и общества были поставлены в условия «удаленного взаимодействия». Это коснулось и граждан, от школьников до руководителей компаний, вынужденных удалённо взаимодействовать, до политиков, не имеющих возможности личного взаимодействия. Ускорение процессов цифровизации всех сфер жизни, от торговли до межгосударственных взаимодействий, представляется чем-то естественным и спасительным. Вместе с тем эти процессы несут в себе противоречия и парадоксы, допуская возможные экспертные погрешности (Marquardt, р. 698).

На сравнительно короткий промежуток времени граждане и политики были погружены в условия «включения всех систем», когда взаимодействие является безальтернативно возможным только удалённым не в теории, а на практике. Эта ситуация показала, что многие процессы могут происходить без непосредственного участия конкретного человека: достаточно взаимодействия онлайн. Ситуация показала бессодержательную формальность многих процессов. И показала, где личное присутствие является необходимым. Оказалось, что взаимодействие государств может вполне успешно и без потери качества происходить без непосредственных встреч политиков, обходящихся недешево для налогоплательщиков. Впрочем, готовые терпеть ограничения до определенного момента существующей угрозы граждане едва ли хотят быть отстранены от политики возможностью удалённо получать государственные услуги из «чёрного ящика». Рано или поздно граждане потребуют собственного вовлечения в реальное со производство через цифровые платформы.

На данном этапе, в условиях существующей угрозы и актуализации мобилизационных тенденций, видится парадокс цифровизации государственного управления: государство стало одновременно патроном, от которого ждут мудрых решений и помощи (гражданам и экономике), и сервильным «чёрным ящиком», выдающим гражданину услугу в виде решения его конкретного вопроса. Происходит отчуждение гражданина от государства, для которого улица по-прежнему является средством выражения собственной позиции (как это видно на примере протестов во Франции против ограничений, связанных с пандемией). Восприятия долгоиграющей пользы цифрового управления, при котором гражданин отчуждённо имеет дело с «чёрным ящиком» не перспективно. Условия пандемии показали, что развитие цифрового управления через призму цифровизации существующих практик управления не решит существующие проблемы, но может усилить социальное недовольство.

Современная стадия процесса цифровизации позволяет выделить следующие особенности этого процесса:

Цифровизация не оказалась панацеей в деле восстановления публичного порядка, поскольку создаваемый на цифровой основе публичный порядок начал фрагментироваться, подразделяясь на национально-государственный, корпоративный и другие сегменты социума.

Говорить о формировании некой «цифровой матрицы», с помощью которой современное государство может установить едва ли не тотальный контроль за отдельными людьми, подменив их физическое бытие цифровой копией, пока преждевременно.

Равно преждевременно констатировать начало противостояния отдельных государств, корпораций, глобальных медиаструктур друг другу в борьбе за доминирование в цифровой сфере, за получение доступа к базам данных конкурентов, за технологическое и организационное лидерство и т.п.

Искусственный интеллект как совокупность технологий создает дополнительные предпосылки для дальнейшей сегментации (а равно индивидуализации) цифрового пространства.

Само государство оказывается сегментированным, разделенным на отдельные сегменты, каждый из которых стремится создать свою собственную «цифровую вселенную» (реальность).

Ощутимого повышения эффективности системы государственного управления вследствие процессов диджитализации пока не произошло, по-

скольку традиционные устоявшиеся практики государственного управления пока не подверглись фундаментальной трансформации под влиянием «цифрового фактора».

Отдельные гражданские субъекты в качестве акторов коммуникации сохраняют возможность сохранить свою субъектность в рамках формируемого цифрового пространства, за счет использования возможностей социальных сетей и т.н. оппортунистических стратегий.

Литература

Andrasko, J., Mesarak, M., & Hamul'ak, O. (2021). The regulatory intersections between artificial intelligence, data protection and cyber security: challenges and opportunities for the EU legal framework. *AI & SOCIETY*, 36(2), 623-636.

Bell, D. (1980). Introduction. In S. Nora & H. Mine, *The Computerization of Society*. MTT Press.

Coglianesi, C., & Lehr, D. (2017). Regulating by robot: Administrative decision making in the Machine-learning era. *Georgetown Law Journal*, 105, 134-170.

Deibert, R. J. (1997). *Parchment, printing, and hypermedia: Communication in world order transformation*. Columbia University Press.

Engin, Z., & Treleaven, P. (2019). Algorithmic Government: Automating Public Services and Supporting Civil Servants in using Data Science Technologies. *The Computer Journal*, 62(3), 448-460.

Fischer, S. C., & Wenger, A. (2021). Artificial intelligence, forward-looking governance and the future of security. *Swiss Political Science Review*, 27(1), 170-179.

Grayson, K. (2016). *Cultural Politics of Targeted Killing: On Drones, Counter-Insurgency, and Violence*. Routledge.

Hagen, J., & Lysne, O. (2016). Protecting the digitized society the challenge of balancing surveillance and privacy. *The Cyber Defense Review*, 1(1), 75-90.

Hao, X., An, H., Sun, X., & Zhong, W. (2018). The import competition relationship and intensity in the international iron ore trade: From network perspective. *Resources Policy*, 57, 45-54.

Horowitz, M. C. (2018). Artificial Intelligence, International Competition, and the Balance of Power. *Texas National Security Review*, 1, 37-57.

Hur, J. Y., Lee, H., Choo, S., & Kim, H. R. (2019). The "smart work" myth: How bureaucratic inertia and workplace culture stymied digital transformation in the relocation of South Korea's capital. *Asian Studies Review*, 43(4), 691-709.

Jho, W., & Song, K. J. (2015). Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? *Government Information Quarterly*, 32(4), 488-495.

Krebs, R. (2018). The Politics of National Security. In *The Oxford Handbook of International Security* (pp. 259-273). Oxford University Press.

Marquardt, K. L. (2020). How and how much does expert error matter? Implications for quantitative peace research. *Journal of Peace Research*, 57(6), 692-700.

Motupalli, V. (2017). How Big Data Is Changing Democracy. *Journal of International Affairs*, 71(1), 71-79.

Pencheva, I., Esteve, M., & Mikhaylov, S. J. (2020). Big Data and AI - A transformational shift for government: So, what next for research? *Public Policy and Administration*, 35(1), 24-44.

Rosenau, J. (1997). *Along the Domestic-Foreign Frontier*. Cambridge University Press.

Wang, X. (2019). Network feature and influence factors of global nature graphite trade competition. *Resources Policy*, 60, 153-161.

Бродовская, Е. В. (2019). Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность. *Власть*, 27(4), 65-69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>.

Коньков, А. Е. (2020). Цифровизация политики и политика цифровизации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 13(1), 47-68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>.

Косоруков, А. А., & Кшеменецкая, М. Н. (2019). Цифровое управление как современный этап развития государственного управления (на примере открытых данных). *Тренды и управление*, (1), 27-34.

Лапшин, А. О. (2019). Глобализация и цифровое общество: заметки на полях. *Власть*, 27(1), 63-68. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228>.

Ляликов, А. А. (2023). Развитие теоретико-методологических подходов государственного управления: от «железной клетки» бюрократии до цифрового управления и клиентоцентричности. *Управленческое консультирование*, (11), 149-160.

Туробов, А. В. (2022). Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями: результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (65), 310-327.

Туробов, А., & Миронюк, М. (2021). Эмпирическая модель анализа динамики алгоритмизации (технологии искусственного интеллекта) в сфере обеспечения безопасности на примере США. *Политическая наука*, 3, 72-111.

Халин, В. Г., & Чернова, Г. В. (2018). Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски. *Управленческое консультирование*, (10), 46-63.

Яновский, В. В., Исаев, А. П., & Нещерет, А. К. (2018). О реализации проектного подхода в государственном управлении и местном самоуправлении. *Управленческое консультирование*, (7), 8-16.

References

- Andrasko, J., Mesarak, M., & Hamul'ak, O. (2021). The regulatory intersections between artificial intelligence, data protection and cyber security: challenges and opportunities for the EU legal framework. *AI & SOCIETY*, 36(2), 623-636.
- Bell, D. (1980). Introduction. In S. Nora & H. Mine, *The Computerization of Society*. MTT Press.
- Coglianese, C., & Lehr, D. (2017). Regulating by robot: Administrative decision making in the Machine-learning era. *Georgetown Law Journal*, 105, 134-170.
- Deibert, R. J. (1997). *Parchment, printing, and hypermedia: Communication in world order transformation*. Columbia University Press.
- Engin, Z., & Treleaven, P. (2019). Algorithmic Government: Automating Public Services and Supporting Civil Servants in using Data Science Technologies. *The Computer Journal*, 62(3), 448-460.
- Fischer, S. C., & Wenger, A. (2021). Artificial intelligence, forward-looking governance and the future of security. *Swiss Political Science Review*, 27(1), 170-179.
- Grayson, K. (2016). *Cultural Politics of Targeted Killing: On Drones, Counter-Insurgency, and Violence*. Routledge.
- Hagen, J., & Lysne, O. (2016). Protecting the digitized society the challenge of balancing surveillance and privacy. *The Cyber Defense Review*, 1(1), 75-90.
- Hao, X., An, H., Sun, X., & Zhong, W. (2018). The import competition relationship and intensity in the international iron ore trade: From network perspective. *Resources Policy*, 57, 45-54.
- Horowitz, M. C. (2018). Artificial Intelligence, International Competition, and the Balance of Power. *Texas National Security Review*, 1, 37-57.
- Hur, J. Y., Lee, H., Choo, S., & Kim, H. R. (2019). The "smart work" myth: How bureaucratic inertia and workplace culture stymied digital transformation in the relocation of South Korea's capital. *Asian Studies Review*, 43(4), 691-709.
- Jho, W., & Song, K. J. (2015). Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? *Government Information Quarterly*, 32(4), 488-495.
- Krebs, R. (2018). The Politics of National Security. In *The Oxford Handbook of International Security* (pp. 259-273). Oxford University Press.
- Marquardt, K. L. (2020). How and how much does expert error matter? Implications for quantitative peace research. *Journal of Peace Research*, 57(6), 692-700.
- Motupalli, V. (2017). How Big Data Is Changing Democracy. *Journal of International Affairs*, 71(1), 71-79.
- Pencheva, I., Esteve, M., & Mikhaylov, S. J. (2020). Big Data and AI - A transformational shift for government: So, what next for research? *Public Policy and Administration*, 35(1), 24-44.
- Rosenau, J. (1997). *Along the Domestic-Foreign Frontier*. Cambridge University Press.
- Wang, X. (2019). Network feature and influence factors of global nature graphite trade competition. *Resources Policy*, 60, 153-161.

Brodovskaya, E. V. (2019). Digital citizens, digital society and digital citizenship. *Vlast'*, 27(4), 65-69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>. (In Russ.)

Kon'kov, A. E. (2020). Digitalization of politics and the politics of digitalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 13(1), 47-68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>. (In Russ.)

Kosorukov, A. A., & Kshemenetskaya, M. N. (2019). Digital governance as a modern stage of public administration development (on the example of open data). *Trends and Management*, (1), 27-34. (In Russ.)

Lapshin, A. O. (2019). Globalization and digital society: Marginal notes. *Vlast'*, 27(1), 63-68. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228>. (In Russ.)

Lyalikov, A. A. (2023). Development of theoretical and methodological approaches to public administration: From the "iron cage" of bureaucracy to digital governance and client-centricity. *Administrative Consulting*, (11), 149-160. (In Russ.)

Turobov, A. V. (2022). Opportunities for transplantation of political institutions in technology trade: Results of network analysis in a comparative perspective. *Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science*, (65), 310-327. (In Russ.)

Turobov, A., & Mironyuk, M. (2021). An empirical model for analyzing the dynamics of algorithmization (artificial intelligence technologies) in the field of security: The case of the United States. *Political Science (Russia)*, 3, 72-111. (In Russ.)

Khalin, V. G., & Chernova, G. V. (2018). Digitalization and its impact on the Russian economy and society: Advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*, (10), 46-63. (In Russ.)

Yanovsky, V. V., Isaev, A. P., & Neshcheret, A. K. (2018). On the implementation of the project approach in public administration and local self-government. *Administrative Consulting*, (7), 8-16. (In Russ.)

Для цитирования: Бирюков, С. В. Цифровое управление: поиск новых моделей государственного управления в современной ситуации / С.В. Бирюков, С.Н. Чирун, А.В. Андреев // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 6-20. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-6-20.

Б.П. Гуселетов**B. Guseletov**

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В СОВЕТЕ ЕС НА ПРИМЕРЕ ВЕНГРИИ, ПОЛЬШИ И ДАНИИ В 2024-2025 ГОДЫ*

THE INSTITUTE OF PRESIDENCY IN THE COUNCIL OF THE EU ON THE EXAMPLE OF HUNGARY, POLAND AND DENMARK IN 2024-2025

Аннотация

Во введении дается оценка современному состоянию института председательства в Совете Европейского Союза, который до 2009 года был одним из ключевых элементов его политического руководства, а в настоящее время является наряду с Европейским парламентом его ведущим законодательным органом.

Цель данного исследования заключается в проведении анализа текущего статуса института президентства в Совете ЕС и конкретных результатах президентства Венгрии и Польши в 2024-2025 гг., а также программы президентства Дании во второй половине 2025 года. Представлены основные направления деятельности и итоги председательства Венгрии во второй половине 2024 года. Отмечены основные намерения польского руководства в рамках председательства этой страны в Совете ЕС в первой половине 2025 года и его важнейшие результаты.

Методологической основой данного исследования стал количественный и качественный анализ материалов, регламентирующих деятельности института президентства в СЕС, а также программных документов, касающихся председательства Венгрии, Польши и Дании в 2024-2025 гг. Результатами проведенного исследования являются итоги анализа основных инициатив, с которыми руководства Венгрии и Польши приступило к выполнению своих обязанностей, особенно в отношении проблем обороны и безопасности ЕС, продолжения процесса евроинтеграции, обсуждения дальнейших перспектив членства Украины в ЕС и разрешения украинского конфликта, а также поиска ответов на инициативы 47-го президента США Д.

Abstract

The introduction provides an assessment of the current state of the institution of the presidency of the Council of the European Union, which until 2009 was one of the key elements of its political leadership, and is now, along with the European Parliament, its leading legislative body.

The purpose of this study is to analyze the current status of the institution of the presidency in the Council of the EU and the specific results of the Presidency of Hungary and Poland in 2024-2025, as well as the program of the Presidency of Denmark in the second half of 2025. The main activities and results of the Hungarian presidency in the second half of 2024 are presented. The main intentions of the Polish leadership within the framework of the presidency of this country in the Council of the EU in the first half of 2025 and its most important results are noted. The methodological basis of this study was a quantitative and qualitative analysis of materials regulating the activities of the Institute of Presidency in the EUFOR, as well as policy documents related to the presidency of Hungary, Poland and Denmark in 2024-2025.

The results of the study are the results of an analysis of the main initiatives with which the leaders of Hungary and Poland have begun to fulfill their duties, especially with regard to the problems of EU defense and security, the continuation of the European integration process, the discussion of further prospects for Ukraine's membership in the EU and the resolution of the Ukrainian conflict, as well as the search for answers to the initiatives of the 47th President of the United States.

Трампа по введению торговых пошлин в отношении европейских товаров. Были также проанализированы ключевые приоритеты в программе председательства Дании во второй половине 2025 года, включая его сходство и различия с программой польского председательства, учитывая, что Польша и Дания, наряду с Кипром, входят в так называемую модель «президентского трио». Выводы по итогам проведения исследования заключаются в уточнении действующего статуса института президентства в Совете ЕС, а также в том, что Венгрия и Польша в ходе своего президентства уделяли особое внимание разрешению российско-украинского кризиса. Дания, к которой перешло президентство от Польши также намерена уделить этому вопросу особое внимание, так же, как и теме зеленого перехода.

Ключевые слова:

Европейский Союз, Совет ЕС, институт президентства, Венгрия, Польша, Дания, Европарламент, Еврокомиссия.

ed States D. Trump's plan to impose trade duties on European goods. The key priorities in the program of the Danish presidency in the second half of 2025 were also analyzed, including its similarities and differences with the program of the Polish presidency, given that Poland and Denmark, along with Cyprus, are part of the so-called «presidential trio» model. The conclusions of the study are to clarify the current status of the institution of the presidency in the Council of the EU, as well as the fact that Hungary and Poland, during their presidencies, paid special attention to resolving the Russian-Ukrainian crisis. Denmark, which has taken over the presidency from Poland, also intends to pay special attention to this issue, as well as the topic of the green transition.

Key words:

European Union, Council of the EU, Institute of the Presidency, Hungary, Poland, Denmark, European Parliament, European Commission.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР №FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона».

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-21-38>

Совет Евросоюза (СЕС) наряду с Европарламентом (ЕП) представляет собой один из двух законодательных институтов ЕС, в состав которого входят в зависимости от рассматриваемого вопроса 27 министров, представляющих правительства всех его стран-членов. В заседаниях СЕС также участвует без права решающего голоса член Еврокомиссии (ЕК), отвечающий за тот или иной вопрос (Энтин, 2009).

Роль и влияние СЕС в системе политических органов ЕС во многом обусловлены тем, что он обеспечивает защиту интересов государств-членов Союза и их согласование с интересами ЕС в целом.

СЕС является важнейшим законотворческим институтом ЕС, делея с ЕП полномочия в сфере общих законодательных процедур и играя доминирующую роль в области применения специальных законодательных процедур. Законодательные акты ЕС, которые принимаются либо непосредственно СЕС,

либо при его участии, занимают верховенствующее положение в иерархии законов Союза, после его учредительных договоров. При этом основные решения, которые принимает СЕС, подлежат обязательному исполнению странами-членами ЕС.

Кроме того, СЕС при определенных обстоятельствах может брать на себя некоторые исполнительские функции. Он имеет собственный Генеральный секретариат, обслуживающий сам СЕС и Европейский совет.

Порядок председательства в СЕС после 2007 года изменился ради усиления координации между государствами-членами ЕС, а именно: была реализована идея «председательского трио» или, как ее иногда называют системы тройки, когда три последовательно сменяющих друг друга государства, председательствующие в СЕС в течение шести месяцев, образуют некую управляющую коллегию или президентское трио. Она была впервые реализована на практике в 2007 году и официально включена в Лиссабонский договор в 2009 году. Ее главная задача обеспечить стабильность и преемственность в руководстве СЕС путем разработки единой программы работы на все время их председательства, т.е. полтора года, которая обеспечивает необходимую помощь входящим в тройку государствам и содействие, что особенно важно для страны, председательствующей в данный период. Эта система распространяется на все форматы работы СЕС, помимо Совета по иностранным делам, в котором роль постоянного председателя возложена на Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Текущее председательское трио включает Польшу (январь-июнь 2025 г.), Данию (июль-декабрь 2025 г.) и Кипр (январь-июнь 2026 г.).

Методологической основой данного исследования стал количественный и качественный анализ материалов, регламентирующих деятельности института президентства в СЕС, а также программных документов, касающихся председательства Венгрии, Польши и Дании в 2024-2025 гг. Среди анализируемых документов следует упомянуть программы председательства этих стран¹; тексты выступлений их лидеров, публикуемые в национальных и общеевропейских средствах массовой информации, а также другие материалы, касающиеся участия этих стран в европейских и международных делах.

¹ Priorities of the Hungarian presidency. (05.10.2025). <https://hungarian-presidency.consilium.europa.eu/en/>; Priorities of the Polish presidency. [https://polish-presidency.consilium.europa.eu/en/programme/priorities/?__cf_chl_rt_tk=9cE_AVy9WfJ73.oxy0VPhZ0Zmt_JW9Nvbfmp9pJq0N4-1759144754-1.0.1.1-CjTo8Bj0j1dELWWzUMzQizdUB.imOcCgeliX1OWZEvg](https://polish-presidency.consilium.europa.eu/en/programme/priorities/?__cf_chl_rt_tk=9cE_AVy9WfJ73.oxy0VPhZ0Zmt_JW9Nvbfmp9pJq0N4-1759144754-1.0.1.1-CjTo8Bj0j1dELWWzUMzQizdUB.imOcCgeliX1OWZEvg;); EU Presidency 2025. <https://ufm.dk/en/eu-presidency-2025-1>.

Среди научно-теоретической литературы, посвященной анализу самого института председательства в Совете ЕС и результатов председательства Венгрии и Польши, можно выделить работы следующих российских и западных специалистов: М. Бирюков (2006), Ю. Борко (2003), С. Кашкин (2010), Б. Топорнин (1999), Л. Энтин (2009), D. Chalmers (2006), Т. Hartley (2007), S. Hix (2005), G. Moens (2010) и др.

Автор данного исследования использовал основные результаты этих материалов для анализа самого института председательства в Совете ЕС, его эволюцию в последние 16 лет и конкретные программы и итоги председательства Венгрии, Польши и Дании за период со второй половины 2024 до конца 2025 гг.

Выбранный автором период исследования – с середины 2024 года по конец 2025 года объясняется тем, что именно в это время председательствующие страны: Венгрия, Польша и Дания, уделяли особое внимание разрешению российско-украинского конфликта. А это должно представлять особый интерес российской научной и общественной аудитории.

Итоги председательства Венгрии во второй половине 2024 года. 1 июля 2024 года председательство в Совете ЕС приняла Венгрия, которая продолжает беспокоить политические институты ЕС своей самостоятельной позицией по многим политическим вопросам. Основными приоритетами ее председательства были: подготовка нового Соглашения о европейской конкурентоспособности, которое должно было содействовать восстановлению экономического развития европейской экономики и обеспечить необходимые условия для ее устойчивого роста; дальнейшее развитие оборонной политики ЕС, направленное на предотвращение конфликтов на европейском континенте; продолжение сбалансированной политики расширения, в первую очередь за счет сближения с государствами Западных Балкан; усиление противодействия нелегальной миграцией за счет улучшения сотрудничества с странами, откуда мигранты прибывают в ЕС, чтобы наладить систему их возвращения на родину и пересмотреть правила предоставления убежища; дальнейшее развитие политики сплочения с целью сокращения региональных различий внутри ЕС; поддержка сельскохозяйственной политики ЕС, направленной на обеспечение его продовольственного суверенитета и безопасности, и, наконец, повышение эффективности решения демографических проблем.

Председательство Венгрии в СЕС было отмечено как позитивными, так и негативными результатами. К позитивным можно было отнести выработку последовательной позиции по: военным конфликтам, включая миротворческие; предложения по разрешению украинского кризиса, проблемам укрепления обороноспособности ЕС и повышения конкурентоспособности его экономики; аграрной политике и миграции. К негативным, с точки зрения руководства ЕС, относилась челночная дипломатия венгерского премьер-министра В. Орбана, который во второй половине 2024 года нанес визиты в Россию, Китай, США и Украину для выработки и согласования условий прекращения российско-украинского конфликта (Шишелина, 2024).

Итоги председательства Польши в первой половине 2025 года. Переход председательства от Венгрии к Польше был нацелен на обеспечение необходимости разрешения тех ключевых задач, которые не были решены в период венгерского председательства.

Председательство Польши в СЕС началось 1 января 2025 года. Это событие имело особое значение, так как оно было связано с празднованием 20-летия вхождения Польши в состав ЕС. Помимо этого, оно пришлось на время заметной нестабильности международной обстановки и усиления неопределённости в вопросе будущего развития Европы.

Его ключевыми приоритетами стали: решение проблемы безопасности, рассматриваемой в широком контексте, включая вопросы экономики, энергетики, продовольственного суверенитета, информационной доступности, здравоохранения и границ ЕС; продолжение процесса евроинтеграции; противодействие нелегальной миграции и др¹.

До октября 2023 года Польшей руководило правительство, которое с 2015 года возглавляла правоконсервативная и евроскептическая партия «Право и справедливость» (ПиС) во главе с Я. Качинским, идейно-политически близкая партии ФИДЕС В. Орбана. Но после победы на парламентских выборах 2023 года праволиберальной и проевропейской «Гражданской коалиции» во главе с бывшим Председателем Евросовета (2014-12919) и лидером «Европейской народной партии» (2019-2022) Д. Туском, который возглавил новое правительство страны, Польша резко сменила свою риторику и политику в отношении ЕС. Эта страна является одним из

¹ Михалев О. (2025) Приоритеты председательства Польши в Совете ЕС // РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prioritety-predsedatelstva-polshi-v-sovete-es/>

ведущих представителей Балтийско-скандинавского мегарегиона (БСМ), поэтому ее председательство в СЕС имело огромное значение и для самого этого региона, включающего также Германию, Данию, страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония), и Скандинавии (Норвегия, Финляндия и Швеция).

Поэтому от ее председательства в СЕС европейские политические элиты, в том числе из региона БСМ, ожидали новых позитивных инициатив, которые были востребованы на фоне серьезнейших успехов праворадикальных евроскептиков на парламентских выборах в ряде ведущих государств-членов ЕС: Австрии, Венгрии (Шишелина, 2022), Германии (Белов, 2024), Италии (Алексеевкова, 2024) и Франции (Федоров, 2024), а также на евровыборах 2024 года. А также продолжающейся специальной военной операцией (СВО) России на Украине, избрания президентом США Д. Трампа, заявившего о введении торговых тарифов против Канады, Китая и Мексики и пригрозившего введением торговых пошлин ЕС, и намерившегося присоединить к входящую в Датское королевство Гренландию к Соединенным Штатам.

Основным приоритетом своего председательства Польша объявила создание Европейского оборонного союза (ЕОС), о чем в последние годы неоднократно заявляли руководители ведущих политических институтов ЕС¹. Конфликт на Украине и возвращение Д. Трампа способствовали серьезному ускорению процесс образования ЕОС, и Польша выразила готовность обеспечить его скорейшее завершение.

Председатель ЕК У. фон дер Ляйен заявила, для обеспечения устойчивости финансирования европейской системы обороны руководство ЕС готово в ближайшие десять лет выделить на военные расходы дополнительные €500 млрд². Польское руководство поддержало эту инициативу и объявило о выделении в 2025 г. на военные расходы €43 млрд (4,7% национального ВВП), беря на себя заметную долю общеевропейских оборонных затрат. Д. Туск в ходе своего выступления в ЕП 22.01.2025 года заявил, что Европе необходимо радикально укрепить свою обороноспособность и страны-члены ЕС должны увеличить их оборонные расходы до 5% от их ВВП³.

¹ Тебин, П. (2025). Белая книга Евросоюза по обороне – «милый маленький сад» милитаризма. Россия в глобальной политике. <https://globalaffairs.ru/articles/sad-militarizma-tebin/>.

² ЕС нуждается в дополнительных военных инвестициях в течение следующего десятилетия — глава ЕК. ИТАР-ТАСС. (2024). URL: <https://tass.com/world/1809639>.

³ Туск: Европа должна увеличить военные расходы, чтобы выжить. (2025). ИТАР-ТАСС. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22942875>.

Для решения этой задачи Польша поддержала инициативу по созданию целевого Европейского фонда обороны (ЕФО), выступив с предложением организовать систему совместных займов, заключаемых рядом государств, берущих на себя обязательства их погасить. Создание этой системы странами-членами ЕС позволило бы привлечь €150 млрд на финансирование оборонных проектов в ряде приоритетных сфер, которые должен будет определить Евросовет.

Необходимо также отметить, что между Польшей и рядом ведущих стран-членов ЕС возникли серьезные разногласия, связанные с их подходами к источникам расширения оружейных арсеналов. Сама Польша в основном закупала вооружения в США и Южной Корее, в то время как ведущие европейские производители военной техники и вооружений: Германия, Италия и Франция настаивали на том, чтобы ЕС в первую очередь финансировал европейскую оборонную промышленность (ЕОП), обеспечивая свой оборонный суверенитет и возможность самостоятельно снабжать свои вооруженные силы необходимым вооружением.

Польша также предложила проект создания «Восточного щита», нацеленный на усиление противовоздушной обороны на восточной границе ЕС, входящей в БСМ, который обеспечил бы защиту Польшу и страны Балтии и Скандинавии от потенциальной агрессии с Востока и в значительной мере финансировался бы Европейским инвестиционным банком. В рамках этого проекта Д. Туск заявил, что его правительство уже выделило €2,31 млрд на укрепление границ с Беларусью и Россией.

Другим важным приоритетом своего председательства Польша объявила усиление борьбы с нелегальной миграции, которая для нее стала в последнее время одной из серьезных проблем из-за роста миграционных потоков из Беларуси и Украины (после начала СВО). Поэтому в ходе своего председательства Польша заявила, что намерена добиваться повышения качества миграционной политике ЕС, особенно в отношении его восточноевропейских соседей за счет укрепления безопасности его внешних границ¹.

Еще одним приоритетом польского председательства стало расширение ЕС. Польша неизменно поддерживала намерения восточно-европейские и западно-балканские страны стать членом ЕС. Помимо стремления Украины

¹ Poland assumes Council of Europe Presidency with Focus on Security and Migration. Brussels. Signal. (2025). <https://brusselssignal.eu/2025/01/poland-assumes-council-of-eu-presidency-with-focus-on-security-and-migration/>.

ускорить процесс ее вступления в ЕС, Польша также стремилась ускорить намерение Молдовы и стран Западных Балкан присоединиться к Союзу. Польское руководство также поддерживала проевропейские устремления Грузии.

Для реализации этих целей Польша предложила активизировать проект ЕС «Восточное партнерство» (ВП), являющийся важным элементом его политики добрососедства на восточном направлении (Борко, 2018).

Польское руководство было активно вовлечено в процесс разрешения российско-украинского конфликта, хотя министр иностранных дел этой страны Р. Сикорский на Мюнхенской конференции по безопасности 2025 года заявил, что «время для переговоров по урегулированию конфликта еще не пришло»¹. При этом отношение Польши к возможному вступлению Украины в ЕС оставалось не совсем однозначным. Во-первых, начиная с 2023 года, польско-украинские торгово-экономические связи обострились после решения руководства ЕК создать преференции для импорта украинской сельхозпродукции на европейский рынок². В результате после серии протестов польских фермеров правительство Польши усилило ограничения для выхода украинской сельхозпродукции на свой рынок, в ответ на что украинское руководство направило жалобу в ВТО. Тем не менее, польское руководство не изменило свое критическое отношение к расширению доступа украинской продукции на рынок ЕС, и при обсуждении возможного членства Украины в Союзе продолжало требовать соблюдения необходимого баланса между открытостью европейского рынка для этой страны и защитой польских национальных интересов³.

Другой важной проблемой в польско-украинских отношениях оставалось нерешенность вопроса эксгумации польских жертв Воынской резни. Это вынудило руководство Польши, в том числе Д. Туска, выступить с серией негативных заявлений, касающихся намерений Украины стать членом

¹ A matter of time: Europe will have to send troops to Ukraine – Sikorsky. (2025). Eadaily.com. <https://eadaily.com/en/news/2025/02/15/a-matter-of-time-europe-will-have-to-send-troops-to-ukraine-sikorsky>.

² Нараева А., Лакстыгал И. (2023). Еврокомиссия считает неприемлемым решение о запрете импорта зерна с Украины. Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/16/971087-evrokomissiya-reshenie-zaprete-importa>.

³ Польша выступает против вступления Украины в ЕС: названа причина. (2025). Topcor.ru. <https://topcor.ru/48780-polsha-vystupaet-protiv-vstuplenija-ukrainy-v-es.html>.

ЕС¹. Эта проблема пока не решена, хотя обе страны договорились создать экспертную группу для разработки возможных рекомендаций.

Исходя из изложенного было ясно, что в ходе своего председательства Польша не будет содействовать скорейшему принятию Украины в ЕС и постарается добиться от руководства этой страны максимально возможных компромиссов и в деле ограничения экспорта ее сельхозпродукции в ЕС, и в разрешении вопроса эксгумации жертв Волынской резни.

Серьезным вопросом для польского председательства в СЕС стали отношения между ЕС и США, в связи с тем, что после вступления Д. Трампа в должность президент США, он объявил о введении новых импортных пошлин на некоторые европейские товары, так как он посчитал, что Брюссель «ужасно» относится к его стране².

В ответ на это заявление американского президента Д. Туск на встрече лидеров стран-членов ЕС 03.02.2025 года заявил, что Союз должен показать свою силу в отношениях с Соединенными Штатами и «при этом ... быть единым в этом вопросе»³. Он выразил надежду, что сможет убедить лидеров стран-членов ЕС не вводить ограничения на покупки американского оружия.

Поддержку Д. Туску выразили главы Евросовета А. Кошта и ЕК У. фон дер Ляйен, которые также критически оценили попытки Д. Трампа повысить пошлины на продукцию из ЕС. Фон дер Ляйен отметила, что ЕС готов «к активному, но конструктивному диалогу с США. Но если на нас станут несправедливо нападать, Евросоюз готов дать решительный ответ»⁴. Ее поддержали А. Кошта, спикер ЕП Р. Метсола и Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Каллас, заявив, что ЕС не намерен отказываться от ответных мер в случае повышения пошлин на его товары.

Председательство Польши в Совете ЕС было завершено 30.06.2025 года и 26-27.06.2025 года в Брюсселе прошел саммит Евросовета, на котором обсуждались вопросы обороны и безопасности, конкурентоспособности и

¹ Fornusek M. (2025). Polish official: Ukraine 'cannot dream' of EU without resolving Volyn victims' exhumations. Yahoo.com. <https://www.yahoo.com/news/polish-official-ukraine-cannot-dream-212159854.html>.

² Трамп заявил о намерении ввести пошлины на продукцию из ЕС. (2025). ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23028113>.

³ Cook L. and Caserteu R. (2025) Leaders scramble to avoid friction with the US under Trump and avoid a 'stupid tariff war' // APNews. <https://apnews.com/article/eu-us-ukraine-defense-trump-greenland-tariffs-c3e454c8f0959d273c2b6dd5941395e3>.

⁴ Henley J. (2025) EU will stand up for itself in face of Trump tariffs threat, Macron says. The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2025/feb/03/eu-will-stand-up-for-itself-in-face-of-trump-tariffs-threat-macron-says>.

ситуациям на Ближнем Востоке и Украине. По окончании саммита Д. Туск, подводя итоги польского председательства в СЕС, особо остановился на теме обороны, отметив, что его стране удалось «убедить Европу в том, что текущая геополитическая ситуация требует беспрецедентных и смелых решений»¹. Говоря о наиболее значимых успехах председательства его страны польский премьер отметил выделение €150 млрд на оборону по программе европейского ВПК, а также финансовую помощь программе «Восточный щит». Он еще раз отметил важность повышения расходов на оборону странами-членами ЕС и НАТО до уровня в 5% ВВП, из которых 3,5% непосредственно пойдут на оборону, а оставшиеся 1,5% на инвестиции в оборонную промышленность.

А. Кошта и У. фон дер Ляйен отметили важность польских законодательных инициатив, выдвинутых в период ее председательства, а фон дер Ляйен добавила, что в ЕП идут переговоры по 37 законопроектам, а также 18 соглашениям².

В деле расширения Евросоюза Польша добилась определенных успехов, несмотря на определенные сложности, как внутри самого ЕС, так и за его границами. Наибольшего прогресса за период польского председательства достигли Албания и Черногория.

Албания готовится завершить переговоры о вступлении в ЕС к 2027 году, так как в первой половине 2025 года открыла ряд глав переговорного досье: 14.04.2025 года главу о внутреннем рынке и 22.05.2025 года главу о конкурентоспособности и инклюзивном росте.

Черногория, которая стремится членом ЕС к 2028 года, сумела закрыть обсуждение главы о государственных закупках.

Северной Македонии не удалось завершить процесс конституционных изменений, поэтому открытие для нее первых переговорных глав пока невозможно.

Что касается Сербии, то открыть новые главы в переговорах с ней не удалось из-за внутри сербских проблем, связанных с рядом массовых протестов против президента А. Вучича, которого обвинили в коррупции. В результате из 33 глав ей удалось открыть лишь 22, а следующие главы 23 (Су-

¹ PM Tusk in Brussels: Europe Woke Up Under Poland's Lead. (2025). Gov.pl. <https://www.gov.pl/web/primeminister/pm-tusk-in-brussels-europe-woke-up-under-polands-lead>.

² EU leaders take stock of achievements of the Polish Presidency of the EU. (2025). Globalnewssphere.com. <https://globalnewsphere.com/eu-leaders-take-stock-of-achievements-of-the-polish-presidency-of-the-eu-council/>.

дебная система и основные права) и 24 (Правосудие, свобода и безопасность) затрагивают вопросы, связанные с верховенством закона, которые поднимали протестующие.

Руководство Боснии и Герцеговины по-прежнему пытается преодолеть затянувшийся институциональный кризис, что не дает этой стране возможности начать переговорный процесс в соответствии с рекомендациями ЕС, выданными ей в 2022 году

Заявка на вступление, поданная Косово еще в конце 2022 года, пока что рассматривается в СЕС, ибо пять стран: Греция, Испания, Кипр, Румыния и Словакия отказываются признавать суверенитет этой страны.

Обвинения руководства Грузии в том, что ее правящая партия «Грузинская мечта», в последнее время все чаще прибегает к авторитарным методам противодействия оппозиции привели к остановке процесса переговоров во вступлении в ЕС, причем в последние месяцы польского председательства эта ситуация еще больше усугубилась.

Некоторых частичных успехов добилась Молдова, но в первой половине 2025 года она не смогла начать переговоры о вступлении в ЕС, так как она в тот момент была связана в этом деле к Украиной, переговоры с которой о вступлении блокировала Венгрия, обещавшая наложить вето. Тем не менее, Кишиневу удалось добиться прогресса и скорее всего к концу 2025 года досье по Молдове и Украине удастся разделить¹.

Планы председательства Дании во второй половине 2025 года. Необходимо иметь в виду, что еще в 1993 году в ходе ратификации Маастрихтского договора Дания добилась ее исключения из Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, но к 1 июля 2022 года она провела референдум, по итогам которого этот отказ был отменен, после чего страна стала принимать участие в оборонных проектах Союза². В начале июня 2025 года датский премьер М. Фредериксен объявила, что ее страна больше не считает себя частью так называемой «четверки бережливых» ЕС, включавшей в себя также Австрию, Нидерланды и Швецию. Она объяснила этот шаг тем, что в условиях неопределенности Евросоюзу нужен новый более гибкий и соответствующий его приоритетам бюджет. Фредериксен подчеркнула, что Дания

¹ Was the Polish EU Council Presidency a success for EU enlargement? (2025). Newunionpost.eu. <https://newunionpost.eu/2025/07/01/eu-enlargement-polish-presidency-final/>.

² Danes vote yes to abolish EU defence opt-out – here are the next steps. (2022). Via.ritzau.dk. URL: <https://via.ritzau.dk/pressemeddelelse/13652552/danes-vote-yes-to-abolish-eu-defence-opt-out-here-are-the-next-steps?publisherId=13560888>.

будет по-прежнему отстаивать свои позиции в переговорах о бюджете ЕС, требуя отказа от трат на неприоритетные нужды¹. В июне 2025 года на саммите НАТО руководство Дании подтвердила свою готовность повысить к 2035 году ее расходы на оборону до 5% от ВВП².

Важно также отметить, что в последнее время отношение датчан к Евросоюзу заметно улучшилось. Согласно опросам общественного мнения, проведенных зимой 2025 года, 66% датчан считали, в ближайшие несколько лет роль ЕС станет более важной (в среднем по Европе: 44%). Также 82% датчан ожидали, что в будущем роль Союза в защите европейских граждан от глобальных кризисов и угроз безопасности станет более важной (в среднем по Европе: 66%). В качестве приоритетов датчане называли «оборону и безопасность» (52%), «энергетическую независимость, ресурсы и инфраструктуру» (36%) и «конкурентоспособность, экономика и промышленность» (30%), что несомненно оказало влияние на повестку дня датского председательства в СЕС³.

Свое председательство в СЕС Дания начала 1 июля 2025 года под лозунгом «Сильная Европа в меняющемся мире», объявив своими основными приоритетами создание безопасной, конкурентоспособной и зеленой Европы. По мнению датского руководства, ЕС сталкивается с серьезным обновлением международного порядка, для которого характерны усиление глобальной стратегической и экономической конкуренции, рост уровня конфликтов и стратегической неопределенности. И это, как они считают, требует от ЕС найти ответы на стоящие перед ним вызовы, поэтому именно «Зелёный переход» необходим для построения более безопасной и конкурентоспособной Европы⁴. В своей программе председательства Дания была намерена уделить больше внимания, чем Польша, вопросу экологии, косвенным подтверждением чего является тот факт, что в польской программе слова экология или зеленый встречалось 11 раз, а в датской – 36.

¹ Хрущев П. (2025). Дания признала, что больше не является частью «бережливой четверки». Gazeta.ru. <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/06/03/25947536.shtml>.

² Амелин Н. (2025). У Дании есть советы Евросоюзу. Kommersant.ru. <https://www.kommersant.ru/doc/7851696>.

³ Hansen F.S. (2025) A Danish Presidency that is embracing the European Union like never before. Robert Schumann Foundation. <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/797-a-danish-presidency-that-is-embracing-the-european-union-like-never-before>.

⁴ Danish Presidency Program in EU. (2025). <https://danish-presidency.consilium.europa.eu/en/programme-for-the-danish-eu-presidency/programme-of-the-danish-eu-presidency/>.

Дания считает, что целью укрепления безопасности ЕС является создание таких условий, которые позволят ему возможность самостоятельно защищать себя к 2030 году. Для этого необходимо будет укрепить европейскую оборонную промышленность, включая производственные мощности и логистику, а также усилить геополитическое влияние ЕС, за счет активного развития взаимовыгодного глобального сотрудничества, в том числе с НАТО, которое будет включать в себя соглашения о торговой политике, экономическое сотрудничество и мобилизацию финансирования.

ЕС должен укрепить свою экономическую безопасность и быть готовым защищать свои экономические интересы от недобросовестной торговой практики и экономического принуждения, используя защитные торговые инструменты для обеспечения равных условий.

По мере роста нестабильности и неопределенности поддержка зеленого, справедливого и устойчивого развития в развивающихся странах, включая предотвращение кризисов и конфликтов и реагирование на них, останется приоритетом Дании. И она, как председательствующая страна будет тесно сотрудничать с Верховным представителем по иностранным делам и политике безопасности для разработки этих приоритетов¹.

В ходе своего председательства Дания намерена сосредоточиться на обеспечении финансирования, направленного на укрепление европейской обороны, которое включает в себя реализацию Плана перевооружения Европы и продолжение финансовой поддержки Украины с учётом ее долгосрочного восстановления страны после окончания конфликта с Россией.

Для повышения уровня конкурентоспособности европейской экономики Дания намерена в рамках Совета по конкурентоспособности разработать ряд мер, направленных на укрепление экономического фундамента ЕС, обеспечения стабильных цепочек поставок, повышения экономической безопасности, укрепления глобальных позиций ЕС и создания возможностей для экономического роста посредством инноваций, основанных на научных исследованиях. Руководство страны будет также продвигать переход на зеленую экономику, как ключевой фактор роста, уделяя особое внимание декарбонизации промышленности и созданию надлежащих рамочных условий для обеспечения доступа к необходимому сырью и доступной энергии. Ос-

¹ Danish Presidency Program in EU. (2025). <https://danish-presidency.consilium.europa.eu/en/programme-for-the-danish-eu-presidency/programme-of-the-danish-eu-presidency/>.

новное внимание будет направлено на упрощение и совершенствование нормативно-правовой базы Союза для облегчения повседневной деятельности предприятий и других заинтересованных сторон. Для повышения конкурентоспособности и успешного перехода к «зелёной» экономике предприятия заинтересованы в упрощении механизмов регулирования их деятельности, чтобы лучше понимать влияние законодательных инициатив на принятие важных решений, касающихся экономики.

Важнейшей задачей является сокращение отставания Европы в таких критически важных сферах, как искусственный интеллект, квантовые, биологические и космические технологии. Поэтому предстоит уделить особое внимание созданию оптимальной среды для проведения прорывных исследований и внедрения инноваций, поощряя сотрудничество между государственным и частным секторами.

Еще одним из ключевых приоритетов датского председательства стала борьба с нелегальной миграцией и обеспечение эффективного контроля внешних границ ЕС. Дания намерена поддержать деятельность СЕС по разработке новых, более эффективных подходов к противодействию нелегальной миграцией. Одним из ключевых элементов этой деятельности станет развитие идеи формирования так называемых «центров возвращения», которые фактически представляют собой расположенные за пределами ЕС спецлагеря, в которых будут размещаться мигранты на весь период рассмотрения их заявок по представлению убежища. Ряд подобного рода центров уже были созданы на территории Албании по соглашению с Италией, но дальнейшее развитие этой инициативы затормозилось из-за серьезных юридических проблем и ее критики со стороны общественности. Поэтому Дании предстоит совместно с Италией разрешить эти проблемы, чтобы убедить руководство ЕС и остальные его страны-члены в том, что данная инициатива позволит реально сократить поток неконтролируемой миграции в Европу.

Дания также намерена продолжить работу и внутри ЕС, и за его границами по борьбе с транснациональной оргпреступностью, уделяя особое внимание борьбе с наркопреступностью.

Помимо вопросов обороны, экономики и миграции Дания намерена продолжить обсуждение вопроса о дальнейшем расширении ЕС, в том числе за счёт Украины, Молдовы и государств-кандидатов от Западных Балкан. Интересно, что в опросе, проведенном в Дании марте 2024 года, 46% опрошенных граждан заявили, что готовы принять Украину в качестве нового

государства-члена, даже если она не сможет выполнить формальные требования к членству в Союзе¹.

Из других менее важных приоритетов председательства Дании в СЕС можно отметить сельскохозяйственную политику, здравоохранение, социальное обеспечение, ситуация в Балтийском море и другие.

Таким образом, можно констатировать, что председательство Дании в СЕС во второй половине 2025 года в большей мере будет продолжением предыдущего председательства Польши, сохраняя акценты на вопросах обороны и безопасности, повышении конкурентоспособности европейской экономики, усилении борьбы с нелегальной миграцией, расширением ЕС и др. Ключевым отличием датского председательства от польского станет большой акцент на развитии «зеленой политики», которая в последнее время стала важным элементом деятельности правительства М. Фредериксен.

Институт председательства в Совете ЕС остается одним из ключевых органов управления Союза, в обязанности которого входит организация тематических заседаний Совета, формирование его повестки дня, составление рабочей программы его деятельности и укрепление сотрудничества как между правительствами стран-членов Союза, как на заседаниях Совета, так и между ними и другими его ключевыми политическими институтами: Евросоветом, ЕК, ЕП и пр. До принятия в 2009 года Лиссабонского договора ЕС на этом институте лежала политическая ответственность за сферу евроинтеграции, и он также играл заметную роль в разработке и принятии политических решений в других вопросах, входящих в компетенцию Евросоюза. После 2009 года СЕС наряду с Европарламентом отвечает за разработку и принятие законодательства ЕС, что подтверждает его сохранение как одного из важнейших законодательных институтов Союза.

Председательство Венгрии во второй половине 2024 года показало преемственность курса этой страны на укрепление политики добрососедства и миротворчества в европейском регионе, в том числе деле разрешения российско-украинского кризиса, во многом благодаря личным усилиям венгерского премьера В. Орбана. Важную роль Венгрия сыграла в вопросе приема в ЕС балканских стран, демонстрируя стремление к преемственности в деятельности института председательства в СЕС.

¹ Hansen F.S. (2025) A Danish Presidency that is embracing the European Union like never before. Robert Schumann Foundation. <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/797-a-danish-presidency-that-is-embracing-the-european-union-like-never-before>.

Председательство Польши в первой половине 2025 года пришлось на непростое для Евросоюза время и во многом стало продолжением основных направлений венгерского председательства. Руководству этой страны предстояло решать сложные задачи, связанные с проблемами обороны и безопасности, разрешения российско-украинского кризиса, дальнейшее привлечение в ЕС новых членов, включая Украину, имевшую серьезные разногласия с рядом стран-членов Союза, а также поиском адекватной реакции на введение президентом Трампом торговых пошлин на европейские товары.

Польский премьер Д. Туск выразил осторожный оптимизм и надежду на то, что ЕС за шесть месяцев председательства его страны решить все эти вопросы. Он выдвинул ряд важных инициатив, направленных на укрепление Европейского оборонного союза, продолжение процесса создания Восточного щита. В вопросе поиска адекватного ответа на агрессивную политику Трампа в отношении ЕС Туск был осторожен, осознавая, что в этом вопросе лучше быть аккуратным. При реализации этих своих инициатив он старался опираться на поддержку руководителей ведущих стран-членов ЕС, а также главы ЕК. Поэтому большинство польских предложений удалось реализовать, включая формирование европейского плана поддержки Украины, укрепление поддержки европейского ВПК, продвижение переговорного процесса между рядом стран-кандидатов о вступлении в Союз. Но некоторые из них, например, замена американской военной и финансовой помощи Украине на европейскую, до конца так и не была реализована, что в значительной мере было связано с усилением финансово-экономического кризиса в Германии, Франции и других странах ЕС, которое заметно затруднило его руководству поиск средства на новые масштабные проекты, включая поддержку Украины.

Что касается председательства Дании во второй половине 2025 года, которая является центральным элементом тройки Польша-Дания-Кипр, то руководство этой страны, анонсируя программу своего председательства подчеркнуло, что будет продолжать в первую очередь работать в тех же приоритетных направлениях, что и их предшественник: оборона и безопасность, конкурентоспособность европейской экономики, борьба с нелегальной миграцией, дальнейшее расширение ЕС и др. Единственным главным отличием в программе датского председательства является больший акцент на поддержку «зеленой политики», причем важно отметить, что все ключевые элементы этой программы опираются на широкую поддержку датской

общественности. Можно предположить, что при реализации перечисленных выше ключевых приоритетов своего председательства Дании сможет добиться определенных успехов, учитывая поддержку руководства ведущих институтов ЕС и основных его стран-членов. Но в разрешении российско-украинского конфликта каких-то успехов в ближайшие месяцы ждать прогресса вряд ли стоит.

Литература

- Chalmers, D. (2006). *European Union law: Law and EU government*. Ashgate.
- Hartley, T. C. (2007). *The foundations of European Community law* (6th ed.). Palgrave Macmillan.
- Hix, S. (2005). *The political system of the European Union*. Palgrave Macmillan.
- Moens, G., & Trone, J. (2010). The political institutions of the European Union. In *Commercial law of the European Union*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8774-4_1.
- Алексеевкова, Е. С. (2024). «Искалеченная победа»? Итальянские итоги. В В. Я. Швейцер (Ред.), *Выборы в Европейский парламент 2024 г.: этап эволюции партийной системы Старого Света* (с. 64-75). ИЕ РАН. http://dx.doi.org/10.15211/report112024_417
- Белов, В. Б. (2024). Итоги для Германии. В В. Я. Швейцер (Ред.), *Выборы в Европейский парламент 2024 г.: этап эволюции партийной системы Старого Света* (с. 36-46). ИЕ РАН. http://dx.doi.org/10.15211/report112024_417
- Бирюков, М. М. (2006). *Европейский Союз, Евроконституция и международное право*. Научная книга.
- Борко, Ю. А. (2003). *От европейской идеи — к единой Европе*. Деловая культура.
- Борко, Ю. А. (2018). *Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее*. Ин-т Европы РАН.
- Кашкин, С. Ю. (2010). Лиссабонский договор – новый этап развития права Европейского Союза. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, (1), 69-83.
- Федоров, С. М. (2024). Франция: от евровыборов к досрочным парламентским. В В. Я. Швейцер (Ред.), *Выборы в Европейский парламент 2024 г.: этап эволюции партийной системы Старого Света* (с. 53-64). ИЕ РАН. http://dx.doi.org/10.15211/report112024_417.
- Шишелина, Л. Н. (2022). Парламентские выборы в Венгрии в 2022 г. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, (2), 71-79. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220227179>.
- Шишелина, Л. Н. (2024). Венгрия: два председательства в Совете ЕС. *Современная Европа*, (7), 17-29. <https://doi.org/10.31857/S0201708324070027>.
- Энтин, Л. М. (2009). Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. В *Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы* (с. 130-135). Аксиом.

References

- Alekseenkova, E. S. (2024). "Iskalechennaya pobeda"? Ital'yanskije itogi [A "Crippled Victory"? Italian Results]. In V. Ya. Shveitser (Ed.), *Vybory v Evropejskij parlament 2024 g.: etap evolyucii partiynoj sistemy Starogo Sveta* (pp. 64-75). Institut Evropy RAN. http://dx.doi.org/10.15211/report112024_417. (In Russ.)
- Belov, V. B. (2024). Itogi dlya Germanii [Results for Germany]. In V. Ya. Shveitser (Ed.), *Vybory v Evropejskij parlament 2024 g.: etap evolyucii partiynoj sistemy Starogo Sveta* (pp. 36-46). Institut Evropy RAN. http://dx.doi.org/10.15211/report112024_417.
- Biryukov, M. M. (2006). *Evropejskij Soyuz, Evrokonstituciya i mezhdunarodnoe pravo* [European Union, Euroconstitution and International Law]. Nauchnaya kniga. (In Russ.)
- Borko, Yu. A. (2018). *Vostochnoe partnerstvo: proekt, real'nost', budushchee* [Eastern Partnership: Project, Reality, Future]. Institut Evropy RAN. (In Russ.)
- Borko, Yu. A. (2003). *Ot evropejskoj idei – k edinoj Evrope* [From the European Idea to a United Europe]. Delovaya kul'tura. (In Russ.)
- Chalmers, D. (2006). *European Union law: Law and EU government*. Ashgate.
- Fedorov, S. M. (2024). France: From the European Elections to Early Parliamentary Elections. In V. Ya. Shveitser (Ed.), *Vybory v Evropejskij parlament 2024 g.: etap evolyucii partiynoj sistemy Starogo Sveta* (pp. 53-64). Institut Evropy RAN. http://dx.doi.org/10.15211/report112024_417. (In Russ.)
- Hartley, T. C. (2007). *The foundations of European Community law* (6th ed.). Palgrave Macmillan.
- Hix, S. (2005). *The political system of the European Union*. Palgrave Macmillan.
- Kashkin, S. Yu. (2010). The Lisbon Treaty – A New Stage in the Development of European Union Law. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 1, 69–83. (In Russ.)
- Moens, G., & Trone, J. (2010). The political institutions of the European Union. In *Commercial law of the European Union*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8774-4_1.
- Shishelina, L. N. (2024). Vengriya: dva predsedatel'stva v Sovete ES [Hungary: Two Presidencies of the EU Council]. *Sovremennaya Evropa*, 7, 17–29. <https://doi.org/10.31857/S0201708324070027>. (In Russ.)
- Shishelina, L. N. (2022). Parliamentary Elections in Hungary in 2022. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, 71–79. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220227179>.
- Entin, L. M. (2009). Pravo Evropejskogo Soyuza. Novyj etap evolyucii: 2009–2017 gody [European Union Law. A New Stage of Evolution: 2009–2017]. In *Pravo Evropejskogo Soyuza. Novyj etap evolyucii: 2009–2017 gody* (pp. 130-135). Aksiom.

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Институт президентства в Совете ЕС на примере Венгрии, Польши и Дании в 2024-2025 годы / Б. П. Гуселетов // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 21-38. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-21-38.

**Т.А. Сенюшкина,
Е.А. Сенюшкин**

**T. Senyushkina,
E. Senyushkin**

ЦИФРОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

DIGITAL GEOPOLITICS AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ORDER

Аннотация

Современный мир переживает очередной бифуркационный период, характерный для переломных этапов истории. Синергетические эффекты изменения баланса сил на мировой политической арене сказываются на эскалации геополитических конфликтов, порождая новые формы антагонизмов. На эти процессы наслаивается стремительное развитие цифровых технологий, которые становятся одним из ключевых системных элементов геополитического противоборства. В этих условиях цифровая геополитика оказывает существенное влияние на перераспределение власти в мировом масштабе и приводит в действие соответствующие механизмы трансформации глобального порядка. Несмотря на очевидную актуальность темы, исследований в этом предметном поле явно недостаточно.

Цель статьи: выявление роли цифровой геополитики в системе структурно-функционального взаимодействия факторов трансформации глобального порядка. В качестве базовых методологических подходов использованы положения классической геополитики, концепции технологического детерминизма и сетевого подхода, а также теории цифрового суверенитета. Квинтэссенцией выбранной методологии является структурный функционализм, в соответствии с которым каждый из упомянутых выше методов выполняет роль структурообразующего элемента исследования, обладая специфической функцией, соответствующей определённому ракурсу теоретического анализа заявленной темы. Цифровая геополитика рассматривается авторами как один из ключевых факторов формирования многополярной модели ми-

Abstract

The modern world is going through another bifurcation period, which is typical for critical stages in history. The synergistic effects of changing the balance of power in the global political arena are leading to an escalation of geopolitical conflicts and the emergence of new forms of antagonism. These processes are being exacerbated by the rapid development of digital technologies, which are becoming a key element of geopolitical competition. In this context, digital geopolitics is having a significant impact on the redistribution of power on a global scale and is triggering the corresponding mechanisms for transforming the global order. Despite the obvious relevance of this topic, there is a significant lack of research in this field.

The purpose of this article is to identify the role of digital geopolitics in the system of structural and functional interaction of factors that transform the global order. To achieve this goal, the authors examine digital geopolitics through the lens of its influence on the redistribution of power.

The study uses the principles of classical geopolitics, the concepts of technological determinism and the network approach, as well as the theories of digital sovereignty, as the basic methodological approaches. The chosen methodology is based on structural functionalism, which suggests that each of the above-mentioned methods plays a crucial role in shaping the research process and has a specific function that aligns with the theoretical analysis of the topic.

The authors view digital geopolitics as a

рового порядка с новым измерением конкуренции и сотрудничества. В первую очередь, влияние цифровой геополитики на трансформацию глобального миропорядка сказывается на перераспределении власти между традиционными и новыми центрами силы. Таким образом, можно говорить о том, что мы являемся свидетелями кардинального изменения природы и сущности власти в цифровом обществе, что имеет конкретную проекцию на сферу геополитических взаимодействий в рамках формирующихся коалиций, в которых, наряду с государствами ключевую роль начинают играть негосударственные акторы, участвующие в горизонтальных сетевых взаимодействиях, формирующихся на основе обмена цифровыми ресурсами.

Ключевые слова:

цифровая геополитика, цифровизация геополитики, цифровой суверенитет, информационный суверенитет, глобальный порядок, многополярный мир, геополитические инструменты, цифровая трансформация.

key factor in shaping a multipolar world order with a new dimension of competition and cooperation. First of all, the impact of digital geopolitics on the transformation of the global world order affects the redistribution of power between traditional and new centers of power. Thus, we can say that we are witnessing a radical change in the nature and essence of power in a digital society.

In the context of the transformation of the global order, the digital space is becoming an arena for strategic confrontation, combining methods of economic coercion (hard power) and normative influence (soft power).

Key words:

digital geopolitics, digitalization of geopolitics, digital sovereignty, information sovereignty, global order, multipolar world, geopolitical tools, digital transformation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-39-54>

Стремительная цифровизация современного общества, происходящая на фоне изменения баланса сил на мировой политической арене, актуализирует исследования, связанные с изучением цифровой геополитики и её влияния на трансформацию глобального порядка. В решающей степени это обусловлено тем, что развитие цифровых технологий становится фактором геополитического влияния и перераспределения власти в мировом масштабе. На фоне острых геополитических противоречий, характерных для современного этапа переформатирования глобального порядка, дальнейший прогресс в области цифровизации геополитики может дать начало различным негативным сценариям. Для их своевременного предупреждения необходимо расширение предметного поля исследований цифровой трансформации, включая и геополитическую рефлексию на эту тему.

Степень исследованности проблемы. Теоретическая база исследования основана на академической литературе по политологии и теории международных отношений, геополитике и теоретической социологии, в рамках которых изучается заявленная тема. В целом обращает на себя внимание достаточно большой исследовательский интерес к обсуждению темы

изменения системы современного мироустройства, как в зарубежных, так и в российских публикациях.

Современные тенденции в трансформации мирового порядка рассматриваются в работах отечественных авторов Э.Я. Баталова (2003), А.О. Вильчинского (2022), Е.Н. Грачикова (2015), Л.Е. Гринина (2015), О.Г. Карпович (2022), Л.М. Капустиной (2023), А.В. Кортунова (2024), Г.Г. Макаревич (2022), П.А. Цыганкова (2015) и др. В числе зарубежных авторов, работающих в этом направлении, следует отметить Питера Ван-хэма (2022), Бан Вонга (2017), Генри А. Киссинджера (2015), Даниэля Климана (2012), Роберта Патнэма (2015) и др. Большинство исследователей, как российских, так и зарубежных, признают, что для современной международной системы характерны тектонические сдвиги, в результате которых кардинально меняется баланс сил на мировой арене, обостряется конкуренция между новыми центрами принятия глобальных политических решений, а также увеличивается роль негосударственных акторов, в частности, транснациональных корпораций, что обусловлено расширением пространства горизонтальных сетевых взаимодействий в системе международных отношений.

Относительно новым для теоретической рефлексии в сфере политической науки и теории международных отношений является концепт цифровизации геополитики, который начинает свою историю с дискуссий о «цифровом суверенитете». Широко распространённым является мнение о том, что термин «цифровой суверенитет» был введён в научный оборот Пьером Белланже (Bellanger, 2011), который рассматривает суверенитет как воплощение автономии государства и независимости его граждан. Преломляя эту идею к осмыслению феномена цифрового суверенитета, он уточняет: «Это, конечно, вряд ли еще имеет место в контексте цифровых сетей, чья возможность пересекать границы без реальной цензуры во многих отношениях приносит пользу интернету. Здесь он демонстрирует бессилие государства противостоять высшей силе Интернета, которая низводит его пользователей до «правового статуса домашнего животного», то есть живого объекта, находящегося во власти владельца» (Bellanger, 2011, с. 13).

В концептуальном русле цифровой геополитики работают российские авторы, в частности, такие как И.И. Арсентьева (2024), М.А. Безносов (2024), Н.В. Ковалевская (2022), В.Б. Козюлин (2016), А.В. Маслобоев (2025), Е.Н. Пашенцев (2019), А.Р. Соломатина (2021), К.А. Татари-

нов (2024), Ю.В. Туровец (2020), В.Н. Цыгичко (2025), и др. В публикациях названных исследователей рассматривается широкий круг вопросов от цифрового неравенства и связанных с ним новых форм цифрового колониализма до рисков и угроз, связанных с влиянием искусственного и квантового интеллекта на международные процессы и геополитику.

Исходный тезис, который лежит в основе теоретической рефлексии на тему цифровой геополитики, заключается в том, что тотальная цифровизация всех сфер жизни человека и общества на фоне усиления многополярности в системе международных отношений не только изменяет качество жизни и характер социальных связей, но и перераспределяет сферы влияния в мировом политическом пространстве. Как утверждает Мануэль Кастельс (Кастельс, 2023), информационные сети меняют природу власти. В этом же направлении рассуждает и Клаус Шваб, утверждая, что технологии перераспределяют власть, делая борьбу за цифровые ресурсы новым полем битвы (Шваб & Дэвис, 2018).

В современных исследованиях, посвящённых осмыслению цифровизации геополитики в более широком политологическом и философском контексте, отмечается появление новых понятий и терминов, таких как: гонка технологических вооружений, цифровой империализм, цифровой неоколониализм и др. Актуальной темой для академических дискуссий можно считать феномен «киберколонизации», в результате которой увеличивается дисбаланс между немногочисленными государствами, обладающими новыми технологическими инструментами геополитической власти и подавляющим большинством стран – потребителей технологий. Как показывает мировой опыт, «цифровой неоколониализм» усугубляет технологическую зависимость развивающихся стран. В этой связи на теоретическом уровне была концептуализирована тема киберглобализации, в рамках которой новые технологии рассматриваются в контексте теории культурного империализма (Bosah, 2001).

Анализ литературы, представленной выше, показывает, что в отношении концептуального наполнения темы влияния цифровой геополитики на формирование нового глобального порядка отмечается недостаточная проработка темы, обусловленная её новизной. В связи с этим целью данного исследования является комплексный анализ проблемы влияния цифровой геополитики на трансформацию глобального порядка.

Так как заявленная тема может быть исследована исключительно в междисциплинарном контексте, методология базируется на взаимодополняющем использовании актуальных теоретических подходов и методов, которые преломляются через призму классической геополитики. Из теоретического наследия А. Деманжона (1952), П. Видаль де ла Бланша (1922), Х. Маккиндера (2021), А.Т. Мэхэна (1913), Ф. Ратцеля (1904), К. Хаусхофера (1927), Р. Челлена (1916) и др. были использованы классические подходы к пониманию безопасности государства и суверенитета, его силы и влияния в мире, особенно при анализе проблемы цифрового суверенитета. На основе эвристического потенциала идей классиков геополитики применительно к современным условиям цифровой трансформации общества становится возможным представить относительно объективную картину современного состояния глобального порядка, выявить доминирующие тенденции и рассмотреть варианты дальнейшего развития этих процессов.

Дополняя и верифицируя классические геополитические концепции применительно к современным условиям цифровизации геополитики и формирования новых сетевых свойств глобального порядка, мы обратились к теории цифрового суверенитета П. Белланже (2011), концепциям технологического детерминизма М. Кастельса (2023) и сетевого подхода М. Манна (2018).

На основе положения М. Кастельса о влиянии цифровых коммуникаций на способ функционирования властных отношений (Кастельс, 2023), в статье обосновывается идея о том, что контроль над цифровыми инфраструктурами перераспределяет традиционные властные иерархии в мировом масштабе. Концепция сетевых взаимодействий М. Манна (Манн, 2018), была использована при рассмотрении цифровых технологий в качестве ресурса для обмена в геополитических сетях, при этом мы не только показали, что в обмене цифровыми ресурсами участвуют государственные акторы, но и выявили роль транснациональных корпораций, для которых характерен горизонтальный характер сетевых взаимодействий. Следующий элемент методологии предпринятого исследования опирается на концепцию цифрового суверенитета П. Белланже (Bellanger, 2011), и связанные с ней теоретические подходы к изучению цифровой геополитики, в соответствии с которыми мы показали, что цифровизация геополитических процессов оказывает решающее влияние на характер и инструменты перераспределения сфер влияния в мировом политическом пространстве.

Квинтэссенцией выбранной методологии и её стержнем является структурно-функциональный подход, в соответствии с которым каждый из описанных выше методов выполняет роль структурообразующего элемента исследования, обладая специфической функцией, соответствующей определённому ракурсу рассмотрения изучаемого предмета.

Как показал обзор литературы, основные дискуссии в изучаемом предметном поле развернулись вокруг проблемы политического баланса сил в современной и будущей международной системе.

В исследованиях, посвящённых современному мировому порядку, можно выделить несколько концептуальных направлений. Первое из них доминирует в западной литературе, постулатом которой является порядок, основанный на правилах, принятых странами-лидерами в соответствии с системой либеральных ценностей. С этой точки зрения, мировой порядок представляется как состояние системы международных отношений, основанной на системе правил, соответствующих современному балансу власти в мировом масштабе. В качестве иллюстрации приведём мнение Г. Киссинджера, согласно которому международный порядок есть практическое применение общепринятой системы взглядов, влияющее на глобальный баланс сил (Киссинджер, 2015). Современную трансформацию глобального порядка западные авторы часто связывают с кризисом либерального международного порядка, сформировавшегося после разрушения политического баланса в результате окончания холодной войны (Ikenberry, 2012).

Второе направление представлено концепцией многополярного мира, который формируется под эгидой ООН в рамках действия международного права. Данная модель глобального порядка поддерживается большинством китайских исследователей, которые говорят о движении к многополярности, в которой, наряду с США и КНР, будут существовать и другие центры силы — Россия, Индия, Европейский союз, Бразилия и др. При этом для китайской версии нового мироустройства характерны разные интерпретации. В западной литературе, как правило, аналитическая проекция на эту тему осуществляется в контексте представления о стратегической цели Китая, которая «направлена на то, чтобы перестроить международные отношения в соответствии с новым мировым порядком, ориентированным на Китай, иерархическим, состоящим из Китая как верховной державы, взаимодействующей с зависимыми государствами» (Ban Wang, 2017, p.1).

В современной теоретической рефлексии, характерной для академического пространства КНР, продвигается концепция «мирного возвышения Китая», «глобальной гармонии» и «ответственной державы» (Цыганков & Грачиков, 2015). Предметное поле академических дискуссий в КНР структурируется на основе таких проблем, как формирование иерархических структур власти в глобальном и региональном измерении, структура национальных интересов, пути укрепления суверенитета в условиях новых вызовов. В целом китайская интеллектуальная рефлексия на тему современного международного порядка, как мы уже указывали выше, развивается в рамках концепции многополярного мира, которая не исключает китайского доминирования.

Индийская версия глобального порядка опирается на стратегические приоритеты внешней политики государства, как минимум, в трёх версиях: 1) политика неприсоединения; 2) политика мультиприсоединения; 3) стратегическая автономия. При этом Индия участвует во всех возможных формах взаимодействия без взятия на себя рискованных обязательств, так как стремится поддерживать статус великой державы¹. В этой связи современный статус Индии на мировой политической арене часто интерпретируется как «глобальное колеблющееся государство» (Kliman & Fontaine, 2012).

В российской академической литературе, также, как и в китайской, преобладает версия многополярного мироустройства, при этом некоторые авторы предпочитают говорить не о многополярности, а о полицентризме как об основе грядущего миропорядка². Добавим к этому, что термин «полицентризм» больше характерен для современных исследований в предметном поле теории международных отношений в то время, как политологи чаще используют понятие «многополярность», что часто критикуют представители естественных наук, указывающие на факт наличия двух полюсов в физике и географии. Тем не менее, оба термина широко представлены в современной академической литературе, поэтому далее мы будем обращаться и к многополярности, и к полицентризму, так как, на наш взгляд, и

¹ Макаревич, Г.Г. (2022). Особенности незападных танцев: что стоит за восприятием Индии в качестве Global Swing State. Аналитические статьи РСМД. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osobennosti-nezapadnykh-tantsev-chto-stoit-za-voispriyatiem-indii-v-kachestve-global-swing-state/?sphrase_id=223783147.

² Кортунов, А.В. (2024). Многополярность и многосторонность — два измерения будущего миропорядка, Аналитические статьи РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-i-mnogostoronnost-dva-izmereniya-budushchego-miroporyadka>.

то, и другое понятие отражает сходные процессы в системе международных отношений.

Существует ещё одно направление, на которое стоит обратить особое внимание – это модель новой биполярности (США – КНР), которая была долгое время на втором плане из-за отсутствия государств, способных взять на себя роль противовеса США, однако начиная с 2020-2021 гг. такой потенциал все чаще приписывают Китаю. Нельзя также исключать и новый однополярный мир с доминирующей ролью Китая в будущей международной системе, однако для российской академической традиции такая идея выглядит слишком экстравагантной.

В современных академических дискуссиях на тему мирового порядка представлена ещё одна точка зрения, в соответствии с которой современные процессы в международной политической системе имеют более сложный характер, чем просто увеличение числа влиятельных государственных игроков. Принимая во внимание рост влияния сетевых акторов на принятие политических решений в глобальном масштабе, нельзя исключать, что на смену современному миропорядку придёт глобальная анархия и хаос, одной из версий которого можно считать «цифровой хаос» как продолжение проекта «управляемого хаоса». В качестве аргумента в пользу этой точки зрения можно привести высказывание Л.Е. Гринина, который обращает внимание на то, что «на смену доминированию США пока не пришел никакой внятный новый мировой порядок» (Гринин, 2015, с. 25). При этом длительный период времени может занять «переходный период, который будет больше похож на беспорядок, мир без правил» (Капустина, 2023, с. 72). Синхронизируя мнения, приведённые выше, с афоризмами древних китайских мудрецов, внесём долю оптимизма в подобные мрачные прогнозы. В этом случае с помощью даосского афоризма данный процесс можно охарактеризовать как «хаос, который сам порождает гармонию, пресытившись своей хаотичностью» (Лао-Цзы, 2019).

Кроме дебатов на тему будущих моделей мироустройства обращает на себя внимание и то, что сам факт наличия миропорядка также является предметом дискуссии, где существует две доминирующие точки зрения. Сторонники системного подхода заявляют об определенных нормах в фундаменте мирового порядка; одновременно с этим, ученые, придерживающиеся конгломеративного подхода, отрицают как единые правила межго-

сударственного взаимодействия, так и существование какого-либо миропорядка в целом (Карпович & Вильчинский, 2022).

Подводя промежуточный итог, отметим, что в целом все рассмотренные выше подходы объединяет идея о том, что современный мир переживает период глубокой трансформации, в недрах которой формируются контуры нового мироустройства. Независимо от географии исследовательских поисков и национальных академических традиций, большинство авторов солидарны в утверждении о том, что сегодня мировая политическая система находится в фазе, предшествующей переходу в новое качественное состояние, формируется новая конфигурация баланса сил, при этом «коренные трансформации происходят в результате не только изменения международных отношений и баланса сил в военно-технологическом потенциале стран и геополитического расклада в целом, но и накопления крупных качественных изменений практически во всех сферах: от демографической до культурной, от технологической до идеологической» (Гринин, Гринин & Коротаев, 2024, с. 124).

Далее мы перейдём к анализу основной проблемы исследования и выясним, каким образом цифровая геополитика влияет на трансформацию глобального порядка.

Как мы уже отмечали выше, цифровая геополитика – достаточно новое исследовательское направление, основной ракурс которого сосредоточен на влиянии цифровых технологий (интернет, искусственный интеллект, кибербезопасность) на традиционные геополитические процессы, включая контроль над данными и инфраструктурой (5G, облачные сервисы); киберконфликты и информационные войны; формирование новых центров силы; зависимость государств от иностранных технологий.

Современные цифровые технологии активно используются в сфере геополитического противоборства, при этом государству приходится конкурировать с другим источником «цифровой власти» — крупными IT-корпорациями, которые имеют более масштабные ресурсы контроля, чем отдельные правительства (Сучков, 2022). В этой связи все крупные геополитические игроки обеспокоены форматом власти цифровых гигантов и стремятся подчинить их ресурсы интересам государства, в том числе в сфере внешней политики (Цветкова & Федорова, 2021). В итоге, можно говорить о том, что мы являемся сегодня свидетелями кардинального изменения природы и сущности власти в цифровом обществе, что имеет кон-

кретную проекцию на сферу геополитических взаимодействий в рамках новых коалиций.

Цифровизация геополитики отражает изменения в природе власти и её геополитической проекции в новых технологических условиях, когда контроль над информацией, инфраструктурой и цифровыми сетями играет ключевую роль в формировании геополитических процессов. Базовая идея цифровой геополитики заключается в том, что данные и информационные технологии становятся наиболее ценным ресурсом, сопоставимым с территорией или нефтью. При этом цифровая геополитика основана на взаимовлиянии цифровых технологий и геополитических инструментов, изучение которых способствует выявлению характера взаимодействия между политическим пространством и динамикой власти в международных отношениях.

Как мы уже отмечали выше, к истокам цифровой геополитики можно отнести исследования П. Белланже, актуализировавшего проблему «цифрового суверенитета». По случаю своего участия в Международном форуме по кибербезопасности 28 сентября 2015 года Пьер Белланже опубликовал интервью на тему «Цифровой суверенитет как условие национальной безопасности и обороны» (Bellanger, 2015), где он предложил собственное осмысление новых угроз киберпространства, связанных с развитием интернета и цифровых сетей. В частности, таких, как угрозы для территориальной целостности, политической независимости, безопасности населения, зависимость от социальных сетей. По мнению П. Белланже, «Все текущие меры защиты хрупки, потому что опираются на сеть, над которой у нас нет суверенитета. Интернет заменяет старый мир, подрывая основы общества: правопорядок, безопасность и оборону» (Bellanger, 2015). Признавая глобальность этих вызовов, Белланже призывает сосредоточить внимание на следующих приоритетах: государственный контроль инфраструктуры; независимость данных; политические решения на национальном уровне (Bellanger, 2015).

Концептуальная проекция темы цифровой геополитики получила своё развитие в США благодаря Джозефу Наю, который расширил теорию «мягкой силы» до цифровой сферы, показав, как технологии усиливают влияние государств (Най, 2014). На геополитический аспект цифровых трансформаций указывает Клаус Шваб (Шваб & Дэвис, 2018), утверждая, что четвёртая промышленная революция не просто меняет экономику — она перекраивает геополитическую карту мира. По мнению Шваба, страны,

которые смогут контролировать ключевые технологии (искусственный интеллект, квантовые вычисления и т.д.), получают беспрецедентное влияние в XXI веке (Шваб & Ванхэм, 2022).

В систематизированном виде концепт цифровой геополитики впервые был представлен Итальянским институтом международных отношений (IAI), который в 2019–2021 гг. реализовал проект «Цифровая геополитика» под руководством Жан-Пьера Дарниса, эксперта по европейской безопасности и технологиям и Каролины Полито, исследователя цифровой трансформации. В докладах IAI цифровая геополитика определяется через контроль над инфраструктурой, рассмотрением данных как ресурса власти и фрагментацию интернета через призму противостояния двух моделей: открытый интернет (США/ЕС) vs суверенный интернет (Китай, Россия) (Kovalevskaia, Tikhotskaia & Shevchenko, 2021).

В целом, как для европейских, так и для американских исследований характерна интерпретация цифровой реальности в контексте либерально-идеалистической парадигмы, актуализирующей моральные нормы, гуманистические идеалы и теоретические рассуждения о глобальных проблемах, что характерно также и для доминирующих в академическом пространстве Запада концептуальных подходов к осмыслению проблемы трансформации глобального порядка.

В отличие от западных авторов, российские и китайские исследователи, изучающие цифровой суверенитет, ставят во главу угла вопросы безопасности, при этом в практике его реализации есть различия: «Россия уделяет больше внимания дипломатическим усилиям и внешнеполитическим инициативам в области цифрового суверенитета, а также делает акцент на обеспечении международной информационной безопасности. В КНР цифровой суверенитет рассматривается как важный элемент защиты экономически значимых цифровых активов от киберугроз, также уделяется особое внимание контролю контента в рамках национального сегмента Интернета»¹.

Таким образом, цифровизация геополитики влияет на глобальную политическую повестку, формируя пространство диалектической взаимосвязи новых возможностей и новых вызовов. Кардинальное изменение геополитического ландшафта, который трансформируется под влиянием циф-

¹ Зиновьева, Е., Яцзе, Б. (2023). Практика цифрового суверенитета в России и КНР, Аналитические статьи РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/praktika-tsifrovogo-suvereniteta-v-rossii-i-kr/>.

ровых технологий, порождает специфические риски, такие как: гонка интеллектуальных вооружений, цифровое неравенство между странами, создание мировой «цифровой тюрьмы» и т.д. (Маслобоев & Цыгичко, 2025, Татаринов, 2024). Так как в результате обмена информационными ресурсами в рамках геополитических сетей формируются новые, несбалансированные горизонтальные взаимодействия, государства попадают в пространство цифровой зависимости от транснациональных корпораций, которые получают доступ к власти и право решать государственные вопросы, например, предоставлять или ограничивать доступ к мобильному Интернету или облачным сервисам. Влияние крупных технологических компаний на геополитические процессы подрывает государственный суверенитет, поскольку зачастую государство выпускает из рук контроль за технологиями, либо делегирует его корпорациям.

Наряду с этим, ряд экспертов отмечают, что использование цифровых технологий имеет потенциал для повышения геополитической стабильности. Например, цифровые технологии можно использовать для выявления и предотвращения конфликтов на ранних стадиях; содействия сотрудничеству и доверию между странами, облегчая общение, перевод и кросс-культурное взаимодействие; улучшения эффективности принятия решений; управления природными ресурсами и борьбы с изменением климата; и т.д.

В системе структурно-функционального взаимодействия факторов трансформации глобального порядка важную роль играет цифровая геополитика, оказывающая влияние на перераспределение властных ресурсов от традиционных центров силы к альтернативным коалициям, что проявляется в конкуренции технологических стандартов и моделей цифрового суверенитета.

Ключевым элементом современной геополитики являются критически важные технологии, включая искусственный интеллект, квантовые вычисления, где конфликт между «технологическим протекционизмом» Запада и стратегией «военно-гражданской интеграции» Китая формирует новую логику геополитического соперничества в борьбе за перераспределение власти в мировом масштабе.

Геополитическая структура глобального порядка трансформируется под влиянием цифровых экосистем, где наряду с государствами ключевую роль играют транснациональные корпорации, являющиеся основными ак-

торами горизонтальных сетевых взаимодействий, формирующихся на основе обмена цифровыми ресурсами.

Концентрация цифровых технологий в руках транснациональных корпораций создает дисбаланс в мировой экономике, а неравномерное распределение информационных ресурсов между развитыми и развивающимися странами углубляет цифровой разрыв, что уже в ближайшем будущем усилит глобальное неравенство и увеличит риск утраты суверенитета странами, которые зависят от иностранных технологий.

Геополитическое противоборство в цифровом пространстве основано на сочетании методов экономического принуждения и культурно-идеологического влияния, что сказывается на сетевых обменах цифровыми ресурсами как в экономических, так и в культурно-идеологических сетях. В этих условиях цифровая геополитика трансформируется из концептуального конструкта в геополитический инструмент, а информационные технологии становятся базовым ресурсом для формирования глобального порядка. В связи с этим возникает необходимость в концептуальном обновлении положений как классической, так и критической геополитики, так как цифровой суверенитет начинает определять границы политического суверенитета.

Политический баланс в системе международных отношений в условиях глобальной цифровизации зависит от способности основных геополитических акторов разработать систему комплексных механизмов управления цифровыми рисками (от киберконфликтов до ИИ-вооружений), избежав сценария «цифровой холодной войны» через переговорные технологические платформы ООН, рабочие группы БРИКС, ШОС, ЕАЭС и др.

Актуальные риски включают непредсказуемую эскалацию конфликтов в социально-экономической или военно-политической сфере из-за отказов или намеренного нарушения функционирования автономных роботизированных систем гражданского или военного назначения. Основные виды угроз связаны с кибертерроризмом, дестабилизацией политических систем при использовании ИИ и нейросетей для распространения дезинформации и манипуляции общественным мнением, использованием цифровых платформ международными террористическими группировками.

Перспективные направления в исследовании данной темы могут быть ориентированы на углубление прикладного аспекта цифровизации геополитики и её влияния на трансформацию глобального порядка.

Литература

- Bellanger, P. (2011). *La souveraineté numérique*. Éditions Stock.
- Bosah, L. (Ed.). (2001). *Cyberimperialism?: Global relations in the new electronic frontier*. Bloomsbury Academic.
- Huang, X., & Patman, R. (Eds.). (2015). *China and the international system becoming a world power*. Routledge.
- Ikenberry, G. J. (2012). *Liberal leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton University Press.
- Kliman, D. M., & Fontaine, R. (2012). *Global swing states: Brazil, India, Indonesia, Turkey and the future of international order*. Center for a New American Security.
- Kovalevskaia, N. V., Tikhotskaia, M. A., & Shevchenko, Y. N. (2021). "Digital geopolitics" in the regional context: Challenges and prospects of the European Union on its way towards information sovereignty. *Мировая политика*, (4), 52–65. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.4.36957>.
- Wang, B. (Ed.). (2017). *Chinese visions of world order: Tianxia, culture, and world politics*. Duke University Press.
- Баталов, Э. Я. (2003). «Новый мировой порядок»: к методологии анализа. *Полис. Политические исследования*, (5), 25–37.
- Грачиков, Е. Н. (2015). Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы. *Международные отношения / International Relations*, (3), 290–306. <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2015.3.14641>.
- Гринин, Л. Е. (2015). Контурь нового мирового порядка. *Философия и общество*, 3-4(77), 7–33.
- Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., & Коротаев, А. В. (2024). Глобальные трансформации мир-системы и контурь нового мирового порядка. *Политическая наука*, (2), 124–150. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.06>.
- Капустина, Л. М. (2023). Полицентрическое управление в условиях перехода к новому миропорядку. В Я. П. Силин, Е. Г. Анимица (Отв. за выпуск) & Н. А. Истомина (Отв. редактор), *Полицентричный мир: новая экономическая повестка: сборник научных трудов X Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук* (с. 67–74). Уральский государственный экономический университет.
- Карпович, О. Г., & Вильчинский, А. С. (2022). О современном миропорядке. В *Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук* (Т. 4, с. 61–69). Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности.
- Кастельс, М. (2023). *Власть коммуникации* (Н. М. Тылевич, пер.; под науч. ред. А. И. Черных; 4-е изд.). Изд. дом Высшей школы экономики.
- Киссинджер, Г. А. (2015). *Мировой порядок* (В. Желнинова, А. Милукова, пер.). АСТ.
- Киссинджер, Г. А., Шмидт, Э., & Хаттенлокер, Д. (2022). *Искусственный разум и новая эра человечества* (К. Ахметов, пер.). Альпина ПРО.
- Лао-Цзы. (2019). *Дао дэ цзин: книга пути и достоинства* (Д. П. Конисси, пер.). Центрполиграф.
- Манн, М. (2018). *Источники социальной власти* (в 4 т.; А. В. Лазарева, пер.). Дело.

Маслобоев, А. В., & Цыгичко, В. Н. (2025). Анализ тенденций влияния искусственного интеллекта на геополитику и безопасность: новые вызовы и угрозы цифровой трансформации. *Надежность и качество сложных систем*, 1(49), 126–135. <https://doi.org/10.21685/2307-4205-2025-1-16>.

Най, Дж. С. (2014). *Будущее власти*. АСТ.

Сучков, М. А. (2022). «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху четвёртой промышленной революции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 15(2), 138–157. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.202>.

Цветкова, Н. А., & Федорова, И. В. (2021). Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 51(1), 104–116.

Цыганков, П. А., & Грачиков, Е. Н. (2015). Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное. *Политическая наука*, (4), 22–39.

Шваб, К., & Ванхэм, П. (2022). *Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики* (Е. Калугина, пер.). Эксмо, Бомбора.

Шваб, К., & Дэвис, Н. (2018). *Технологии четвертой промышленной революции* (К. Ахметова и др., пер.). Бомбора.

References

Batalov, E. Ya. (2003). "New world order": Towards a methodology of analysis. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (5), 25–37. (In Russ.)

Bellanger, P. (2011). *La souveraineté numérique*. Éditions Stock.

Bosah, L. (Ed.). (2001). *Cyberimperialism?: Global relations in the new electronic frontier*. Bloomsbury Academic.

Grachikov, E. N. (2015). Vneshnyaya politika Kitaya: strategii v kontekste identichnosti i global'noi perspektivy [China's foreign policy: Strategies in the context of identity and global perspective]. *Mezhdunarodnye Otnosheniya / International Relations*, (3), 290–306. <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2015.3.14641>. (In Russ.)

Grinin, L. E. (2015). Kontury novogo mirovogo poryadka [Contours of the new world order]. *Filosofiya i Obshchestvo*, 3-4(77), 7–33.

Grinin, L. E., Grinin, A. L., & Korotaev, A. V. (2024). Global transformations of the world-system and the contours of the new world order. *Politicheskaya Nauka*, (2), 124–150. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.06> (In Russ.)

Huang, X., & Patman, R. (Eds.). (2015). *China and the international system becoming a world power*. Routledge.

Ikenberry, G. J. (2012). *Liberal leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton University Press.

Kapustina, L. M. (2023). Politsentricheskoe upravlenie v usloviyakh perekhoda k novomu miroporyadku [Polycentric governance in the context of the transition to a new world order]. In Ya. P. Silin & E. G. Animitsa (Responsible for issue) & N. A. Istomina (Ed.), *Politsentricheskii mir: novaya ekonomicheskaya povestka: sbornik nauchnykh trudov X Ural'skikh nauchnykh chtenii professorov i doktorantov gumanitarnykh nauk* (pp. 67–74). Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet. (In Russ.)

Karpovich, O. G., & Vil'chinskii, A. S. (2022). O sovremennom miroporyadke [On the modern world order]. In *Nauchnye trudy uchenykh 1 otdeleniya – Otdeleniya obshchikh problem voyny, mira i armii Akademii voennykh nauk* (Vol. 4, pp. 61–69). Nauchno-issledovatel'skii tsentr problem natsional'noi bezopasnosti. (In Russ.)

- Kastel's, M. (2023). *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication] (N. M. Tylevich, Trans.; under the scientific editorship of A. I. Chernykh; 4th ed.). Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Kissindzher, G. A. (2015). *Mirovoi poryadok* [World order] (V. Zhelninova, A. Milyukova, Trans.). AST. (In Russ.)
- Kissindzher, G. A., Shmidt, E., & Khattenloker, D. (2022). *Iskusstvennyi razum i novaya era chelovechestva* [The age of AI and our human future] (K. Akhmetov, Trans.). Al'pina PRO. (In Russ.)
- Kliman, D. M., & Fontaine, R. (2012). *Global swing states: Brazil, India, Indonesia, Turkey and the future of international order*. Center for a New American Security.
- Kovalevskaia, N. V., Tikhotskaia, M. A., & Shevchenko, Y. N. (2021). "Digital geopolitics" in the regional context: Challenges and prospects of the European Union on its way towards information sovereignty. *Mirovaya Politika*, (4), 52–65. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.4.36957>. (In Russ.)
- Lao-Tszy. (2019). *Dao de tszin: kniga puti i dostoinstva* [Tao te ching: The book of the way and virtue] (D. P. Konissi, Trans.). Tsentrpoligraf.
- Mann, M. (2018). *Istochniki sotsial'noi vlasti* [The sources of social power] (in 4 vols.; A. V. Lazareva, Trans.). Delo. (In Russ.)
- Masloboev, A. V., & Tsygichko, V. N. (2025). Analiz tendentsii vliyaniya iskusstvennogo intellekta na geopolitiku i bezopasnost': novye vyzovy i ugrozy tsifrovoi transformatsii [Analysis of trends in the impact of artificial intelligence on geopolitics and security: New challenges and threats of digital transformation]. *Nadezhnost' i Kachestvo Slozhnykh Sistem*, 1(49), 126–135. <https://doi.org/10.21685/2307-4205-2025-1-16>. (In Russ.)
- Nai, Dzh. S. (2014). *Budushchee vlasti* [The future of power]. AST. (In Russ.)
- Suchkov, M. A. (2022). «Geopolitika tekhnologii»: mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu chetvertoi promyshlennoi revolyutsii ["Geopolitics of technology": International relations in the era of the fourth industrial revolution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 15(2), 138–157. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.202>. (In Russ.)
- Tsvetkova, N. A., & Fedorova, I. V. (2021). Diplomatiya dannykh SSHa: tseli, mekhanizm, soderzhanie [U.S. data diplomacy: Goals, mechanism, content]. *SSHa i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 51(1), 104–116. (In Russ.)
- Tsygankov, P. A., & Grachikov, E. N. (2015). Problema mirovogo poryadka v kitaiskoi i rossiiskoi politicheskoi nauke: obshchee i osobennoe [The problem of world order in Chinese and Russian political science: Commonality and specificity]. *Politicheskaya Nauka*, (4), 22–39. (In Russ.)
- Wang, B. (Ed.). (2017). *Chinese visions of world order: Tianxia, culture, and world politics*. Duke University Press.
- Shvab, K., & Vanhem, P. (2022). *Kapitalizm vseobshchego blaga: novaya model' mirovoi ekonomiki* [Stakeholder capitalism: A global economy that works for progress, people and planet] (E. Kalugina, Trans.). Eksmo, Bombora. (In Russ.)
- Shvab, K., & Devis, N. (2018). *Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Shaping the fourth industrial revolution] (K. Akhmetova et al., Trans.). Bombora.

Для цитирования: Сенюшкина Т.А. Цифровая геополитика как фактор трансформации глобального порядка / Т.А. Сенюшкина, Е.А. Сенюшкин // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 39-54. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-39-54.

Г.П. Щедрова**G. Shchedrova****РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОСТИ В
ФОРМИРОВАНИИ
АРХИТЕКТУРЫ НОВОГО
МИРОВОГО ПОРЯДКА****THE ROLE OF GLOBAL
CONTEMPORARY ISSUES
IN SHAPING THE
ARCHITECTURE OF THE
NEW WORLD ORDER****Аннотация**

Анализируются ключевые аспекты глобализации в современном мире в контексте вызовов, стоящих перед современной цивилизацией. Рассмотрены как политические, так и экономические аспекты глобализации. Проанализирована важнейшая для нынешнего поколения тема глобальных проблем.

Цель исследования – определить, могут ли глобальные проблемы быть разрешены с учётом интересов всех стран мира.

В исследовании использован системный анализ, позволяющий рассмотреть феномен глобализации в условиях политической системы, в частности, в контексте взаимодействия государства и негосударственных акторов. Опираясь на мир-системный анализ, мы предприняли попытку рассмотреть структуру процесса глобализации. С помощью сравнительного метода были изучены попытки борьбы с глобальными проблемами в странах Запада и Глобального Юга. Институциональный подход позволил рассмотреть влияние международных организаций на создание новой архитектуры международных отношений. Были использованы актуальные статистические данные, позволяющие продемонстрировать место и роль стран Глобального Юга в новой системе международных отношений.

Результаты исследования показывают, что страны Глобального Юга всё больше демонстрируют политическую самостоятельность на международной арене. Приведены примеры ответственного отношения развивающихся стран к разрешению глобальных проблем. Охарактеризовано, что «зелёная повестка» превратилась в западном мире (в особенности в стра-

Abstract

The key aspects of globalization in the modern world are analyzed in the context of the challenges facing contemporary civilization. Both political and economic aspects of globalization are considered. One of the most important topics for the current generation global problems is examined.

To determine whether global problems can be resolved while taking into account the interests of all countries of the world.

The study employs a systems analysis approach, which makes it possible to consider the phenomenon of globalization within the framework of the political system, in particular, in the context of the interaction between state and non-state actors. Based on world-systems analysis, we attempt to examine the structure of the globalization process. Using the comparative method, we studied attempts to address global problems in Western countries and in the Global South. The institutional approach made it possible to analyze the role of international organizations in creating a new architecture of international relations. Current statistical data were also used to demonstrate the place and role of the Global South in the new system of international relations.

The findings show that countries of the Global South are increasingly demonstrating political independence on the international stage. We provide examples of responsible attitudes taken by developing countries toward solving global problems. It is noted that the “green agenda” has turned into a form of political propaganda in the Western world (especially in the European Union). The danger of Western

нах Европейского Союза) в некоторую форму политической пропаганды. Подчёркнута опасность технологий влияния Запада на политическую ситуацию в странах Африки.

Продemonстрирована готовность стран Глобального Юга участвовать в разрешении глобальных проблем природно-экологического и социально-экономического характера. Мы полагаем, что будущий мировой порядок может основываться на более справедливом распределении как ресурсов, так и политического влияния.

Ключевые слова:

глобализация, политическая система, государство, негосударственные акторы, глобальные проблемы, Глобальный Юг, неоколониализм.

influence technologies on the political situation in African countries is emphasized.

The readiness of the Global South to participate in solving global environmental and socio-economic problems is demonstrated. We believe that the future world order may be based on a fairer distribution of both resources and political influence.

Key words:

globalization, political system, state, non-state actors, global issues (or global challenges), Global South, neocolonialism.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-55-66>

Современные процессы глобализации и трансформации международных отношений обуславливают формирование нового мирового порядка, в котором баланс сил постепенно смещается от традиционных центров влияния к новым акторам. Эти тенденции особенно заметны в политической, экономической и информационной сферах, с которыми сталкиваются практически все граждане. Неотъемлемой частью современного мира является глобализация, затрагивающая все сферы жизни общества. Она проявляется, среди прочего, в ускорении международной торговли, обмена информационными сообщениями, увеличении масштабов миграции населения и распространении культурных ценностей. С одной стороны, глобализация открывает невиданные ранее возможности для экономического роста, политического диалога, научного прогресса и межкультурного взаимодействия на всех уровнях. С другой стороны, она связана с комплексом вызовов, с которыми человечество столкнулось уже сегодня и неминуемо столкнётся в ближайшем будущем. Понимание механизмов и последствий глобализации, равно как и позиций ключевых международных акторов по данному вопросу, имеет важное значение для выработки эффективных стратегий адаптации нашей страны в глобализирующемся мире.

Согласно политологическому глоссарию, глобализация – это процесс экономической, политической, социокультурной интеграции в масштабах планеты (Шегаев & Полозов, 2015, с. 47). Из данного определения можно

сделать закономерный вывод: глобализация затрагивает все сферы жизни общества. Так, экономическая глобализация проявляется в международном разделении труда и более тесных экспортно-импортных отношениях, увеличении роли транснациональных корпораций, увеличении роли богатейших жителей планеты при принятии ключевых решений. Политическая глобализация представляет собой процесс усиления взаимосвязанности государств и народов в сфере политики. Она проявляется в расширении влияния международных организаций (ООН, НАТО, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР), росте роли транснациональных акторов и формировании единых норм и правил международного взаимодействия, которые, тем не менее, часто нарушаются. Глобализация в культурной сфере связана с появлением и распространением массовой культуры (кино, телевидение, изобразительное и декоративно-прикладное искусство массового характера). При этом глобализация распространяется и на культуру ежедневного поведения миллиардов людей: к примеру, супермаркеты и рестораны, банки и офисы по всему миру имеют очень похожие интерьеры, культуру общения сотрудников с клиентами. Эта стандартизация фактически нивелирует национальные особенности, подчиняет самобытную культуру глобальным стандартам, чаще всего навязанным со стороны западных стран. В то же время глобализация способствует распространению инноваций, научных достижений и цифровых технологий, которые ускоряют обмен знаниями между странами и регионами. Тем не менее, подобные процессы нередко усиливают зависимость периферийных регионов от развитых держав, формируя новые формы экономического и культурного неравенства. Например, американские политические лидеры (и не только они) используют социальные сети для информирования населения, создания базы сторонников и популяризации своих идей. При этом многие жители стран Глобального Юга не имеют доступа ни к соцсетям, ни к электронным устройствам в принципе, следовательно, ознакомиться с событиями за рубежом не могут.

Методология исследования включает ряд методов, обеспечивающих комплексное изучение проблемы. Системный анализ позволяет рассмотреть феномен глобализации в условиях политической системы, в частности, в контексте взаимодействия государства и негосударственных акторов. Следует особенно отметить важность применения мир-системного анализа, опираясь на который можно структурно интерпретировать процесс глобализации как «создание глобальной системы социально-пространственной стратификации, которая создает благоприятные условия для накопления капитала в мировом масштабе» (Малюк, 2016, с. 89). С помощью сравнительного метода были изучены попытки борьбы с глобальными проблемами в странах Запада

и Глобального Юга. Институциональный подход позволил рассмотреть влияние международных организаций на создание новой архитектуры международных отношений. Также были использованы статистические данные, представленные министром финансов России А. Силуановым.

Не стоит недооценивать противоречий между различными сферами, в которых наблюдаются глобализационные процессы. Особенно это заметно на примере противоречий политических интересов государств и экономических интересов бизнеса: даже при попытках властей политически мотивировать своих предпринимателей избегать сотрудничества с «недружественными» государствами, «мотивация компаний максимизировать свою прибыль может оказаться превалирующей, особенно в тех локациях, в которых объем генерируемой прибыли существенно влияет на глобальный финансовый результат компании»¹. Яркими примерами такого «нонконформизма» являются западные компании, продолжающие вести бизнес в России, игнорируя призывы политических лидеров Европы и многочисленные пакеты санкций.

Например, экономическая логика предполагает учёт системных интересов, долгосрочных стратегий развития, принятие сложных и не всегда понятных для непрофессионалов стратегических решений. Политическая же логика, наоборот, ориентирована преимущественно на интересы государства, решение насущных задач с помощью популистских мер таким образом, чтобы удовлетворить потребности политической элиты. По мнению А. Кортюнова, «поскольку политика сегодня явно доминирует над экономикой, то и экономическая целесообразность отодвигается на задний план» (Кортюнов, 2020, с. 41). Именно о политических аспектах глобализации (но не исключая иные аспекты) и пойдёт речь ниже.

Политическое измерение глобализации характеризуется трансформацией роли государства в современном мире. Данный институт, безусловно, остаётся критически важным, однако сам образ государства, по мнению М.В. Кича, уже претерпевает значительные изменения, поскольку «теперь государственные органы тесно связаны с субъектами частного и третьего секторов» (Кича, 2024, с. 53). При этом возрастает роль международных организаций типа Европейского Союза или АСЕАН, а также негосударственных акторов типа уже упомянутых транснациональных корпораций. Заявляют о себе также лоббистские структуры, неправительственные организации, а также отдельные регионы, имеющие претензии на государственную самостоятельность (Каталония, Валлония) и непризнанные государства (Приднестровье, Сомали-

¹ Смирнов, А., & Кохтюлина, И. (2025). Гонка технологий «квантового интеллекта» и новые угрозы международной безопасности. *Международная жизнь*. <https://interaffairs.ru/news/show/52151>.

ленд). Возникает феномен «глобального управления», призванный закрепить доминирование западной цивилизации. В контексте этого отметим, что принятие решений выходит за рамки национальных правительств и всё чаще фактически осуществляется на уровне международных институтов и в рамках сетевых структур. Это приводит к переосмыслению суверенитета и ставит под вопрос традиционные представления о национальном государстве как ведущем акторе мировой политики. Современная международная интеграция в её социально-экономическом, политическом и культурном измерениях не только не способствует разрешению конфликтов, но и детерминирует социальные риски, «связанные с формированием нового технологического уклада, повсеместным внедрением современных цифровых технологий и углублением глобальной конкуренции» (Холоденко, 2024, с. 172).

Говоря о глобализации, невозможно не рассмотреть важнейшую для нынешнего поколения тему глобальных проблем. Существует множество подходов к их изучению и классификации; мы предлагаем разделить наблюдаемый сегодня комплекс глобальных проблем на природно-экологические и социально-экономические. Возникает резонный вопрос, куда же отнести политические проблемы? Мы полагаем, что политика органически присуща любой сфере деятельности людей и касается практически всех значимых вопросов, поэтому нет смысла выделять политические проблемы, в то же время стоит рассматривать политический аспект каждой из global issues.

Среди природно-экологических проблем выделяют значительное количество вопросов, требующих совместных усилий всех стран мира. Например, загрязнение окружающей среды, изменение климата, сокращение биоразнообразия, опустынивание и прочие проблемы, влияющие на жизнь миллиардов людей и существенно ухудшающие условия жизни в десятках стран мира. При этом можно отметить некоторую сконцентрированность стран Запада на собственных усилиях по достижению экологической стабильности. Глобальные экологические угрозы тесно связаны с экономическими интересами государств и транснациональных корпораций, а также технологиями, используемыми в производстве товаров и услуг. Многие международные соглашения по климату требуют не только политической воли лидеров, но и значительных финансовых инвестиций, что делает их выполнение достаточно сложным для развивающихся стран. Нельзя не заметить, что «зелёная повестка» превратилась в западном мире (в особенности в странах Европейского Союза) в некоторую форму политической пропаганды, при этом реальная экологическая ценность принятых политических решений остаётся под вопросом. Например, Германия отказалась от атомной энергетики и остановила работу всех существующих в стране АЭС (при этом многие другие страны Евро-

пы (Франция, Финляндия, Венгрия) продолжают развитие этого вида энергетики). Европейский Союз взял на себя роль трендсеттера мировой экологической повестки, позиционируя себя не только как конкурентоспособную мировую экономику, но и как лидера зеленой революции (к 2050 году поставлена цель достичь «углеродного нейтралитета») (Маслова, 2021, с. 51).

В то же время в западном политическом дискурсе часто игнорируются усилия стран Глобального Юга, в частности, Китая. При этом именно Китайская Народная Республика является одним из флагманов борьбы за гармоничное развитие цивилизации в XXI веке. Например, последовательные действия в сфере защиты морской среды являются «не только важной частью морской политики Китая и его стремления к превращению в великую морскую державу, но и попыткой претендовать на первенство в мировой климатической повестке и лидерство в глобальной политике», для чего страна эффективно использует «концепции «морской экологической цивилизации», которые отражают её желание показать ответственность в своем подходе при решении мировых проблем» (Навдаева, 2023, с. 145). Следует отметить, что позиция Китая в международной климатической дипломатии в целом совпадает с теми концепциями, которые были разработаны странами БРИКС в последние годы. Данные страны отстаивают своё право на развитие (прежде всего на экономический рост и увеличение политического веса) при понимании необходимости экологической модернизации экономических систем. Это во многом определяет национальную политику этих стран в области решения глобальных проблем. Политические решения, принимаемые в этой сфере, всё больше отходят «от доктрины «роста любой ценой» к политике «качественного роста», где экологические, социальные и экономические цели не противоречат друг другу, а создают комплексное единство» (Ковалёв & Поршнева, 2021, с. 71).

Одной из современных глобальных проблем являются негативные последствия миграции. Сама по себе последняя проблемой не является, более того, это «глобальное явление, встроенное в многогранный контекст с экономическими, культурными, правовыми и политическими элементами» (Леденёва & Рахмонов, 2023, с. 265). В то же время мы видим признаки политической нестабильности в странах, принимающих значительное количество мигрантов. При этом стратегия борьбы стран Запада с деструктивными последствиями миграции часто лишена логики. Неизбирательный характер большей части миграционных ограничений (не считая индивидуальных запретов на въезд подсанкционных официальных лиц) «противоречит духу и нормам международных документов по вопросам миграции, необоснованно ограничивая право на передвижение» (Цапенко, 2025, с. 145). Возможно,

политические элиты ряда государств взяли на вооружение опыт времён пандемии и используют миграционные рестрикции в своих интересах.

Глобальные проблемы современности выходят далеко за пределы природно-экологической сферы. Очень многие вопросы связаны с политическим и экономическим развитием стран, с социальными проблемами и возможностями их решения. Одной из наиболее актуальных проблем является бедность, причём в настоящее время она приобретает черты географической детерминированности. Абсолютная бедность (нехватка всех ресурсов, в т.ч. еды, одежды и жилья) сконцентрирована в странах Африки южнее Сахары. Безусловно, люди, страдающие от абсолютной бедности, есть и в других регионах, но именно Тропическая Африка является наиболее кризисным в этом отношении регионом.

Это связано не только с природно-географическими условиями, но и с хищнической политикой стран Запада. Как известно, почти все африканские страны были колониями европейских держав (Великобритании, Франции, Португалии и некоторых других). После обретения независимости во второй половине XX века европейские страны часто продолжали оказывать влияние на молодые африканские нации, небезуспешно способствуя разжиганию межэтнических конфликтов и помогая отдельным политическим лидерам, действующим в интересах не своих стран, а бывших метрополий. Развивается неокOLONиализм – системная политика по сохранению зависимости бывших колоний от европейских держав. Например, непосредственная связь бывших французских колоний с французской банковской системой, влиявшей на курс валют и платёжный баланс африканских государств, неизбежно вела к коррекции политического курса в интересах Франции (Шульга, 2016, с. 70). Страны Запада используют всё новые технологии внешнего признания, в том числе за счёт многочисленных диаспор (обеспечение победы на выборах в Молдове М. Санду в ноябре 2024 года), что представляет вызов и для ряда африканских государств, также имеющих многочисленные диаспоры в западных странах (Дегтерёв, 2024, с. 36). Кроме того, мы наблюдаем дискредитацию африканских политических деятелей в «демократических» западных масс-медиа, что может стать предметом отдельного исследования.

Понятие неокOLONиализма занимает одно из важнейших в выстраивании Российской Федерацией своей внешнеполитической идентичности в отношении стран Глобального Юга. Одними из наиболее часто упоминаемых тем являются безопасность (в том числе энергетическая и продовольственная), а также экономика. При этом «российский официальный дискурс о неокOLONиализме отличается достаточно высокой степенью абстрактности в определении конкретных проявлений и практик неокOLONиализма» (Шишки-

на, Файн & Исаев, 2024, с. 115). Таким образом, современный неокOLONиализм можно рассматривать не только как экономическое, но и как культурное и технологическое доминирование западных стран. Он проявляется через контроль над потоками информации, зависимость от иностранных инвестиций и неравномерное распределение инноваций между регионами мира. Сегодня всё чаще обсуждается цифровой неокOLONиализм: использование передовых цифровых технологий ведущими западными странами и транснациональными корпорациями для установления контроля над информационными потоками усиливает технологическую, экономическую и, как следствие, политическую зависимость развивающихся стран (Кубанцева, 2025, с. 125). Так называемые «демократические стандарты», навязываемые западными политическими элитами, далеко не всегда соответствуют культурно-цивилизационным аспектам развития стран, в которые эти стандарты пытаются «экспортировать».

А. Дробинин и Е. Пискунов отмечают всё большую самостоятельность стран Глобального Юга на международной арене. Незападные государства впервые за долгое время «способны и хотят, независимо от евроатлантических «стратегов» и «архитекторов» мирового порядка, заниматься коллективным осмыслением и проектированием моделей регионального, трансрегионального и глобального сотрудничества и развития, основанных на идеях справедливости, равноправия и взаимной выгоды» (Дробинин & Пискунов, 2025, с. 7). Так, в 2024 году была создана Конфедерация государств Сахеля, в которую вошли Буркина-Фасо, Мали и Нигер. С Конфедерацией сотрудничают Россия, Турция, а также ряд африканских государств. В Латинской Америке многие страны также отказываются проводить политику в интересах США и их союзников: Никарагуа, Куба, Венесуэла и многие другие страны ориентируются на решение национальных проблем в интересах собственных народов, а не транснациональных корпораций. И это в перспективе может стать одной из основ нового мирового порядка. Сегодня уже мало кто сомневается в возможностях стран Глобального Юга оказывать решающее влияние на политическое и экономическое развитие человечества. В 2025 г. министр финансов России А. Силуанов сообщил о том, что доля стран Глобального Юга в мировом валовом внутреннем продукте составила почти 60%, а совокупный объём финансовых активов стран – членов БРИКС достиг 50% от мирового уровня¹. И есть все основания полагать, что эти тенденции сохранятся в ближайшем будущем.

¹ Совокупный объём финансовых активов стран БРИКС превысил \$60 трлн (2025). Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/07/04/1122237-obem-finansovih-aktivov>

В контексте вышеизложенного стоит отметить, что ключевую роль в организации нового международного порядка играет Россия. Наша страна имеет ряд общих целей именно с Глобальным Югом (хотя никогда не отказывалась от диалога с Западом). Одной из ключевых целей, по нашему мнению, является формирование нового многополярного мира, в котором будут учитываться интересы всех международно-политических акторов. Россия имеет все основания претендовать на роль одного из центров силы в будущем многополярном мире в силу следующих факторов.

1. Политико-дипломатический потенциал. Россия является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, следовательно, без её голоса не может быть принято ни одно значимое в мировом масштабе решение. Соответственно, Россия препятствует дискриминации стран Глобального Юга на мировой арене и фактически отстаивает интересы миллиардов людей, которых предпочитают «не замечать» западные политические лидеры.

2. Экономическая роль. Россия является страной с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала. Продукция всех отраслей её экономики (от сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых до IT-сферы и космических технологий) пользуется спросом на мировом рынке. Введённые против России санкции не привели к эффекту, который ожидали западные политические элиты. Более того, в современной Европе, ещё не полностью отказавшейся от российских энергоносителей, наблюдается экономическая рецессия.

3. Военный потенциал. Россия является ядерной державой, обладающей полной ядерной триадой (стратегической авиацией, межконтинентальными баллистическими ракетами и атомными подводными ракетноносцами). Помимо нашей страны, данный потенциал есть только у США. Кроме того, Россия способна наносить урон противнику на поле боя и иными видами оружия.

Всё вышеперечисленное не может считаться исчерпывающим набором факторов, определяющих роль России в современном мире: существуют и менее заметные предпосылки к усилению роли России в современном мире.

Таким образом, современный мир столкнулся с целым комплексом глобальных проблем. Как экологические, так и социально-экономические проблемы связаны не в последнюю очередь с политическими процессами в странах мира и на международной арене. Целым комплексом глобальных проблем является ряд экологических вопросов, которые стремятся разрешить не только страны Запада (где экологическая повестка, на наш взгляд, слишком связана с политическими манипуляциями), а и страны Глобального Юга, предпринимающие последовательные шаги к разрешению данных про-

блем. При этом именно страны Глобального Юга больше остальных сталкиваются с проблемами бедности, которая, однако, часто является следствием неокOLONиальной политики стран Запада. Важно подчеркнуть, что процесс формирования нового мирового порядка не является линейным. Он предполагает разрешение многих противоречий, столкновение интересов, ведущих акторов и поиск баланса между их приоритетами. Именно от способности международного сообщества выстраивать диалог и находить компромиссы будет зависеть, насколько успешно будут разрешены основные глобальные проблемы. Мы полагаем, что будущий мировой порядок может (но не обязательно будет) основываться на более справедливом распределении как ресурсов, так и политического влияния. Особенности его формирования могут стать предметом дальнейших исследований.

Литература

Дегтерёв, Д. А. (2024). Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка. Ученые записки Института Африки РАН, 4, 29–48. DOI: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48>.

Дробинин А., Пискунов Е. (2025). Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты. Международная жизнь, 8, 4–13.

Кича, М. В. (2024). Власть и управление в условиях глобализации. Правосудие/Justice, 6(3), 43–58. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.43-58.

Ковалёв, Ю. Ю., Поршнева, О. С. (2021). Страны БРИКС в международной климатической политике. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения, 21(1), 64–78. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78.

Кортунов, А. В. (2020). Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 60/2020. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД,

Кубанцева, Е. В. (2025). Цифровой неокOLONиализм: теоретические основы и практики реализации в эпоху глобальных технологических трансформаций. Российский социально-гуманитарный журнал, 3, 115–132.

Леденёва, В.Ю., Рахмонов, А.Х. (2023). Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов. Вестник МГИМО-Университета, 16(6), 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269.

Малюк, А. Н. (2016). Интерпретация концепта глобализации сквозь призму мир-системного анализа. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 4, 81–97.

Маслова, Е. А. (2021). Сотрудничество России и ЕС в условиях санкционного режима (на примере программы «Коларктик 2014-2020»). Вестник Пермского университета. Политология, 15(2), 49–58. DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-49-58.

Навдаева, М. Е. (2023). Экологическая повестка в современной морской политике Китая. *Международная аналитика*, 4(14), 133–148. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-4-133-148.

Смирнов, В. Д. (2025). Экономическая (де-)глобализация: кто ее определяет? *Финансы: теория и практика*, 29(1). 53–67. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-53-67.

Холоденко, Ю. А. (2024). Кризис институтов либеральной глобализации: новые возможности для мирового развития. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 3, 168–196. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-3-168-196>.

Цапенко, И. П. (2025). Внешнеполитические вызовы и инструментализация миграции. *Полис. Политические исследования*, 1, 134–148. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.10>.

Шегаев, И. С., Полозов, А. Г. (2015). Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. М.: Издательство «Перо».

Шишкина, А. Р., Файн, Е. Д., Исаев, Л. М. (2024). Дискурс о неокOLONIALИЗме как элемент внешнеполитической идентичности России в Африке. *Международная аналитика*, 15(1), 103–117. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117.

Шульга, А. А. (2016). НеокOLONIALИзм в Африке и глобализация: что общего? *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 18, 68–74.

References

Degterev, D. A. (2024). The resovereignization of Africa in the context of the new world order formation. *Uchenye Zapiski Instituta Afriki RAN*, (4), 29–48. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48>. (In Russ.)

Drobinin, A., & Piskunov, E. (2025). What is a multipolar world order: Current theoretical and applied aspects. *Mezhdunarodnaya Zhizn*, (8), 4–13. (In Russ.)

Kicha, M. V. (2024). Power and governance in the context of globalization. *Pravosudie/Justice*, 6(3), 43–58. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2024.3.43-58>.

Kovalev, Yu. Yu., & Porshneva, O. S. (2021). BRICS countries in international climate policy. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 21(1), 64–78. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78>. (In Russ.)

Kortunov, A. V. (2020). *Krizis miroporyadka i budushchee globalizatsii* [The crisis of the world order and the future of globalization] (Doklad № 60/2020). Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). (In Russ.)

Kubantseva, E. V. (2025). Digital neocolonialism: Theoretical foundations and implementation practices in the era of global technological transformations. *Rossiiskii Sotsial'no-Gumanitarnyi Zhurnal*, (3), 115–132. (In Russ.)

Ledeneva, V. Yu., & Rakhmonov, A. Kh. (2023). The impact of "migration potential" on the economic and demographic development of donor and recipient countries. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 16(6), 250–269. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269>. (In Russ.)

Malyuk, A. N. (2016). Interpretation of the globalization concept through the lens of world-systems analysis. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i Politologiya*, (4), 81–97. (In Russ.)

Maslova, E. A. (2021). Cooperation between Russia and the EU under the sanctions regime (the case of the "Kolarctic 2014-2020" program). *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 15(2), 49–58. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-49-58>. (In Russ.)

Navdaeva, M. E. (2023). The environmental agenda in China's contemporary maritime policy. *Mezhdunarodnaya Analitika*, 4(14), 133–148. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-133-148>. (In Russ.)

Shchegaev, I. S., & Polozov, A. G. (2015). *Noveishii politologicheskii glossarii: osnovnye kategorii, ponyatiya, terminy* [The latest political science glossary: Basic categories, concepts, terms]. Izdatel'stvo «Pero». (In Russ.)

Shishkina, A. R., Fain, E. D., & Isaev, L. M. (2024). The discourse on neocolonialism as an element of Russia's foreign policy identity in Africa. *Mezhdunarodnaya Analitika*, 15(1), 103–117. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>. (In Russ.)

Shulga, A. A. (2016). Neocolonialism in Africa and globalization: What do they have in common?. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, (18), 68–74. (In Russ.)

Smirnov, V. D. (2025). Economic (de-)globalization: Who defines it?. *Finansy: Teoriya i Praktika*, 29(1), 53–67. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-1-53-67>.

Tsapenko, I. P. (2025). Foreign policy challenges and the instrumentalization of migration. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (1), 134–148. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.10>. (In Russ.)

Kholodenko, Yu. A. (2024). The crisis of institutions of liberal globalization: New opportunities for world development. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i Politologiya*, (3), 168–196. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-3-168-196>. (In Russ.)

Для цитирования: Щедрова, Г. П. Роль глобальных проблем современности в формировании архитектуры нового мирового порядка / Г. П. Щедрова // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 55-66. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-55-66.

А.В. Глухова

A. Glukhova

МИР И ВОЙНА В XXI ВЕКЕ: ПРИРОДА КОНФРОНТАЦИИ И ДИАГНОСТИКА ТЕРАПИИ

PEACE AND WAR IN THE 21ST CENTURY: THE NATURE OF CONFRONTATION AND DIAGNOSTIC THERAPY

Аннотация

Статья посвящена исследованию дискурса войны и мира в мировой общественно-политической мысли в контексте резкого обострения международной напряженности, возрастающих рисков крупного межгосударственного конфликта, распространения гибридных войн и иных форм насилия в условиях XXI века. Автор прослеживает дискурс войны и мира от философии И. Канта и его трактата «К вечному миру» до современных исследователей в области политики безопасности, отмечающих различные (и многочисленные) факторы, определяющие природу конфронтации в эпоху неопределенности, «культурного пессимизма» и «разделенных обществ».

Цель исследования – предложить рекомендации для расширения мер доверия между конфронтирующими сторонами как условия заключения компромисса, положенного в основу архитектуры безопасности ОБСЕ.

Задачи исследования: определить исследовательские подходы для расширения мер доверия между конфронтирующими сторонами, изучить способы формирования мер доверия между контрагентами конфронтации в современном мире, выделить факторы, влияющие на формирование таких мер.

Теоретическая значимость исследования обусловлена приращением знаний в конфликтологических теориях. Автор дополняет существующие подходы. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования теоретического знания в практических разработках в области выработки мер доверия между конфронтирующими сторонами в современном мире.

Теоретическая основа исследования опирается на теории взаимозависимости и

Abstract

The article is devoted to an examination of the discourse of war and peace in global socio-political thought against the backdrop of a sharp aggravation of international tensions, increasing risks of large-scale interstate conflict, the spread of hybrid wars and other forms of violence characteristic of the twenty-first century. The author traces the discourse of war and peace from Immanuel Kant and his treatise «Perpetual Peace» to contemporary scholars in the field of security policy, who note various (and numerous) factors that determine the nature of confrontation in an era of uncertainty, «cultural pessimism», and «divided societies».

The purpose of this study is to propose recommendations for expanding confidence-building measures between conflicting parties as a prerequisite for reaching a compromise, which forms the basis of the OSCE security architecture.

Research objectives: to identify research approaches for expanding confidence-building measures between conflicting parties, to study the methods for developing confidence-building measures between conflicting parties in the modern world, and to identify the factors influencing the development of such measures.

The theoretical significance of this study lies in its advancement of knowledge in conflict theories. The author complements existing approaches.

The practical significance lies in the potential for use in practical developments in the field of developing confidence-building measures between conflicting parties in the modern world.

Methods and Methodology. The theoretical basis of this study is based on theo-

конфликтологические концепции, объясняющие взаимодействия государств в современном мире с опорой на продвижение к новой разрядке напряжённости.

В исследовании используется конфликтологический анализ, историко-сравнительный и дискурсивный методы, метод case study в отношении Хельсинского политического процесса, 50-летний юбилей которого отмечается в этом году.

Результаты. Особенно подчеркивается значение расширения мер доверия между конфронтирующими сторонами как условия заключения компромисса, положенного в основу архитектуры безопасности ОБСЕ. По мнению автора, нынешняя ситуация конфронтации между Россией и Западом нуждается в подобной же терапии: обеим сторонам требуется Стратегическое видение и совместная кропотливая деятельность по идентификации и сравнению точек зрения, выработке согласия, предвидений и прогнозов в целях продвижения к новой разрядке напряжённости.

Ключевые слова:

глобальная нестабильность, война, вечный мир, конфронтация, Россия, Запад, новая холодная война, антагонистическое сотрудничество.

ries of interdependence and conflictological concepts that explain the interactions of states in the modern world, focusing on progress toward a new détente.

The study employs conflictological analysis, historical-comparative and discursive methods, and a case-study approach with respect to the Helsinki political process, whose 50th anniversary is observed this year.

Results. Particular emphasis is placed on the importance of expanding confidence-building measures between confronting parties as a condition for reaching compromise, which underpinned the security architecture of the OSCE. According to the author, the current situation of confrontation between Russia and the West requires a similar form of therapy: both sides need strategic vision and concerted, painstaking efforts to identify and compare viewpoints, to develop consensus, anticipations, and forecasts to advance toward a renewed easing of tensions.

Key words:

global instability, war, perpetual peace, confrontation, Russia, West, new Cold War, antagonistic cooperation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-67-86>

По солидарному мнению историков, в первую очередь представителей археологии, едва ли не вся человеческая история (свыше 5000 лет) переполнена конфликтами наибольшей интенсивности, то есть войнами. По подсчетам исследователей, количество вооруженных столкновений за всю историю человечества достигло почти пяти тысяч, что дало повод характеризовать мир как «перерыв между войнами». И сегодня картина распространения в мире вооруженных конфликтов впечатляет: согласно цифрам Oxford Martin Institute, на конец 2023 года в разного типа конфликтах (внутри- и межгосударственных) погибло более 500 тыс. человек – воюющих и мирных. По данным этого института, и сегодня гибнут люди в 89 внутри- и межгосударственных конфликтах на Ближнем Востоке, в Африке, в Азии, Латинской Америке и в Европе. Образно говоря, в современном мире не осталось мест, которые можно было бы назвать «тихими гаванями». Приведенные цифры

иллюстрируют мысль о том, что «и в XXI веке насилие остается существенным элементом и фактором в международных отношениях» (Ремчуков, 2025, с. 1).

Проблемам мира и войны в XXI веке посвящены работы отечественных авторов (Богоявленская, Ю.В., Макарова, Д.А., Шустова, С.В., Семкин, Р.Е., 2024; Волков, Камнев, 2023; Козлова, 2025; Терентьева, 2023). В этих публикациях отражены вопросы сущности войны и мира, их влияния на цивилизационную идентичность, новые взгляды на проблемы войны и мира.

Зарубежные авторы (Bobich, 2019; Long, 2015; Montgomery, 2008; Newbury, 2002) анализируют в основном противостояние стран Соединённым Штатам.

Цель исследования – предложить рекомендации для расширения мер доверия между конфронтирующими сторонами как условия заключения компромисса, положенного в основу архитектуры безопасности ОБСЕ.

Задачи исследования: определить исследовательские подходы для расширения мер доверия между конфронтирующими сторонами, изучить способы формирования мер доверия между контрагентами конфронтации в современном мире, выделить факторы, влияющие на формирование таких мер.

Теоретическая значимость исследования обусловлена приращением знаний в конфликтологических теориях. Автор дополняет существующие подходы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования теоретического знания в практических разработках в области выработки мер доверия между конфронтирующими сторонами в современном мире.

Теоретическая основа исследования опирается на теории взаимозависимости и конфликтологические концепции, которые объясняет взаимодействия государств в современном мире с опорой на продвижение к новой разрядке напряжённости.

Использованы системный, сравнительный, исторический, институциональный, цивилизационный подходы.

Применены следующие методы исследования: конфликтологический анализ (позиционный и ситуационный), сравнительный анализ, инвент-анализ, качественный контент-анализ, метод case study.

Не приходится удивляться тому, что мечта о мирном сосуществовании людей, народов, цивилизаций, обходящемся без военного насилия и применения оружия, сопровождает человечество на всем протяжении его истории. Вместе с тем свое теоретическое обоснование она получила в идее, развитой Иммануилом Кантом в знаменитом трактате «К вечному миру». Согласно ей мирное соревнование, торговля и иные формы взаимодействия народов и

государств в долгосрочной перспективе не могут сосуществовать с войной. Поэтому ради человеческого благополучия должен быть установлен такой политический порядок, в котором нет и не может быть войны.

Логика И. Канта сводилась к тому, что с точки зрения внешнего контура войне противостоят объективные факторы, прежде всего финансово-экономические отношения между государствами, приносящие обоюдную выгоду. С точки зрения внутривнутриполитического устройства государств барьером на пути безответственных и авантюристических решений, свойственных, как правило, неограниченной диктаторской власти, выступает республиканская форма правления. Она не только максимально ограничивает полномочия лидера и сдерживает его волю благодаря системе сдержек и противовесов, но и максимально замедляет сам процесс принятия ответственных решений, чтобы дать возможность разуму и рациональному расчёту помешать совершению непоправимой ошибки (Кант, 1994). Помимо республиканизма, знаменитый проект трехстороннего мирного порядка И. Канта включал также объединение государств в Лигу Наций и установление космополитического (то есть общепризнанного) порядка, которые должны взаимно усиливать друг друга и способствовать достижению прочного мира.

И. Кант предполагал, что люди как разумные существа в целом заинтересованы в мире, поскольку общий интерес в ограничении насилия противостоит столь же общему интересу в произвольном применении силы для отстаивания определенных идей и групповых интересов. Способность и готовность конфликтующих сторон заключить и сохранить мир зависит от баланса между конфликтующими интересами, благодаря чему, полагал Кант, институциональный контекст, то есть международный порядок, укрепит доверие к соблюдению правил. Это институциональное доверие, в свою очередь, может расширить пространство для установления личного доверия между субъектами конфликта и способствовать достижению мирного соглашения. «Доверие» можно понимать как ожидание не причинения вреда даже в контексте, «в котором всегда возможно предательство»¹.

Выводы, разработанные И. Кантом в конце XVIII века как постулаты политической философии, в следующем столетии получили свое дальнейшее развитие. Некоторые социологи интерпретировали их как возникновение новых общественных формаций, которые в силу своих функциональных принципов уже не будут вести войны. В своем законе трех стадий основатель социологии Огюст Конт выделил войне и воинскому духу их собственную эпоху, которая - с началом эпохи науки и промышленности - подходила

¹ Brock L. & Simon H. (2022) Vom Krieg zum Frieden. Vertrauen im Konflikt. Aus Politik und Zeitgeschichte, Ausgabe.

к концу и сменялась эпохой мирного производства. «Конт стал пророком мира, так как считал, что война больше не играет никакой роли в индустриальном обществе, - писал тонкий интерпретатор социологических теорий Р. Арон. – Война была необходима, чтобы принудить к упорядоченному труду людей, от природы ленивых и склонных к анархии, чтобы создать большие государства, чтобы возникло единство Римской империи, где предстояло распространиться христианству, из которого в конце концов выйдет позитивизм. Война выполнила двойную историческую миссию: обучения труду и формирования больших государств. Но в XIX веке она растеряла все свои роли. Отныне общество определяется приматом трудовой деятельности, трудовыми ценностями. Не стало военного класса, не стало причин воевать» (Арон, 1992, с. 101). Таким образом, понимание истории О. Контом было встроено в перспективу прогресса, при которой исчезла бы не только сама война, но и подготовка к ней стала бы излишней.

С другой стороны, Герберт Спенсер, исходя из калькуляции приобретений и потерь, заявлял, что воинственные общества несовместимы с индустриальными, и предполагал, что первые должны уступить место вторым. Вскоре война как способ разрешения конфликтов будет встречаться только в отсталых обществах на окраинах индустриальной цивилизации, потому что последняя – по его мнению – просто не может себе этого позволить из-за высокой цены человеческой жизни (Спенсер, 2023).

Аргументация И. Канта, О. Конта, Г. Спенсера и других позже была вписана в реальное социально-экономическое развитие Европы и мира. Соответственно, до лета 1914 года многие наблюдатели считали крупную войну в Европе маловероятной, если не исключенной. Тем не менее, она началась, лишний раз опрокинув рациональные расчеты и подтвердив правоту Канта относительно таких факторов, как субъективная властная воля, не имеющая внешних ограничений, и случайность («черный лебедь»), которого никто и никогда не может предсказать. Как известно, Первая мировая война началась случайно, ее никто не хотел, кроме генералитета с разных сторон, убеждавшего и кайзера Вильгельма, и российского императора Николая II в том, что воевать необходимо. XX век, справедливо названный «преступным столетием» (Зб. Бжезинский), опровергнув рациональные расчеты, адресовал человечеству две Мировые войны, превзошедшие по количеству жертв и разрушений все трагедии, до сих пор известные истории.

После окончания Первой мировой войны трехсторонний проект Канта начал реализовываться. Возникла Лига Наций; демократия стала более привлекательной политической моделью, чем ранее; космополитический порядок начал обретать плоть и кровь благодаря Версальскому мирному

договору и другим международно-правовым актам. Однако последовавшая вслед за первой волной демократизации (С. Хантингтон) ответная реакционная волна смыла эти приобретения, погрузив мир в пучину новой, ещё более кровавой и беспощадной войны, облечённой в отчётливые политико-идеологические формы.

Казалось, что после катастрофы Второй мировой войны у человечества достанет разума и силы сопротивления любым попыткам скатиться к очередному вооруженному противостоянию. Однако на смену горячей пришла «холодная война», не только не отменившая конфронтацию, но и поднявшая ее на уровень ядерного противостояния.

Конец «холодной войны», означавший завершение широкомасштабного конфликта в глобальной политике, давал надежду на возникновение относительно гармоничного мира, но довольно скоро обнаружилось, что это иллюзия. По прошествии некоторого времени конфликты возобновлялись снова и снова, облекаясь в этнические и религиозные формы, в том числе и с психологической опорой на ресентимент. «Мир стал другим по сравнению с началом 1990-х гг., но не обязательно более мирным, - писал С. Хантингтон. - Изменения были неизбежными; прогресс - нет».

В разгар «холодной войны», наступившей почти сразу же вслед за войной «горячей» (то есть в 1946 году), А. Эйнштейн произнес пророческие слова: «Что за скверная эпоха сегодня на дворе: проще расщепить атом, чем разрушить предрассудок!»¹. Он, скорее всего, не предполагал, что и в XXI веке предрассудки, недоверие и порождаемая ими агрессия будут оставаться главной угрозой существованию человеческой цивилизации. Тем самым знаменитый автор теории относительности напомнил о том, что наряду с объективными факторами, какими бы убедительными они не казались, мир по-прежнему остается заложником субъективных проявлений человеческой природы, «слишком человеческой», говоря слова Ф. Ницше. Вторя ему, российский исследователь А.Г. Арбатов предостерегает: «Тридцать лет спустя после окончания холодной войны человечество вступает в новую фазу конфронтации и гонки вооружений в условиях глубоко изменившегося миропорядка, революционных прорывов военных технологий и с новым поколением политических лидеров и элит, поражённых недугом национализма, милитаризма и исторического невежества. Их разум затуманен ажиотажем по поводу экзотических вооружений, желанием

¹ Greiner B. (2019) Einstein und die neun Zwerge. Historisches zum INF-Vertrag. Aus Politik und Zeitgeschichte. <http://www.bpb.de/apuz/289937/einstein-und-die-neun-zwerge-historisches-zum-inf-vertrag>.

рассчитаться за прошлые обиды или набрать очки в грядущей «большой игре» на грани войны» (Арбатов, 2019, с. 28).

Характеристики современной политико-экономической и социокультурной реальности становятся все более разнообразными и тревожными: «общество риска» (У. Бек), «ускользающий мир» (Э. Гидденс), «текущая современность» (З. Бауман), «эра неопределенности» (Х. Мюнклер), «культурный пессимизм», «эпоха антропоцена», «разделенные общества» (В. Меркель, И.С. Семененко), «опасная эпоха» (Ф. Фукуяма) и др.

Стали очевидными и факторы, ведущие к тому, что проблемные ситуации накапливаются и даже усугубляют друг друга. Если исходить из факторов внутренней конфликтности, то в их числе экономическая незащищенность среднего класса (прежнего оплота стабильности), массовая незащищенность групп с низкими доходами, крайнее имущественное неравенство, массовая миграция, ассоциированная с культурной угрозой и т.д. В совокупности они создают впечатление того, что государство теряет способность действовать, контролировать эти процессы. На ближнем горизонте обозначилась климатическая катастрофа, а изменение информационно-коммуникационных технологий, в особенности СМИ, появление социальных сетей становится дополнительным деструктивным фактором, усложняющим и упрощающим споры, вызывая неприятие и возмущение. «Можно предположить, что одновременно произошло несколько потрясений, переросших в полисистемный кризис, в котором политика реактивно металась от одного источника огня к другому», - считает немецкий политолог Ф. Хайденрайх¹.

В декабрьском выпуске журнала Lancet Planet Health за 2021 год появился отчет, в котором впервые была рассмотрена тема беспокойства по поводу изменения климата в большом международном эмпирическом исследовании. Результаты были – и остаются – ошеломляющими. Из 10 000 опрошенных молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет 75% опасались будущего. В последние годы среди молодых людей настолько резко возросли тревожные расстройства, депрессия и вялость, что стала нарицательной формула кризиса психического здоровья у молодых взрослых. Неправильная патологизация нормальных подростковых кризисов проявляется в растущем числе людей, подверженных риску самоубийства. Согласно исследованию «Молодежь в Германии — исследование тенденций: зима 2022/23 — годы процветания: психика, финансы, отречение», 27% опрошенных страдают де-

¹ Heidenreich F. (2023) Wie lässt sich Zuversicht zurückgewinnen? Demokratische Zukünfte. Frankfurter Hefte.

прессией¹. Причина их тревоги неувидительна: наряду с событиями на Украине изменение климата стоит на первом месте в списке источников беспокойства. Военный теоретик Х. Мюнклер обозначил природу этого феномена понятием «негероическое общество», то есть общество, не готовое не только к войне, но и к самообороне.

Однако в последнее время все большее число авторов склоняются к тому, чтобы зафиксировать резкий разрыв с предшествующим состоянием, произошедший начиная с февраля 2022 года. В истории человечества такие периоды называются «цезурами», то есть переходом времени из одного состояния в другое, когда ничто не остается таким, каким было прежде. Известный политолог В. Меркель обращает внимание на произошедшее моральное сужение дискурсов в условиях «нервной республики»². Немецкий военный теоретик Х. Мюнклер отмечает нарастание риска глобального конфликта³. А.Г. Арбатов подтверждает: «...В настоящее время, без малого восемь десятилетий спустя после трагедии Хиросимы и Нагасаки, вероятность ядерной войны стала больше, чем когда бы то ни было раньше» (Арбатов, 2023, с. 8). Как бы в ответ на его предостережение Нобелевский комитет вручает Премию мира - 2024 японской организации «Нихон Хиданке», за «усилия по достижению мира, свободного от ядерного оружия, и демонстрацию свидетельств того, что ядерное оружие никогда не должно быть использовано снова». Организация объединяет выживших после ядерных бомбардировок в 1945 году.

Отечественные исследователи обращают внимание на то, что эффекты дестабилизации миропорядка усиливаются не сами по себе, но под воздействием конфликтности, растущей внутри современных обществ (Семененко, Лапкин, Пантин, 2021). Связь внутренней и внешней политики становится все более тесной и прочной: внутренние неудачи компенсируются ревизионистской внешней политикой, а достижения последней - сплочением общества «вокруг флага». Есть основания сказать, что мы уснули в мире Ю. Хабермаса с его надеждой на продуктивность коммуникативного действия (Habermas, 1981), а проснулись в мире К. Шмитта с его трактовкой сущности политического как диспозиции «друга» и «врага» (Шмитт, 1992).

Сказанное особенно справедливо в контексте резко обострившейся международной обстановки, сопровождающейся обрушением системы договоров по ограничению и сокращению вооружений между Россией и США,

¹ Schnetzer, S., & Hurrelmann, K. (2022). Jugend in Deutschland-Trendstudie Winter 2022/23. Die Wohlstandsjahre sind vorbei: Psyche, Finanzen, Verzicht.

² Merkel W. (2022) Über die moralische Verengung unserer Diskurse. Die nervöse Republik. Frankfurter Hefte.

³ Münkler H. (2022) Eine Ära der Ungewissheit. Frankfurter Hefte

исторически являвшихся главным способом укрепления стабильности стратегических отношений двух ядерных сверхдержав. Без этих договоров гонка вооружений увеличивает потенциалы первого удара, «сокращать которые возможно лишь на взаимной договорной основе, - отмечает академик А.Г. Арбатов. – Кроме того, подрывается транспарентность и предсказуемость стратегического баланса» (Арбатов, 2022, с. 26). Общий климат политических взаимоотношений между государствами исследователи все чаще определяют, как новую «холодную войну».

Насколько оправданно сегодня говорить о новой версии «холодной войны» со всеми свойственными ей «горячими» угрозами для международного мира и безопасности? Утвердительный набор аргументов, касающихся противостояния России и США (Запада в целом), достаточно обширен:

- 1) каждая сторона делает виновной исключительно другую сторону и настаивает на фундаментальном изменении позиции противника;
- 2) отношения характеризуются антагонизмом, а совместные интересы воспринимаются только как периферийные;
- 3) кооперация преследует временные, тактические мотивы, тогда как возможные поля конфликтов тенденциозно преувеличиваются вследствие влияния конфронтации;
- 4) милитаристские демонстрации силы увеличиваются, подчеркивая несовместимость целей. Дополнительным структурным моментом выступает фактор ядерного оружия: он сокращает возможность ведения большой войны, но за счет состояния «мир без мира».

Противоположная позиция, отрицающая «новую холодную войну», акцентирует основополагающие различия между прошлой и нынешней ситуацией:

- 1) угроза ядерной войны не является постоянной;
- 2) вооружения не находятся в состоянии постоянной боевой тревоги;
- 3) системный идеологический конфликт отсутствует;
- 4) конфронтация универсальных и традиционных ценностей носит скорее пропагандистский, нежели сущностный характер;
- 6) мир в целом и роль России в нем качественно изменились: возникло несколько миров, претендующих на многополярность.

При этом важно подчеркнуть, что перманентные разговоры о «холодной войне» выгодны для тех сил с обеих сторон, которые имеют свой персональный интерес от конфронтации – для военно-промышленного комплекса и его интеллектуальной obsługi. По словам известного военного историка М. ван Кревельда, «призрак бродит по коридорам генеральных штабов и министерств обороны «высокоразвитых» стран – боязнь собственного военного

бессилия и даже бесполезности» (Кревельд, 2005). С ним солидарен российский исследователь С.К. Ознобищев: «Холодная война «по вызову» достаточно удобна элитам ведущих стран, она как бы возрождается в удобный политический момент для обоснования идеи наращивания вооружений и/или принятия мер против другой стороны, но не имеет под собой фундаментального идеологизированного обоснования, которое бы могло обеспечить ей, как прежде, долгосрочное существование» (Ознобищев, 2021, с. 39).

Однако ключевые решения, в особенности судьбоносного характера, принимают политики, а не военные. Отсюда главная проблема все-таки заключается во взаимном восприятии сторонами намерений друг друга, то есть в перцепциях. Исходя из западной перспективы, Россия воспринимается не просто как трудный партнер, но как непредсказуемая угроза¹. По мнению академика В.Г. Барановского, «на Западе считают Россию виноватой в том, что ее плавная вестернизация не состоялась; что она вернулась к проведению наступательного курса на международной арене, стремится к всемерному расширению своей сферы влияния; сделала ставку на контроль над непосредственными соседями и даже на аннексию сопредельных территорий» (Барановский, 2025, с. 8). В свою очередь, претензии России сводятся к тому, что Запад «не считается с Россией; рассчитывает поставить ее в подчиненное положение; пытается вытеснить нас из постсоветского пространства - то есть создать для России враждебное окружение; стремится к ее стратегическому поражению» и т.д. (Барановский, 2025, с. 8). Кроме того, из российской перспективы следует, что США проводят против нее политику свержения режима, чтобы защитить свою глобальную гегемонию. Подобные взаимные обвинения были и в годы прошлой «холодной войны», хотя в действительности конфликт коренился в структурных недоговороспособностях обеих социально-экономических систем, что отчасти справедливо и сегодня. Россия настаивает на многополярности одновременно как на глобальном тренде и политической цели - равенстве и концерте великих держав, но при полном игнорировании различий между демократическими и авторитарными режимами. Между тем для Запада это является важной и самостоятельной ориентационной величиной и максимой действий. На Западе, в свою очередь, прокламируют демократию, либеральную рыночную экономику и претензии выступать в глобальном масштабе как гарант соблюдения международных правил и норм. Здесь также обнаруживается игнорирование чужих интересов, которые традиционно отличают великие державы.

¹ Münkler H. (2022) Eine Ära der Ungewissheit. Frankfurter Hefte.

С тревожными оценками сложившейся ситуации солидарны многие российские ученые. По мнению научного руководителя Института США и Канады, академика РАН С.М. Рогова, мы уже несколько лет живем в условиях, которые можно обозначить как «холодная война 2.0» (Соломонов, 2019). От первой «холодной войны» она, по мнению автора, отличается двумя важными признаками. Первый состоит в том, что в нынешнем противостоянии нет идеологического конфликта, как в первой «холодной войне», поскольку Россию сегодня никак нельзя считать социалистической страной. Второй признак проявляется в том, что сегодня нет глобального соперничества двух социально экономических систем: нет ни социалистического лагеря, ни Варшавского договора (как его оборонительного союза). В новой холодной войне Россия одна противостоит США и их союзникам; целый же ряд других важных игроков (например, Индия) в этом конфликте практически не участвуют или аккуратно воздерживаются. При этом «полицентричный мир все больше превращается в многополярный хаос» (Рогов, 2016, с. 380).

Вместе с тем, по мнению С.М. Рогова, есть четыре фактора, которые позволяют утверждать, что «холодная война 2.0» уже идет. Первый фактор – это обоюдный разгул пропаганды, когда возрождаются все худшие стереотипы первой «холодной войны», оказывающие очень серьезное влияние на общественное мнение. В результате этого растет негативное отношение как россиян к американцам, так и наоборот. Возрождение образа врага возвращает мир к опасной ситуации начала 1980-х гг. При этом обе стороны не озабочены ни наличием фактов, ни доказательной логикой. Ситуация острого конфликта оказывается крайне неблагоприятной для дипломатии как типа дискурса¹. Более того, и в политической элите обеих стран активизировались люди, начавшие верить в собственную пропаганду, подменяющую стратегический анализ и определяющую текущую политику.

Вторая особенность – это возобновление экономических войн. Если после окончания первой «холодной войны» много говорилось об интеграции России в глобальную экономику, то сейчас ставится задача ее изолировать и нанести максимальный экономический ущерб. Вместе с тем в силу глобальной взаимозависимости санкционный режим оказывается обоюдоострым и невыгодным обеим противоборствующим сторонам.

Третья особенность, негативно влияющая на положение России, связана с почти полным прекращением нормальных дипломатических контактов

¹ Неклесса А.И. (2015) Чёрные лебеди над Донбассом. Независимая газета.

с США и другими западными странами¹. Политический диалог осложняют и такие действия, как высылка дипломатов, захват дипломатической собственности и отказ в выдаче виз, чего не было в первой «холодной войне».

Наконец, четвертая особенность – новая гонка вооружений и развал системы контроля над ними, когда-то созданной совместными усилиями СССР и США в целях регулирования соперничества и установления ограничительных рамок действий («красных линий»). В отсутствие контроля над вооружениями может начаться соперничество без всяких правил, как и было вплоть до Карибского кризиса 1962 года. Опасность заключается в том, что давно потерян опыт, накопленный менеджментом прежней «холодной войны»: механизмы урегулирования взаимных претензий, культура взаимного контроля над вооружениями и т.д. Необходимо создавать новую систему контроля, которая учитывала бы нынешние геополитические реалии и новые технологии. В реалиях XXI века война выглядит еще более неразумно (с моральной) и нерентабельно – с экономической точки зрения. Она поглощает слишком много материальных и человеческих ресурсов, истощая позиции сторон, и создает еще большие риски на будущее, порождая ресентимент и реваншистские настроения у одного или у обоих участников конфликта.

Чтобы перейти от конфронтации к терапии сложившихся отношений, требуется не просто диагностика взаимных перцепций, но и набор представлений о способах изменения сложившейся ситуации, поиски такой зоны общих интересов, которая в состоянии преодолеть воззрения, разделяющие противостоящие стороны. Для решения этой задачи существуют две принципиальные возможности. Во-первых, необходимо определить экстраординарную цель, для достижения которой возможно сгладить взаимные претензии и дать единый ответ на общий вызов. Таковой целью сегодня являются глобальные проблемы: предотвращение риска ядерной войны и террористических угроз, защита договора о нераспространении ядерного оружия, совместное освоение космоса, противодействие климатическим угрозам и т.д. Кооперация на этом поле пока остается крайне ограниченной в силу эгоизма участников конфронтации, расчете на собственное превосходство и отсутствие взаимного доверия.

Вторая возможность указывает на те уроки, которые могут быть извлечены из прежней «холодной войны». Речь идет о политике разрядки напряженности, однажды изменившей характер конфронтации между двумя мировыми системами. С помощью разрядки удалось обуздать «холодную

¹ Президентская комиссия «Россия – США», где было почти два десятка рабочих групп, прекратила существование. Совет «Россия–НАТО» собирается всего два раза в год, что говорит о явной формальности существования такой важной структуры.

войну» благодаря установлению контроля над вооружениями и формальному признанию территориального (и политического) статус-кво в Европе, т.е. отказа от пересмотра границ.

Сегодня, в год полувекового юбилея подписания Хельсинского Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 года) имеет смысл вновь обратиться к этому опыту и более основательно проанализировать его. Обстоятельства строительства Берлинской стены в 1961 году и Карибского кризиса 1962 года сделали совершенно очевидной опасность военной эскалации в ядерную эпоху. Важно было не допустить, чтобы системный конфликт между социалистическим и капиталистическим общественным строем стал горячим и ядерным. В столицах европейских государств, а также в Москве и Вашингтоне стали разрабатываться стратегии для этой новой фазы конфликта между Востоком и Западом, направленные на достижение своих собственных целей: в Париже говорили о «разрядке», в Вашингтоне о «наведении мостов», в Москве о «мирном сосуществовании», в Бонне о «восточной политике». Таким образом, последовавшая за этим в 1970-е годы эпоха «разрядки» отнюдь не означала разрешения политико-идеологического конфликта. Напротив, контроль над военной эскалацией, к которому стремились все стороны, позволил расширить социальное взаимодействие, но в то же самое время привел к усилению системной конкуренции в бизнесе, СМИ, искусстве и культуре. Известный социолог Юрген Хабермас предложил для такого взаимодействия термин «антагонистическое сотрудничество», то есть сотрудничество по краткосрочным совместным проектам с принципиально противоположными целями (Habermas, 1981).

Поскольку инициаторами проведения европейской конференции по безопасности выступали советские руководители (Н.С. Хрущев, а затем Л.И. Брежнев), западные лидеры поспешили воспользоваться этой инициативой и изложить во внутренних стратегических документах предлагаемые новые правила игры. Ключи к началу многосторонней эры разрядки оказались в Москве и в Бонне, поскольку СССР стремился к международному признанию советской сферы влияния вплоть до германо-германской границы, а ФРГ, признавая и уважая территориальный статус-кво, тем не менее продвигала постулат о возможном «мирном изменении границ» в будущем, то есть о воссоединении немецкой нации. Поскольку обе стороны были заинтересованы в этих изменившихся рамочных условиях, снижающих риск военно-политической эскалации, определяющей моделью наступавшей эпохи разрядки оставалось «антагонистическое сотрудничество». Оно включало двусторонние «восточные договоры» между странами Запада и СССР, которые проложили путь к многосторонним соглашениям, подобным Заключительно-

му акту ОБСЕ. Его выполнение контролировалось на последующих конференциях и в итоге было институционализировано в рамках ОБСЕ в 1990-е гг.

Считается – и не без оснований – что триггером активизации в налаживании контактов между Востоком и Западом стал Карибский ракетный кризис 1962 года, поставивший переговоры о контроле над вооружениями и о разоружении в практическую повестку дня. Однако повестка переговоров оказалась настолько сложной, что потребовала огромных временных затрат (10 лет) и интеллектуальных усилий для того, чтобы достичь результата. Необходимо было найти формулу асимметричного разоружения в области обычных вооружений и тактического ядерного оружия. Решающее значение для дальнейшего хода взаимодействия между Востоком и Западом имело то, что переговоры по разоружению были отделены от Европейской конференции по безопасности, а их содержание заметно расширено уже в названии мероприятия – не Конференция, но Совещание по безопасности в Европе (СБСЕ).

Переговоры о подготовке к СБСЕ начались 22 ноября 1972 года в Хельсинки, а Заключительный акт был подписан 1 августа 1975 года. В ходе многомесячного испытания сил посредством продолжительных подготовительных бесед, упорядочения проблематики по трем «корзинам», согласования гарантийных мер соблюдения будущих договоренностей выстраивался окончательный компромиссный вариант договора. «Запад противопоставил восточной концепции безопасности как территориального порядка и безопасности границ динамичное понимание проницаемости границ, мер укрепления доверия, экономического обмена, прав человека и более свободного обмена людьми и информацией», – отмечает немецкий политолог О. Банге¹. В целях фактической легитимации своих территориальных завоеваний, а также в надежде на активизацию сотрудничества с Западом в экономической и технико-технологической областях Советский Союз в конце концов согласился с этими условиями.

Особое значение для продолжения процесса, начатого в Хельсинки, имел заключительный этап, на котором было принято решение о последующих конференциях для рассмотрения и продолжения прогресса и применения согласованных принципов. Он также включал в себя соглашение о том, что итоговый документ должен быть доступен для всех граждан во всех странах-участниках.

Таким образом, важным связующим звеном, которое скрепило переговоры на последующей конференции СБСЕ в Мадриде и не позволило им про-

¹ Bange O. (2025) Antagonistische Kooperation. Helsinki 1975 und sein Erbe /Aus Politik und Zeitgeschichte. 75 Jahrgang. <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/ksze-2025/563811/antagonistische-kooperation/>

валиться, несмотря на временную приостановку, стала общая заинтересованность европейцев на Востоке и Западе в снятии страха с конфликта между двумя системами, в расширении мер укрепления доверия. Большая прозрачность в отношении численности войск, развертывания и учений должна была в итоге сделать невозможными внезапные нападения. Это расширение политической разрядки до разрядки военной должно было быть в итоге осуществлено путем созыва отдельной конференции по разоружению в рамках последующей конференции СБСЕ в Мадриде.

Несмотря на продолжающиеся споры, конференция в Мадриде в итоге гарантировала беспрепятственное продолжение процесса СБСЕ: всего через несколько недель после ее завершения осенью 1983 года в Стокгольме началась «Конференция по мерам доверия и безопасности и разоружению в Европе» (КВАЕ). Переговоры в Мадриде привели к возобновлению участия сверхдержав в политике безопасности и значительному расширению человеческих контактов. Реальностью становилась взаимосвязь между военной разрядкой и правами человека. Кульминационным моментом и в то же время завершением процесса СБСЕ стало решение на последующей конференции в Будапеште в 1994 году об институционализации СБСЕ через новую организацию – ОБСЕ.

Сегодня состояние международных структур, призванных быть инструментами поддержания международной безопасности, оценивается специалистами крайне пессимистично: «ООН не работает... ОБСЕ вообще практически исчезла с экранов внешнеполитических радаров. Способность различных институтов многостороннего международного взаимодействия играть конструктивную роль под вопросом» (Барановский, 2015, с. 8). К сожалению, и российско-украинский вооруженный конфликт показывает ограниченность инструментов ОБСЕ и всей архитектуры европейской безопасности, созданной в начале 1990-х гг. и призванной предотвращать военные кризисы в Европе с помощью механизмов мирного урегулирования.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что архитектура безопасности СБСЕ/ОБСЕ основана на доверии к контрагенту и на его надежности, на предположении о том, что все государства-члены имеют общий интерес в достижении соглашений. Поэтому важнейшими результатами Хельсинкского и Стокгольмского процессов стали не только политико-правовые, но и ментальные сдвиги: создание многостороннего кодекса поведения; расширение понятия безопасности на общество, экономику и культуру; постепенное построение доверия через системные границы; реализация инструментария политики безопасности, выходящего за рамки чисто воен-

ного и вносящего решающий вклад в цивилизацию отношений (в отличие от их милитаризации).

Нынешняя ситуация нуждается в подобной же диагностике и терапии. Из совместного трудного опыта вытекает очевидный вывод: доверие возникает только в том случае, если будут познаны и приняты в расчет корни недоверия у другой стороны, включая самокритичную переоценку собственного поведения. Снова стоит вспомнить А. Эйнштейна, утверждавшего, что проблемы никогда не удастся разрешить при помощи того способа мышления, благодаря которому они и возникли. Для обеих сторон нужно «Стратегическое видение», включающее ответы на вопросы о ближайших и отдаленных перспективах; о путях достижения новых соглашений; о трудностях, которые нужно преодолеть. Предстоит обрабатывать, сравнивать и идентифицировать точки согласия, предвидения и прогнозы, представляемые каждой стороной, и медленно продвигаться к новому сближению.

Весь накопленный опыт работы в области разрешения конфликтных ситуаций говорит о том, что успех любых сложных переговоров зависит не столько от искусства переговорщиков, их доброй или злой воли, а от наличия или отсутствия переговорной формулы и переговорной позиции. Если их нет, если до начала переговоров хотя бы одна из сторон не сформулировала позицию, которая допускает наличие точек соприкосновения, переговоры бессмысленны даже в том случае, если посредниками являются очень уважаемые и компетентные люди. Политика урегулирования конфликтов — это слишком серьезное дело, чтобы сводить ее к эпизодическим сделкам, уводящим в сторону от существа проблемы.

Очевидно, что современная политика стоит перед очень серьезными вызовами. Необходимы такие политические действия, которые способны противостоять преобладающим условиям неопределенности, выдерживать их и искать на них ответы. Можно, конечно, уподобиться страусу и выбрать стратегию бегства от реальности; но это будет актом отчаяния, а не политическим действием. Страх и отчаяние, приобретающие резкое влияние во времена неопределенности, нужно держать подальше от политики. Но, с другой стороны, столь же опасны радикальные маневры, приводящие к политической катастрофе, поскольку они в основном перегружают систему, на которую воздействуют. В отличие от прежних времен, современные сложные общества допускают только медленные и продуманные изменения¹.

Нынешнее время часто определяется как «эпоха перемен»; при этом нередко из виду упускается масштаб и острота их содержания. Сегодня впо-

¹ Münkler H. (2022) Eine Ära der Ungewissheit. Frankfurter Hefte.

ру говорить не об «эпохе перемен», а о «перемене эпох». Перемены происходили и раньше: мировой опыт – социокультурный, экономический, военно-политический, связанный с доиндустриальной и индустриальной эпохами, подтверждает высокую политическую динамику прошлых эпох. Вместе с тем нельзя не признать, что эти перемены имели иную скорость социального времени. Начиная примерно с последней трети XX века, социальное время ускоряется, разночтения множатся, и мир обретает новый статус, который сегодня можно определить как «сложный мир». «Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию»¹. В условиях глобализации, цифровизации и конфликтных мультипликаций особенно дефицитными становятся временные ресурсы, а политика хронически опаздывает с принятием решений, порождая «эффект десинхронизации». Параллельно чудовищно возрастает цена ошибки в принятии решений.

Как никогда своевременным становится напоминание М. Вебера о том, что «политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером» (Вебер, 1990, с. 326). Настоящий политик должен сочетать острое чувство реальности и мощное видение будущего. Посредственные лидеры не в состоянии отличить важное от второстепенного. Нынешнее время нуждается не в самовлюбленных нарциссах или угрюмых поклонниках архаичной картины мира, но в ответственных политиках, имеющих смелость называть вещи своими именами, предлагать ясную и четкую повестку дня, ставить перед своими обществами конкретные задачи. Доминирование в политике пресловутого «реактивного режима», делающего ее «свободной игрой политических сил», во многом и спровоцировало массовое недовольство политиками и падением доверия к ним. Отказ от планирования перед лицом изменения климата оказывается скорее безответственной наивностью, чем доверием к рыночным силам, которые сами всеотрегулируют. Перед лицом угрозы ядерного конфликта безответственно прятаться от реальности в надежде, что все «рассосётся» само собой вместо того, чтобы искать и находить политические методы разрешения возникших противоречий. «Вечный мир», как он представлялся Иммануилу Канту, глобализация цивилизованных порядков и развитие космополитических форм управления – все это реальные возможности, – считает военный аналитик М. Калдор. – Пессимистичный же взгляд состоит в том, что войну, подобно рабству, всегда можно переизобрести» (Калдор, 2015, с. 377). В свете такой перспективы, политикам следует почаще напоминать о

¹ Неклесса А.И. (2015) Чёрные лебеди над Донбассом. Независимая газета.

том, что они имеют серьезные обязательства перед молодыми поколениями, чьи опасения будущего, возможно, и преувеличены, но в целом вполне оправданны, а желание жить в мире и согласии с другими народами - вполне осознанным (Токарев, 2024).

Литература

- Bobich, M. (2019). Iraq: Military Confrontation with the United States and its Thirty-Three Allies. In *Why minor powers risk wars with major powers: A comparative study of the post-Cold War era* (pp. 69–102). Bristol University Press.
- Habermas, Y. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns* (Bd. 1–2). Suhrkamp.
- Long, T. (2015). *Latin America confronts the United States: Asymmetry and influence*. Cambridge University Press.
- Montgomery, D. (2008). Workers' movements in the United States confront imperialism: The Progressive Era experience. *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*, 7(1), 7–42. <https://doi.org/10.1017/S1537781400001717>.
- Newbury, K. (2002). States at war: Confronting conflict in Africa. *African Studies Review*, 45(1), 1–20. <https://doi.org/10.2307/1515005>.
- Арбатов, А. Г. (2019). Диалектика Судного дня: гонка вооружений и их ограничения. *Полис. Политические исследования*, (3), 27–48.
- Арбатов, А. Г. (2022). Украинский кризис и стратегическая стабильность. *Полис. Политические исследования*, (4), 10–31.
- Арбатов, А. Г. (2023). Ядерные метаморфозы. *Полис. Политические исследования*, (5), 7–28.
- Арон, Р. (1992). *Этапы развития социологической мысли*. Прогресс-Политика.
- Барановский, В. Г. (2025). О формировании нового миропорядка. *Полис. Политические исследования*, (1), 7–23.
- Богоявленская, Ю. В., Макарова, Д. А., Шустова, С. В., & Семкин, Р. Е. (2024). *Дискредитация, война и мир во французском массмедийном дискурсе*. Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Вебер, М. (2017). Политика как призвание и профессия (Б. М. Скуратов, А. Ф. Филиппов, Пер.). В *Политика как призвание и профессия* (с. 252–326). РИПОЛ классик.
- Волков, В. А., & Камнев, В. М. (2023). Развитие цивилизационной идентичности России: война и мир. В *Философия истории философии. 2022: Ежегодник* (с. 355–365). Санкт-Петербургский государственный университет. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.123>.
- Калдор, М. (2015). *Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху*. Издательство Института Гайдара.
- Кант, И. (1997). К вечному миру. В *Антология мировой политической мысли* (Т. 1, с. 481–485). Мысль.
- Козлова, А. А. (2025). Война и мир в Южной Азии. *Вестник Института востоковедения РАН*, (2), 197–206. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2025-2-197-206>.
- Кревельд, М. ван. (2005). *Трансформация войны*. Альпина Бизнес Букс.
- Мюнклер, Г. (2018). *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках* (А. И. Лоскутова, Пер.). Кучково поле.
- Ознобищев, С. К. (2021). Политика и контроль над вооружениями. *Полис. Политические исследования*, (6), 26–41.

Рогов, С. М. (2016). США и Россия: новый вариант холодной войны? В О. В. Гаман-Голутвиной (Ред.), *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития* (с. 354–385). Аспект Пресс.

Семененко, И. С., Лапкин, В. В., & Пантин, В. И. (2021). Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *Полис. Политические исследования*, (5), 56–77.

Спенсер, Г. (2023). *Личность и государство*. АСТ.

Токарев, А. А. (2024). Массовое сознание российской молодежи: образ будущего. *Полис. Политические исследования*, (6), 154–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>.

Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций* (Т. Велимеев, Ю. Новиков, Пер.). АСТ.

Шмитт, К. (1992). Понятие политического. *Вопросы социологии*, 1(1), 37–68.

References

Arbatov, A. G. (2019). Dialektika Sudnogo dnya: gonka vooruzhenii i ikh ogranicheniya [The dialectics of Doomsday: The arms race and its limitations]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (3), 27–48. (In Russ.)

Arbatov, A. G. (2022). Ukrainskii krizis i strategicheskaya stabil'nost' [The Ukrainian crisis and strategic stability]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (4), 10–31. (In Russ.)

Arbatov, A. G. (2023). Yadernye metamorfozy [Nuclear metamorphoses]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (5), 7–28. (In Russ.)

Aron, R. (1992). *Etapy razvitiya sotsiologicheskoi mysli* [Main currents in sociological thought]. Progress-Politika. (In Russ.)

Baranovskii, V. G. (2025). O formirovanii novogo miroponyatiya [On the formation of a new world order]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (1), 7–23. (In Russ.)

Bogoyavlenskaya, Yu. V., Makarova, D. A., Shustova, S. V., & Semkin, R. E. (2024). *Diskreditatsiya, voyna i mir vo frantsuzskom massmediinom diskurse* [Discredit, war and peace in French mass media discourse]. Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. (In Russ.)

Bobich, M. (2019). Iraq: Military Confrontation with the United States and its Thirty-Three Allies. In *Why minor powers risk wars with major powers: A comparative study of the post-Cold War era* (pp. 69–102). Bristol University Press. (In Russ.)

Weber, M. (2017). Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation and profession] (B. M. Skuratov, A. F. Filippov, Trans.). In *Politika kak prizvanie i professiya* (pp. 252–326). RIPOL klassik. (In Russ.)

Volkov, V. A., & Kamnev, V. M. (2023). Razvitie tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii: voyna i mir [The development of Russia's civilizational identity: War and peace]. In *Filosofiya istorii filosofii. 2022: Ezhegodnik* (pp. 355–365). Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.123>. (In Russ.)

Habermas, J. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns* [The theory of communicative action] (Bd. 1–2). Suhrkamp. (In Russ.)

Kaldor, M. (2015). *Novye i starые voyny. Organizovannoe nasilie v global'noy epokhu* [New and old wars: Organized violence in a global era]. Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Kant, I. (1997). K vechnomu miru [Toward perpetual peace]. In *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli* (Vol. 1, pp. 481–485). Mysl'. (In Russ.)

- Kozlova, A. A. (2025). Voina i mir v Yuzhnoi Azii [War and peace in South Asia]. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, (2), 197-206. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2025-2-197-206>. (In Russ.)
- van Creveld, M. (2005). *Transformatsiya voyny* [The transformation of war]. Al'pina Biznes Buks.
- Long, T. (2015). *Latin America confronts the United States: Asymmetry and influence*. Cambridge University Press.
- Montgomery, D. (2008). Workers' movements in the United States confront imperialism: The Progressive Era experience. *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*, 7(1), 7-42. <https://doi.org/10.1017/S1537781400001717>.
- Münkler, H. (2018). *Oskolki voyny: Evolyutsiya nasiliya v XX i XXI vekakh* [The fragments of war: The evolution of violence in the 20th and 21st centuries] (A. I. Loskutova, Trans.). Kuchkovo pole.
- Newbury, C. (2002). States at war: Confronting conflict in Africa. *African Studies Review*, 45(1), 1-20. <https://doi.org/10.2307/1515005>.
- Oznobishchev, S. K. (2021). Politika i kontrol' nad vooruzheniyami [Politics and arms control]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 26-41. (In Russ.)
- Rogov, S. M. (2016). SShA i Rossiya: novyi variant kholodnoi voyny? [The USA and Russia: A new version of the Cold War?]. In O. V. Gaman-Golutvina (Ed.), *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya* (pp. 354-385). Aspekt Press.
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., & Pantin, V. I. (2021). Sotsial'nye razmezhevaniya i politicheskie protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii [Social cleavages and political confrontations in scientific discourse: Assessment and classification criteria]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (5), 56-77. (In Russ.)
- Spencer, H. (2023). *Lichnost' i gosudarstvo* [The man versus the state]. AST. (In Russ.)
- Tokarev, A. A. (2024). Massovoe soznanie rossiiskoi molodezhi: obraz budushchego [Mass consciousness of Russian youth: The image of the future]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 154-169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>
- Huntington, S. P. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations] (T. Velimeev, Yu. Novikov, Trans.). AST. (In Russ.)
- Schmitt, C. (1992). Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. *Voprosy Sotsiologii*, 1(1), 37-68. (In Russ.)

Для цитирования: Глухова, А. В. Мир и война в XXI веке: природа конфронтации и диагностика терапии / А. В. Глухова // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 67-86. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-67-86.

О.Е. Гришин

O. Grishin

РЕПУТАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МНОГОПОЛЯРНОСТЬ VS ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ

REPUTATIONAL CAPITAL OF THE STATE IN THE MODERN WORLD: MULTIPOLARITY VS POLYCENTRICITY

Аннотация

Анализируются факторы формирования репутационного капитала государства в современном мире в контексте трансформации мирового порядка в условиях перехода к полицентричной системе международных отношений, а также уточнить дефиниции «многополярность» и «полицентричность» и их корреляцию.

Цель исследования – предложить рекомендации для эффективной реализации репутационного капитала государства в условиях трансформации мирового порядка, перехода к полицентричному устройству мировой системы.

Наблюдение, сравнительный анализ, ивент-анализ, качественный контент-анализ.

У государства, как правило, существует государственная идентичность, которая детерминирует мотивацию поведения государства на мировой арене. Децизионизм – это политическое, этическое и юридическое учение, которое утверждает, что моральные или правовые предписания являются результатом решений, принимаемых политическими акторами. Сегмент части теории децизионизма заключается в том, чтобы поставить перед необходимостью другие государства признать и принять свой уникальный имидж себя. Переход как исторический факт от однополярности к многополярности в данный исторический период обоснован научными исследованиями и подкреплён фактологическим материалом. Репутационный капитал государства, как правило, может переходить из нематериальной формы в материальную (монетизироваться). Оценка репутационного капитала государства, как правило, сугубо, политический процесс. Констатируется, что вопрос применения дефиниций «много-

Abstract

This article analyzes the factors that shape a state's reputational capital in the modern world in the context of the transformation of the global order and the transition to a polycentric system of international relations. It also clarifies the definitions of «multipolarity» and «polycentricity» and their correlation.

The aim of the study is to offer recommendations for the effective implementation of a state's reputational capital in the context of the transformation of the global order and the transition to a polycentric structure of the global system.

Methods: observation, comparative analysis, event analysis, and qualitative content analysis.

Results: States typically have a state identity that determines the motivation for their behavior on the global stage. Decisionism is a political, ethical, and legal doctrine that asserts that moral or legal prescriptions are the result of decisions made by political actors. A segment of decisionism theory is the need to compel other states to recognize and accept their unique self-image. The historical transition from unipolarity to multipolarity in this historical period is substantiated by scientific research and supported by factual evidence. A state's reputational capital can typically transition from an intangible form to a tangible one (be monetized). Assessing a state's reputational capital is typically a purely political process. It is noted that the application of the definitions of «multipolarity» and «polycentricity» requires further development and remains open to debate in political science.

Conclusions: The topic of this study is determined by the significant transfor-

полярность» и «полицентричность» требует дальнейшей разработки и остается открытым для дискуссий в политической науке.

Тема исследования определена значительной трансформацией репутационного капитала государств в условиях становления полицентричного мира, изменения мирового порядка и политических событий глобального характера.

Насущность определения понятия «репутационный капитал государства» в современном мире в контексте уточнения дефиниций «многополярность» и «полицентричность», важна, что с в свою очередь требует открытых политологических дискуссий. Констатируется, что контуры нового современного мира прорисовываются, механизмы формирования нового мирового порядка формируются и развиваются, ряд значимых политических событий глобального характера, как правило, это подтверждают.

Ключевые слова:

государство, репутационный капитал государства, децизионизм, многополярность, полицентричность, мировой порядок, средние державы.

mation of state reputational capital in the context of the emergence of a polycentric world, a changing world order, and global political events.

The urgency of defining the concept of «state reputational capital» in the modern world in the context of clarifying the definitions of «multipolarity» and «polycentricity» is important, which in turn requires open political science discussions. It is noted that the contours of a new modern world are emerging, the mechanisms for the formation of a new world order are being shaped and developed, and a number of significant global political events generally confirm this.

The phenomenon of «state reputational capital» can be characterized as a multi-element, complexly organized artifact developed by political actors in the context of organizing and implementing domestic and, as a rule, foreign policy.

Key words:

state, reputational capital of the state, decisionism, multipolarity, polycentricity, world order, middle powers.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-87-99>

Актуальность исследования репутационного капитала государства в современном мире детерминировано тем, что, как правило, в первой четверти XXI века, большинство государств по-прежнему остаются главными игроками как на региональных, так и международной аренах. В настоящее время мы наблюдаем грандиозные поступательные сдвиги в балансе политических и экономических сил в мире, следим за переходом от одной доминирующей сверхдержавы к миру с большим количеством влиятельных акторов. Сегодня акцентируется внимание на так называемых «средних державах», которые в данное время не являются сверхдержавами, но оказывают существенное влияние на принятие глобальных решений. Негосударственные субъекты также меняют мировую политику и международные отношения благодаря высоким технологиям. Констатируется рост разногласий между НАТО и БРИКС, сокращение объема торговли между США и КНР, таким образом современный мир вступает в новую эпоху (Jafaar, 2025). Таким образом важно признать и исследовать конкретные сферы влияния конкурирующих политических акторов, как правило, для укрепления международной политической и экономической стабильности.

Проблемам формирования и реализации репутационного капитала государства посвящены работы отечественных авторов (Кузнецов, Тельнов, 2022; Малеина, 2024; Рудакова, 2015; Ревенко, 2024; Хауер-Тюкаркина, 2017). В этих публикациях отражены проблемы корреляции имиджа, репутации и бренда государства как составных частей репутационного капитала государства, защиты репутации государства, создания репутационного капитала политического актора как государственной закупки, особенностям формирования имиджа политического актора в условиях кризиса.

Зарубежные авторы (Al-Tamimi, Amin, Zarrinabadi, 2023; Brüggemann, Olbrich, Schultz, 2020; Choi, Turut, 2022; Ruiz-Real, Gázquez-Abad, Uribe-Toril, del Mar Martín García, 2024) анализируют в основном решения создания национальный брендов в контексте вырабатывания и осуществления репутационного капитала государства.

Работы отечественных авторов (Бадмаев, Борисова, 2024; Гребнёв, 2024b; Савин, 2020; Самуйлов, 2020; Шлыков, 2019) посвящены анализу и уточнению дефиниций «многополярность» и «полицентричность».

Авторы из других государства (Deng, 2022; Gowa, 1989; Özsu, 2013; Posen, 2011; Radtke, 1979) анализируют многополярность и ее влияние на Европейский Союз, соотношение биполярности, многополярности и свободной торговли процесс перехода от однополярности к многополярности, последствия однополярности, итоги движения от европоцентризма к полицентрическому видению мира.

Цель исследования – предложить рекомендации для эффективной реализации репутационного капитала государства в условиях трансформации мирового порядка, перехода к полицентричному устройству мировой системы.

Задачи исследования: определить исследовательские подходы к феномену «репутационный капитал государства», изучить способы формирования репутационного капитала государства в современном мире, выделить факторы, влияющие на его формирование, уточнить дефиниции «многополярность» и «полицентричность» и их корреляцию, предложить способы и методы для эффективной реализации репутационного капитала государства.

Теоретическая значимость исследования обусловлена приращением знаний в теории политических ресурсов и нематериальных активов в политическом процессе. Автор дополняет существующие подходы.

Практическая значимость состоит в возможности использования в практических разработках в области развития эффективного репутационного капитала государства в современном мире, а также для подготовки специалистов в области политологии и юриспруденции (Курс «Репутационный капитал государства» читается по направлению подготовки/специальности 41.03.06 «Публичная политика и социальные науки»).

Теоретическая основа исследования опирается на теорию взаимозависимости, которая объясняет взаимодействия государств в современном мире с опорой на реализацию их репутационных капиталов, концепт «реальная политика» для пояснения практических действий и при мотивацию поведения государства на мировой арене, а также децизионизм как учение, связанное с самооценкой и идентичностью государств.

Использованы системный, структурно-функциональный, сравнительный, исторический, институциональный, цивилизационный и социокультурный подходы.

Применены следующие методы исследования: наблюдение, сравнительный анализ, инвент-анализ, качественный контент-анализ.

У любого государства, как правило, существует государственная идентичность на которая детерминирует мотивацию поведения государства на мировой арене. По мнению Х.С. Кассаб государственную идентичность можно охарактеризовать определенным рядом государственных мотиваций, которые увязаны с самооценкой и идентичностями, опираясь на экономическое благосостояние, преобладание идентичности с помощью альтруизма и контроля нал политическими достижениями других государств, в целом ассоциируя это с децизионизмом (Kassab, 2025). Децизионизм (нем. *Dezisionismus*) — «политическое, этическое и юридическое учение, которое утверждает, что моральные или правовые предписания являются результатом решений, принимаемых политическими акторами. При этом обоснованность решения заключается не столько в его содержании, сколько в том, что оно было принято соответствующим органом власти в надлежащем порядке». Часть децизионизма заключается в том, чтобы поставить перед необходимостью другие государства признать и принять свой уникальный имидж себя. Х.С. Кассаб утверждает, что в итоге самооценка заложена в базисе мотивации государства и она стремится объединить воображаемые идеалы с материальной реальностью (Kassab, 2025). И далее, он отмечает целостный реальный мир, нарративы и идентичности конструируются с помощью поступательного процесса взаимного взаимопроникновения и устойчивого развития (Kassab, 2025). Так, например США пытаются сохранить статус-кво супердержавы, а Российская Федерация и Китай мотивированы на изменение мировой системы, создание полицентричного мире. Констатируется, что их поддерживает значительная часть государств. Т. Шаклеина полагает, что «В течение этого десятилетия, несмотря на упорство правящей элиты в Вашингтоне, идея полицентричности уже воспринималась как устоявшаяся. Осознав это, как американские, так и российские политологи занялись объяснением нового этапа в формировании мирового порядка, прежде всего, проблемой структурирования отношений и распределения управляющего влияния между ведущими мировыми державами» (Baykov, Shakleina, 2023, р. 28). Х.С. Кассаб утверждает, что политики и политологи в настоящее время могут

готовиться к переходу к многополярности, полагая что США больше уже не являются единственной сверхдержавой в современном мире (Kassab, 2025, р. 10). Таким образом, переход от однополярности к многополярности в данный исторический период обоснован научными исследованиями и подкреплен фактологическим материалом. Констатируется дальнейшая интенсификация этого перехода.

А.Э. Рудакова дает такую дефиницию репутационного капитала государства, он «... представляет собой сложный, многокомпонентный конструкт, который состоит из сложившихся в массовом сознании целевых групп впечатлений и знаний о свойствах субъекта репутации, и становится нематериальным активом, приносящим прибыль в формате политических, материальных, социальных и других вложений» (Рудакова, 2015, с. 13). Государство, как политический институт, как правило, осознанно динамично и поступательно формирует и реализует свой репутационный капитал. О.П. Подкутина полагает, что формирование и использование репутационного капитала способствует заработать преимущество над другими равными акторами политического процесса: усилить результативность разного рода договоров, увеличить эффективность сотрудничества с другими государствами, привлечь иностранные финансовые вложения, повысить лояльность отечественного бизнеса и т.п. Репутация в данном случае выступает одним из стержневых факторов для осуществления прогнозов деятельности государства в осуществлении внутренней и внешней политики. Е.С. Устинович и М.А. Бочанов фокусируют внимание на том, что от репутационного капитала этого политического института во многом, как правило, зависят социальная обстановка и стабильность, демографическая ситуация в стране, результативность осуществляемых отраслевых государственных политик и национальных проектов, и стадий государственного управления, устойчивость политического класса, константность экономического развития державы (Устинович, Бочанов, 2020, с. 261). И.Ж. Бокошова считает, что ««репутационный капитал» государства становится главной валютой на международной арене. Доверие международной общественности к государству определяет количество иностранных инвестиций, привлекательность территории для туристов, учет интересов государства при решении мировых проблем» (Бокошова, 2016, с. 173). М.А. Бурда говорит о репутационной привлекательности/непривлекательности государства для мигрантов при реализации стратегий государственного управления внешней миграцией (Бурда, 2025, с. 9). Н.Н. Розанова акцентирует внимание на репутации органов государственной власти и управления как многосоставной части государства, на оценке их эффективности в контексте сложности самого субъекта оценки (Розанова, 2024). Л.С. Леонтьева и М.К. Романченко, отмечают, что «...в современном мире политическая ситуация постоянно меняется, и это оказывает влияние

на репутационный капитал регионов и власти Российской Федерации» (Леонтьева, Романченко, 2023).

Таким образом, отмечается, что феномен «репутационный капитал государства» характеризуется как многоэлементный сложноорганизованный артефакт, формируемый политическими акторами (коллегиальными и единоличными) в контексте создания этапов внутренней и затем реализации внешней политики. Репутационный капитал государства – это нематериальный актив, его можно рассматривать как символический капитал, который включает в себя ряд компонентов, таких как признание, доверие, престиж и т.п., скопленные государством в континууме международного сообщества. Репутационный капитал государства, как правило, может переходить из нематериальной формы в материальную (монетизироваться). Оценка репутационного капитала государства, как правило, сугубо, политический процесс.

При исследовании формирования и реализации репутационного капитала государства использую разные концепты, например: плюралистический формат выработки и осуществления репутационного капитала государства, осуществление репутационного капитала государства на постмодернистском базисе, на субъективистской основе материализации репутационного капитала государства, «гудвилл», «мягкая сила» и т.п.

М. Ди полагает, что современный мир становится очевидцем возникновения новых мировых и региональных держав, способных оказывать влияние на мировые и региональные рынки, а также на глобальное управление в целом. Усиливается степень важности многосторонности взглядов государств на мировой политический процесс, формируется многополярный мир (Dee, 2015). Х.С. Кассаб акцентирует внимание на том, что вместо того, чтобы обсуждать международную систему как один конкретный порядок (однополярный, биполярный или многополярный), полезнее рассматривать её как постоянно меняющуюся (Kassab, 2025, p. 68). Мировой порядок – это достаточно устойчивое и стабильное явление в определенном временном отрезке мировой истории. В настоящее время он характеризуется кризисным состоянием, переходом от одно-, би-, многополярной системе к полицентричному мировому устройству. Анализ литературы показал, что используются при описании существующего мирового порядка, как правило, две основные дефиниции «многополярность» и «полицентричность».

Т. Шаклеина утверждает, что «Мировой порядок эволюционирует в сторону полицентричности, формируя своих победителей и проигравших, а также повышая глобальный и региональный спрос на управление, безопасность, справедливость и этику» (Baykov, Shakleina, 2023, p. 3). И далее: «...полицентричность мировой системы и наличие ведущих мировых центров нельзя игнорировать или подавлять. Современный мир можно охарактеризовать как полицентричный, государственно-институциональный» (Baykov, Shakleina, 2023, p. 34).

Иногда дефиниция «полицентричность» применяется как синоним «многополярности». Н.И. Харитоновна говорит, что «Мир движется к полицентричности, это объективный исторический процесс, и есть все основания полагать, что новая многополярность будет не просто системой отношений равных, но эти отношения будут носить подлинно демократический характер на основе уважения интересов друг друга и ориентации на поиск компромиссов при выборе путей мирового развития» (Харитоновна, 2025, с. 21). Р.Д. Гребнев пишет, о существующих в настоящее время «тенденциях формирования полицентричной системы международных отношений и распределения сфер влияния между ее центрами. Указанные тенденции рассматриваются автором в контексте формирования многополярного мира» (Гребнев, 2024а, с. 24). Таким образом, констатируется, что вопрос применения дефиниций «многополярность» и «полицентричность» требует дальней разработки и остается открытым для дискуссий в политической науке.

Анализ ряда событий международного масштаба позволяет нам их проанализировать. Перечислим некоторый ряд событий мирового масштаба с участием Президента Российской Федерации В.В. Путина и/или проходивших на российской земле:

20 сентября 2025 года в Москве состоялся возрожденный международный музыкальный конкурс «Интервидение». Участвовали представители 23 стран. Конкурс посмотрели более 4 млрд человек¹.

3-6 сентября 2025 года состоялся во Владивостоке «Восточный экономический форум». «Восточный экономический форум – ключевая международная площадка для создания и укрепления связей российского и мирового инвестиционного сообщества, всесторонней экспертной оценки экономического потенциала российского Дальнего Востока, представления его инвестиционных возможностей и условий ведения бизнеса на территориях опережающего развития». Президент России принял непосредственное участие.

3 сентября 2025 года прошел Военный парад в честь 80-летия победы в войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и во Второй мировой войны Президент России В.В. Путин присутствовал на этом мероприятии².

15 августа 2025 года состоялась знаковая встреча Президент России В.В. Путина и Президента США Д. Трампа на Аляске (США). По мнению П. Дубравского, результат переговоров очевиден: российская дипломатия добилась безусловного успеха. Он отметил, что Д. Трамп фактически отка-

¹ Сурков П. (2025). Победы и интриги на «Интервидении-2025»: как это было. РИА Новости. <https://ria.ru/20250921/intervidenie-2043309416.html?ysclid=mfvicpw8i4613869770>.

² Ходаренок М. (2025) Радиус поражения – весь земной шар. <https://www.gazeta.ru/army/2025/09/03/21636986.shtml?ysclid=mfvinaqu7k939027259>.

зался от прежней проукраинской позиции и перешёл на трек долгосрочного урегулирования конфликта.

18-21 июня 2025 года прошел Петербургский международный экономический форум 2025. Это — одно из самых масштабных и значимых деловых событий в мире. За 27 лет Форум завоевал статус ведущей мировой площадки для обсуждения ключевых вопросов глобальной экономики, налаживания кооперационных связей, обмена лучшими мировыми практиками и компетенциями в целях обеспечения устойчивого развития. ПМЭФ проходит ежегодно начиная с 1997 года. С 2006 года Форум проводится под патронатом и при участии Президента Российской Федерации¹.

Таким образом, констатируется использование способов и методов «мягкой силы», использование наращенного политического личностного капитала и упрочненного репутационного капитала Российской державы.

Таким образом, тема исследования обусловлена значительной трансформацией репутационного капитала государств в условиях становления полицентричного мира, изменения мирового порядка и политических событий глобального характера.

Необходимость определения понятия «репутационный капитал государства» в современном мире в контексте уточнения дефиниций «многополярность» и «полицентричность», важна, что с в свою очередь требует открытых политологических дискуссий. Констатируется, что контуры нового современного мира прорисовываются, механизмы формирования нового мирового порядка формируются и развиваются, ряд значимых политических событий глобального характера, как правило, это подтверждают.

Феномен «репутационный капитал государства» можно охарактеризовать как многоэлементный сложноорганизованный артефакт, вырабатываемый политическими акторами в условиях организации и реализации стадий внутренней, а затем, как правило, осуществления внешней политики.

Концептуальный базис при исследовании формирования и реализации репутационного капитала государства состоит из плюралистического формата развития и материализации репутационного капитала государства, осуществления репутационного капитала государства на постмодернистской основе, на субъективистской платформе исполнения репутационного капитала государства.

Упрочнение репутационного капитала государства требует ряда политических решений в сфере внутривосточного и международного туризма, межкультурных обменов, политических коммуникаций между лидерами стран, глав министерств иностранных дел и т.п.

¹ Петербургский международный экономический форум 2025. URL: https://roscongress.org/materials/peterburgskiy-mezhdunarodnyy-ekonomicheskiiy-forum-2025-daty-mesto-provedeniya-programma-kak-zaregist/?ysclid=mfvivswvcy575723082&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

Рекомендуется органам государственной власти и управления привлекать для усиления репутационного капитала государства в современном мире политологов, социологов, специалистов сфере политической географии и демографии, лингвистов, историков, экономистов, а также дипломатический корпус.

Литература

- Al-Tamimi, N., Amin, A., & Zarrinabadi, N. (2023). Creating nation brand: The model of Qatar. In *Qatar's nation branding and soft power* (pp. 59-79). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-24651-7_4.
- Brüggemann, P., Olbrich, R., & Schultz, C. D. (2020). Competition between national brands and private labels: Determinants of the market share of national brands. In F. Martínez-López, J. Gázquez-Abad, & E. Breugelmans (Eds.), *Advances in national brand and private label marketing* (pp. 35-42). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47764-6_5.
- Choi, S. C., & Turut, O. (2022). National brand's incentive to offer premium private labels. In F. J. Martínez-López, J. C. Gázquez-Abad, & M. Ieva (Eds.), *Advances in national brand and private label marketing* (pp. 43-49). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-06581-1_6.
- Dee, M. (2015). The emergence of a multipolar world. In *The European Union in a multipolar world: World trade, global governance and the case of the WTO* (pp. 1-20). Palgrave Pivot. https://doi.org/10.1057/9781137434203_1.
- Deng, Y. (2022). Multipolarity and the European Union. In *China's strategic opportunity: Change and revisionism in Chinese foreign policy* (pp. 178-206). Cambridge University Press.
- Gowa, J. (1998). Bipolarity, multipolarity, and free trade. *American Political Science Review*, 83(4), 1245-1256. <https://doi.org/10.2307/1961667>.
- Jafaar, B. (2025). *Middle East geopolitics and the rise of multipolarity*. Springer.
- Kassab, H. S. (2025). *Self-esteem, altruism, and power in multipolarity*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-86640-1>.
- Özsu, U. (2013). The politics of "multipolarity". *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 107, 371-374. <https://doi.org/10.5305/procanmeetasil.107.0371>
- Polycentric world order in the making. (2023). In A. Baykov & T. Shakleina (Eds.). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5375-0>.
- Posen, B. R. (2011). From unipolarity to multipolarity: Transition in sight? In G. J. Ikenberry, M. Mastanduno, & W. C. Wohlforth (Eds.), *International relations theory and the consequences of unipolarity* (pp. 317-341). Cambridge University Press.
- Radtke, K. (1979). China, Japan and multipolarity. *The China Quarterly*, 80, 846-856. <https://doi.org/10.1017/S0305741000046099>.
- Ruiz-Real, J. L., Gázquez-Abad, J. C., Uribe-Toril, J., & del Mar Martín García, M. (2024). National brands and private label: An old friendship. In J. C. Gázquez-Abad, N. Occhiocupo, & J. L. Ruiz-Real (Eds.), *Advances in national brand and private label marketing* (pp. 13-20). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69192-8_2.

Samassékou, A. (2011). From Eurocentrism to a polycentric vision of the world: Advocacy for a paradigm shift. *Diogenes*, 58(1-2), 147-158. <https://doi.org/10.1177/0392192112448295>.

van Zeven, J. (2019). Polycentric features of the European Union. In J. van Zeven & A. Bobić (Eds.), *Polycentricity in the European Union* (pp. 28-50). Cambridge University Press.

Бадмаев, В. Н., & Борисова, А. И. (2024). Полицентричный мир в контексте не-западных теорий международных отношений. В *Сетевое востоковедение: Россия и восток в контексте историко-культурного и научного взаимодействия* (с. 259-264). Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова.

Бокошова, И. Ж. (2016). Формирование позитивного имиджа государства как «репутационный капитал». *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*, (3), 173-175.

Бурда, М. А. (2025). *Миграционная политика государства-реципиента: стратегия эффективного государственного управления внешней миграцией в Российской Федерации* [Докторская диссертация]. РАНХиГС.

Галиакберова, А. А., Мухаметшин, А. Г., Асратян, Н. М., & др. (2023). Категории и методология цивилизационного подхода в современном философско-историческом дискурсе. *Исторический бюллетень*, 6(2), 88-95.

Гребнев, Р. Д. (2024a). Глобальное право как формирующееся направление правового регулирования международных отношений в многополярном мире. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*, (1), 23-38. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2024-47-1-23-38>.

Гребнев, Р. Д. (2024b). Оценка сценариев возможного разворота геополитики США в сторону многополярности. *Информационные войны*, (1), 9-16.

Кузнецов, М. Н., & Тельнов, А. В. (2022). Гражданско-правовая защита репутации Российской Федерации от диффамации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, (55), 48-69. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-48-69>.

Леонтьева, Л. С., & Романченко, М. К. (2023). Трансформация репутационного капитала региона и власти Российской Федерации в условиях изменения политической ситуации в мире. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, (4), 23-34. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-23>.

Малеина, М. Н. (2024). Правовая охрана образа, имиджа, репутации государства. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, (11), 99-107. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.123.11.099-107>.

Ревенко, В. В. (2024). Дифференциация понятий «образ», «имидж», «репутация» и «бренд» в политологическом дискурсе. *Проблемы управления (Минск)*, (3), 96-100.

Розанова, Н. Н. (2024). Репутация региональной исполнительной власти в соотношении с показателями оценки эффективности ее деятельности. *Теория и практика общественного развития*, (1), 48-54. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.1.5>.

Рудакова, А. Э. (2015). Репутационный капитал политического актора как государственная закупка. *Проблемы постсоветского пространства*, (4), 67-73.

Савин, Л. В. (2020). Многополярность и внешняя политика России. *Постсоветские исследования*, 3(1), 9-18.

Самуйлов, С. М. (2020). О некоторых особенностях современной мировой системы. *Россия и Америка в XXI веке*, (1), 2. <https://doi.org/10.18254/S207054760009050-2>.

Устинович, Е. С., & Бочанов, М. А. (2020). Репутационный капитал государства: от теории к практике. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, (3), 259-269.

Харитоновна, Н. И. (2025). Природа современных конфликтов и перспективы адаптации систем коллективной безопасности: триадический подход. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 25(1), 18-29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29>.

Хауер-Тюкаркина, О. М. (2017). Особенности формирования имиджа политического актора в условиях кризиса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, (1), 84-91.

Шлыков, П. В. (2019). Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000-2010-е годы). *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 11(2), 65-106.

References

Al-Tamimi, N., Amin, A., & Zarrinabadi, N. (2023). Creating nation brand: The model of Qatar. In *Qatar's nation branding and soft power* (pp. 59-79). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-24651-7_4

Badmaev, V. N., & Borisova, A. I. (2024). Politsentrichnyi mir v kontekste nezapadnykh teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Polycentric world in the context of non-Western theories of international relations]. In *Setevoe vostokovedenie: Rossiya i vostok v kontekste istoriko-kul'turnogo i nauchnogo vzaimodeistviya* [Network Oriental Studies: Russia and the East in the context of historical, cultural and scientific interaction] (pp. 259-264). Kalmytskii gosudarstvennyi universitet im. B.B. Gorodovikova. (In Russ.)

Badoshova, I. Zh. (2016). Formirovanie pozitivnogo imidzha gosudarstva kak «reputatsionnyi kapital» [Formation of a positive state image as "reputational capital"]. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana* [Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan], (3), 173-175. (In Russ.)

Brüggemann, P., Olbrich, R., & Schultz, C. D. (2020). Competition between national brands and private labels: Determinants of the market share of national brands. In F. Martínez-López, J. Gázquez-Abad, & E. Breugelmans (Eds.), *Advances in national brand and private label marketing* (pp. 35-42). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47764-6_5

Burda, M. A. (2025). *Migratsionnaya politika gosudarstva-retstsipienta: strategiya effektivnogo gosudarstvennogo upravleniya vneshnei migratsiei v Rossiiskoi Federatsii* [Migration policy of the recipient state: Strategy for effective state management of external migration in the Russian Federation] [Doctoral dissertation, RANEPa]. (In Russ.)

Choi, S. C., & Turut, O. (2022). National brand's incentive to offer premium private labels. In F. J. Martínez-López, J. C. Gázquez-Abad, & M. Ieva (Eds.), *Advances in national brand and private label marketing* (pp. 43-49). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-06581-1_6

Dee, M. (2015). The emergence of a multipolar world. In *The European Union in a multipolar world: World trade, global governance and the case of the WTO* (pp. 1-20). Palgrave Pivot. https://doi.org/10.1057/9781137434203_1

Deng, Y. (2022). Multipolarity and the European Union. In *China's strategic opportunity: Change and revisionism in Chinese foreign policy* (pp. 178-206). Cambridge University Press.

Galiakberova, A. A., Mukhametshin, A. G., Asratyan, N. M., et al. (2023). Kategorii i metodologiya tsivilizatsionnogo podkhoda v sovremennom filosofsko-istoricheskom diskurse [Categories and methodology of civilizational approach in modern philosophical-historical discourse]. *Istoricheskii byulleten* [Historical Bulletin], 6(2), 88-95. (In Russ.)

Gowa, J. (1998). Bipolarity, multipolarity, and free trade. *American Political Science Review*, 83(4), 1245-1256. <https://doi.org/10.2307/1961667>

Grebnev, R. D. (2024a). Global'noe pravo kak formiruyushcheesya napravlenie pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnykh otnoshenii v mnogopolyarnom mire [Global law as an emerging direction of legal regulation of international relations in a multipolar world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika* [Moscow University Bulletin. Series 27: Global Studies and Geopolitics], (1), 23-38. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2024-47-1-23-38> (In Russ.)

Grebnev, R. D. (2024b). Otsenka stsennariy vozmozhnogo razvorota geopolitiki SShA v storonu mnogopolyarnosti [Assessment of scenarios for a possible turn in US geopolitics towards multipolarity]. *Informatsionnye voyny* [Information Wars], (1), 9-16.

Jafaar, B. (2025). *Middle East geopolitics and the rise of multipolarity*. Springer.

Kassab, H. S. (2025). *Self-esteem, altruism, and power in multipolarity*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-86640-1>

Kuznetsov, M. N., & Tel'nov, A. V. (2022). Grazhdansko-pravovaya zashchita reputatsii Rossiiskoi Federatsii ot diffamatsii [Civil law protection of the Russian Federation's reputation from defamation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], (55), 48-69. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-48-69> (In Russ.)

Leont'eva, L. S., & Romanchenko, M. K. (2023). Transformatsiya reputatsionnogo kapitala regiona i vlasti Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh izmeneniya politicheskoi situatsii v mire [Transformation of the reputational capital of the region and government of the Russian Federation in the context of changing political situation in the world]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments], (4), 23-34. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-23> (In Russ.)

Maleina, M. N. (2024). Pravovaya okhrana obraza, imidzha, reputatsii gosudarstva [Legal protection of the image, brand, and reputation of the state]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Kutafin University Law Review], (11), 99-107. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.123.11.099-107> (In Russ.)

Özsu, U. (2013). The politics of "multipolarity". *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 107, 371-374. <https://doi.org/10.5305/procanmeetasil.107.0371>

Polycentric world order in the making. (2023). In A. Baykov & T. Shakleina (Eds.). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5375-0>

Posen, B. R. (2011). From unipolarity to multipolarity: Transition in sight? In G. J. Ikenberry, M. Mastanduno, & W. C. Wohlforth (Eds.), *International relations theory and the consequences of unipolarity* (pp. 317-341). Cambridge University Press.

Radtke, K. (1979). China, Japan and multipolarity. *The China Quarterly*, 80, 846-856. <https://doi.org/10.1017/S0305741000046099>

Revenko, V. V. (2024). Differentsiatsiya ponyatii «obraz», «imidzh», «reputatsiya» i «brend» v politologicheskome diskurse [Differentiation of the concepts "image", "brand", "reputation" and "brand" in political discourse]. *Problemy upravleniya (Minsk)* [Management Problems (Minsk)], (3), 96-100. (In Russ.)

Rozanova, N. N. (2024). Reputatsiya regional'noi ispolnitel'noi vlasti v sootnesenii s pokazatelyami otsenki effektivnosti ee deyatel'nosti [Reputation of regional executive authorities in correlation with performance evaluation indicators]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], (1), 48-54. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.1.5> (In Russ.)

Rudakova, A. E. (2015). Reputatsionnyi kapital politicheskogo aktora kak gosudarstvennaya zakupka [Reputational capital of a political actor as a state procurement]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Problems of the Post-Soviet Space], (4), 67-73. (In Russ.)

Ruiz-Real, J. L., Gázquez-Abad, J. C., Uribe-Toril, J., & del Mar Martín García, M. (2024). National brands and private label: An old friendship. In J. C. Gázquez-Abad, N. Occhiocupo, & J. L. Ruiz-Real (Eds.), *Advances in national brand and private label marketing* (pp. 13-20). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-69192-8_2

Samassékou, A. (2011). From Eurocentrism to a polycentric vision of the world: Advocacy for a paradigm shift. *Diogenes*, 58(1-2), 147-158. <https://doi.org/10.1177/0392192112448295>

Savin, L. V. (2020). Mnogopolyarnost' i vneshnyaya politika Rossii [Multipolarity and Russia's foreign policy]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 3(1), 9-18.

Samuilov, S. M. (2020). O nekotorykh osobennostyakh sovremennoi mirovoi sistemy [On some features of the modern world system]. *Rossiia i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century], (1), 2. <https://doi.org/10.18254/S207054760009050-2>

Ustinovich, E. S., & Bochanov, M. A. (2020). Reputatsionnyi kapital gosudarstva: ot teorii k praktike [State reputational capital: From theory to practice]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiia i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World], (3), 259-269. (In Russ.)

van Zeben, J. (2019). Polycentric features of the European Union. In J. van Zeben & A. Bobić (Eds.), *Polycentricity in the European Union* (pp. 28-50). Cambridge University Press.

Kharitonova, N. I. (2025). Priroda sovremennykh konfliktov i perspektivy adaptatsii sistem kollektivnoi bezopasnosti: triadicheskii podkhod [The nature of modern conflicts and prospects for adaptation of collective security systems: A triadic approach]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Journal of International Relations], 25(1), 18-29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-1-18-29> (In Russ.)

Khauer-Tyukarkina, O. M. (2017). Osobennosti formirovaniya imidzha politicheskogo aktora v usloviyakh krizisa [Features of forming the image of a political actor in a crisis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [MSLU Bulletin. Social Sciences], (1), 84-91. (In Russ.)

Shlykov, P. V. (2019). Transformatsiya regional'noi politiki Turtsii v usloviyakh konkurentnoi polittsentrichnosti na Blizhnem Vostoke (2000-2010-e gody) [Transformation of Turkey's regional policy in the context of competitive polycentricity in the Middle East (2000-2010s)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics], 11(2), 65-106. (In Russ.)

Для цитирования: Гришин, О. Е. Репутационный капитал государства в современном мире: многополярность vs полицентричность / О. Е. Гришин // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 87-99. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-87-99.

**О.С. Пустошинская,
А.Г. Арутюнов**

**O. Pustoshinskay,
A. Arutunov**

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ
ГОРОДСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
РАСКОЛА: К ВОПРОСУ О
СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКО-
КИТАЙСКОМУ
СБЛИЖЕНИЮ**

**THE COMMUNICATIVE
POSSIBILITIES OF CITY
DIPLOMACY IN THE
PERIOD OF THE
GEOPOLITICAL SPLIT: ON
THE ISSUE OF
PROMOTING RUSSIAN-
CHINESE
RAPPROCHEMENT**

Аннотация

возвращая к дискуссии о международной деятельности субгосударственных акторов и переопределяя исследовательский фокус на потенциал коммуникативного влияния городской дипломатии, представляет собой попытку проникнуть в малоизученную область российско-китайских отношений. Цель заключается в том, чтобы выяснить роль городской дипломатии (на примере Казани) в продвижении к более совершенному состоянию российско-китайского партнерства в условиях геополитического раскола. На фоне имеющейся литературы, посвященной соответствующей тематике, данная работа выделяется, во-первых, углублением в аналитику кейса, которому ранее не уделялось должного научного внимания, во-вторых, опорой на комбинацию положений теорий городской дипломатии и политической теории Х. Арендт. Это обеспечило иную линзу рассмотрения объекта. Методический арсенал представлен функционально-типологическим, лексико-семантическим, корреляционным и каузальным анализами. Сбор и обработка данных осуществлялись при помощи программы X-Parser Light. Для анализа текстов также использовалось web-приложение Voyant Tools. По результатам исследования установлена эффективность усилий Казани по китайскому направлению, динамичность и производительность разновекторной практики, выступающей в усложненных геополитических условиях.

Abstract

returning to the discussion of the international activities of substate actors and redefining the research focus on the potential of the communicative influence of city diplomacy, is an attempt to penetrate into a little-studied area of Russian-Chinese relations. The aim is to find out the role of city diplomacy (using the example of Kazan) in moving towards a more perfect state of Russian-Chinese partnership in the context of a geopolitical split. Against the background of the available literature on the relevant topic, this work stands out, firstly, by delving into the analysis of a case that had not previously received due scientific attention, and secondly, by relying on a combination of the theories of city diplomacy and political theory H. Arendt. This provided a different lens for viewing the object. The methodological arsenal is represented by functional-typological, lexico-semantic, correlation and causal analyses. The data was collected and processed using the X-Parser Light program. The Voyant Tools web application was also used for text analysis. According to the results of the study, the effectiveness of Kazan's efforts in the Chinese direction, the dynamism and productivity of multi-vector practice, which acts as a relevant way of embodying communicative power in complicated geopolitical circumstances, has been established. Demonstrating an adaptive approach to the development of accessible channels and formats of international cooperation, the

литических обстоятельствах релевантным способом воплощения коммуникативной власти. Демонстрируя адаптивный подход к развитию доступных каналов и форматов международного сотрудничества, город постепенно превращается в притягательную дипломатическую платформу и актора, вовлеченного в процессы изменения экосистемы международных взаимодействий, включая китайский сегмент. Делается вывод о том, что акты публичного общения и совместного действия, соединяемые в связанные интеракции, ориентированные на достижение взаимного выигрыша, привносят новые возможности для увеличения добавленной стоимости российско-китайских отношений, улучшая их качество изнутри. Как следствие, это положительно сказывается на решении задачи по выстраиванию многополярной архитектуры миропорядка.

Ключевые слова:

городская дипломатия, субгосударственные акторы, коммуникативная власть, политический дискурс, российско-китайское сближение, геополитический раскол, поворот к многополярности.

city is gradually turning into an attractive diplomatic platform and an actor involved in the processes of changing the ecosystem of international interactions, including the Chinese segment. It is concluded that acts of public communication and joint action, combined into related interactions aimed at achieving mutual benefits, bring new opportunities to increase the added value of Russian-Chinese relations, improving their quality from the inside. As a result, this has a positive effect on solving the problem of building a multipolar architecture of the world order.

Key words:

city diplomacy, substate actors, communicative power, political discourse, Russian-Chinese rapprochement, geopolitical split, turn towards multipolarity.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-100-118>

На фоне втягивания незападной части мирового сообщества в процесс поворота к многополярности вопрос об укреплении российско-китайских отношений, оказывающих существенное влияние на текущие множественные трансформации, приобретает особую остроту. Придать развитию стратегического партнерства устойчивый и системный характер призваны усилия субгосударственных акторов по масштабированию и уплотнению двусторонних контактов¹. Это увеличивает шансы на преимущества в геополитической игре, где ставки повышаются с опасной регулярностью.

В предыдущих публикациях, посвященных выстраиванию российско-китайских связей на локальном уровне, интеллектуальный взгляд преимущественно сфокусирован на приграничном и побратимском сегментах сотрудничества. Освещены конкретные направления и форматы (Цзян Сюань, 2023; Чжан Сяолин, Ли Танг, 2022; Янь Цюцзюй, 2022), возможности, перспективы, проблемное поле, препятствующее восходящей динамике

¹ Си Цзиньпин: упорно двигаться к новым перспективам дружбы Китая и России. (2023). РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230320/perspektivy-1858804432.html>.

(Макеева, 2023; Макаренко, Ожегова, 2019; Петрунина, Чэнь Ци, 2022), вскрыто воздействие расширяющейся кооперации на микро- и макрорегиональные процессы (Валль, Чжао, 2022; Ван Цзянь, 2017). Дополнительно в научный дискурс включена тема агентности опорных городов как ведущих проводников интеграции двух стран (Ван Цзюньтао, Вовенда, 2022; Инь Мэнюань, 2023; Чэнь Чжэньгуан, Ван Сяовань, 2021; Ю Шуй, Ли Цзюнь, 2023).

Наметившийся перекосяк в изысканиях оставляет простор для удовлетворения познавательного интереса на линейке объектов, прежде им не охваченных. К обозначенной категории относится казанский случай. Его изучение – очевидная лакуна в имеющейся литературе. Между тем Республика Татарстан вышла в лидеры по продуктивности взаимодействия российских регионов с Китаем¹. Ее столица основательно продвинулась в направлении инкорпорации в международную интеракционную сеть, в чем убеждает отнесение данного города Pricewaterhouse к классу мегаполисов с потенциалом обретения в ближайшей перспективе статуса мировых². Подобный успешный опыт достоин включения в исследовательскую повестку, поскольку демонстрирует способность субгосударственных акторов наращивать в обстоятельствах кризиса либерального миропорядка горизонтальные связи, внося тем самым вклад в формирование альтернативной оси международного сотрудничества. Элемент новизны в настоящей статье также предопределен смещением аналитической оптики на прежде недооцененный коммуникативный аспект деятельностного измерения городской дипломатии. Тем самым сделана попытка высветить ее способность создавать условия для созревания межгосударственных отношений, качественного улучшения набора свойств, характеризующих их природу.

Цель исследования – на примере Казани определить роль городской дипломатии в продвижении к более совершенному состоянию российско-китайского партнерства в условиях геополитического раскола.

Прояснения требуют вопросы:

- насколько Казань преуспела в дипломатической деятельности по китайскому направлению?
- подвергается ли метафизика российско-китайского сотрудничества положительному коммуникативному воздействию в корреляции с дипломатическими усилиями Казани?

¹ Татарстан вошел в число регионов-лидеров по сотрудничеству с Китаем. (2023). РБК. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/6569819a9a79476baa2fe3c2>.

² World cities 2020 GaWC. (2020). Pricewaterhouse. <https://gawc.lboro.ac.uk/gawc-worlds/the-world-according-to-gawc/world-cities-2020/>.

Гипотеза: по мере скатывания государств к межблоковой конфронтации городская дипломатия все отчетливее обнаруживает функцию содействия возвращению нового типа международных отношений.

Для расширения экспликативных возможностей теории городской дипломатии (Grandi, 2020; Leffel, 2021; Sevin & Amiri, 2023; van der Pluijm & Melissen, 2007), сосредотачивающейся на эмпирически регистрируемом пласте практик, в методологическое обоснование исследования привнесены идеи Х. Арендт о политике и власти (Arendt, 1958; Arendt, 1972), обеспечившие видимость глубинному слою с локализованными в нем ментально-чувственными атрибутами международной коммуникации (рис. 1).

При такой комбинации гарантировано обнаружение неочевидных зависимостей между двумя уровнями выстраиваемых с иностранными игроками отношений: субнациональным и государственным.

В преломлении воззрений Х. Арендт, убежденной, что система связей возникает «из живого действия и говорения», когда люди «общаются друг с другом и взаимно увлекают друг друга», а плюрализм выступает «основополагающим условием поступка, как и речи» (Арендт, 2000, р. 229, 239–240), в данной работе признано оправданным употреблять лексему «коммуникация» в значении связующего действия, предполагающего обмен смыслами и восприятиями, уважение к альтернативной позиции, достижение согласия. В указанной логике и с опорой на теоретиков городской дипломатии принята следующая версия ключевого понятия: городская дипломатия – не обеспеченная официальным статусом форма трансграничного дву- и многостороннего взаимодействия, используемая для продвижения вовне местных интересов и одновременно служащая реализации государственного замысла на создание мира коммуникативной близости, аккумулированной в идентификационном «мы».

Политическая теория Х. Арендт

Теория городской дипломатии

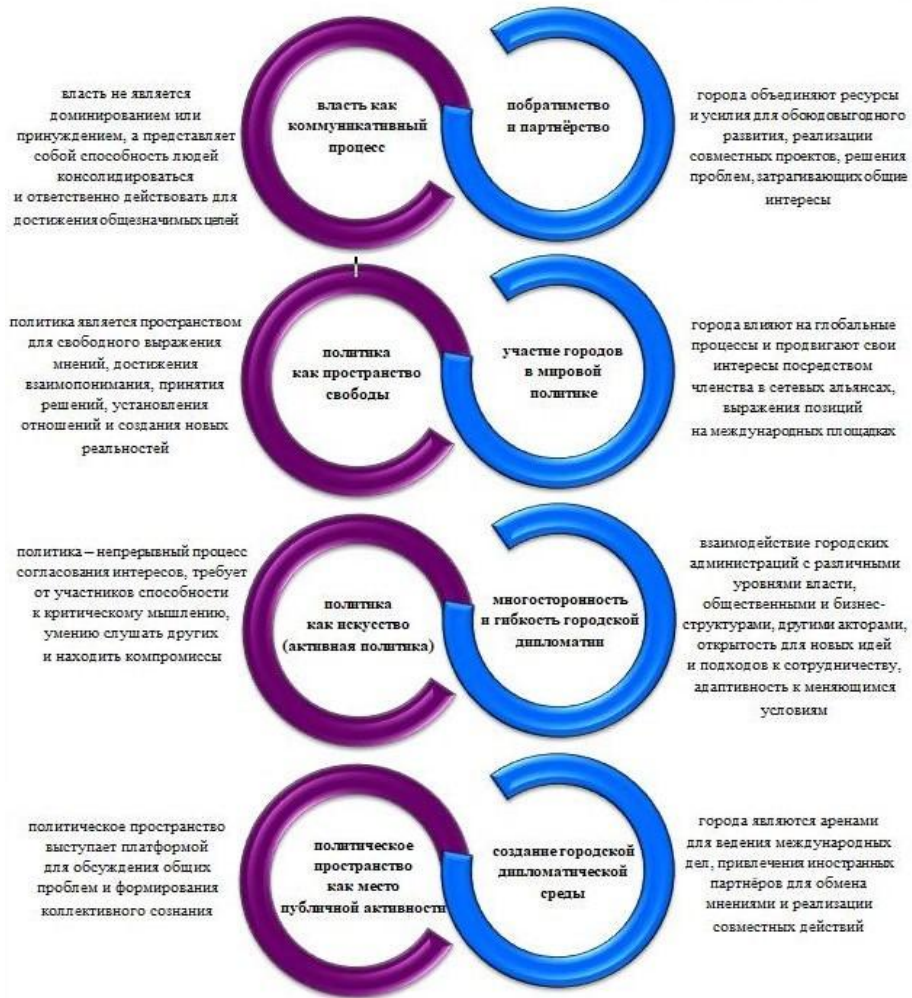

Рисунок 1. Политическая теория Х. Арендт и теория городской дипломатии: ключевые идеи

В ходе работы над исследованием применялись:

- функционально-типологический анализ (выявление дипломатических достижений Казани и их группировка по ключевым направлениям деятельности);
- лексико-семантический анализ (выделение оценочных суждений, отраженных в высказываниях политических деятелей, с семантической нагрузкой);

женностью, отсылающей к соотношению дипломатических событий и приобретений Казани с развитием российско-китайского сотрудничества);

- корреляционный анализ лексических объектов (для выявления закономерностей использования часто употребляемых языковых единиц);
- каузальный анализ (объяснение связей между дипломатическими достижениями Казани, развитием российско-китайских отношений и стратегическими целями государств по продвижению альтернативной модели мироустройства).

Сбор тематического контента осуществлялся с привлечением программного обеспечения X-Parser Light. Поисковый запрос производился с указанием на браузеры Яндекс и Google. Вводимый список ключевых слов на русском и английском языках менялся в зависимости от исследовательских задач:

- для выявления дипломатических достижений Казани задействовались фразы: «города-побратимы / -партнеры Казани», «Казань – член ассоциации городов», «мэр Казани в международных организациях», «международный / российско-китайский форум в Казани», «российско-китайские рабочие группы / комиссии в Казани», «представительства Китая в Казани / Казани в Китае»;

- для определения роли дипломатии Казани в развитии российско-китайских отношений использовались вышеприведенные фразы, дополненные введением в начало конструкций лексической единицы «высказывания о...».

Получено 203 интернет-страницы web-сайтов: Мэрии Казани, Кабинета Министров Республики Татарстан, Посольства Китая в России, Генерального консульства Китая в Казани, межгосударственного объединения БРИКС, международных ассоциаций городов, международных форумов, электронных изданий¹, информационных агентств². Обнаружено 45 публичных высказываний, сделанных субъектами политики: президентом России, официальными представителями дипломатических учреждений и правительств, парламентариями двух стран, мэром Казани, главой Республики Татарстан.

С помощью Voyant Tools проведены частотный и корреляционный анализы дескрипторов, в том числе оценочных, которые выступают индикаторами интерпретируемой реальности.

¹ Среди них: «Бизнес Online», «Жэньминь Жибао», «Российская Газета».

² Преимущественно «Татар-информ», РБК, «Интерфакс».

Опыт Казани дает пример преобразующей власти городской дипломатии, ее подпитывающей функции по восполнению пробелов в российско-китайском коммуницировании. Город в стремлении стимулировать территориальное развитие показывает себя как продуктивный игрок, создающий устойчивое будущее для насыщенного и диверсифицированного взаимодействия с китайской стороной. В настоящее время в его активе – накопленная масса контактов, выстроенных в рамках принимающей дипломатии, а также благодаря политике наращивания побратимских / партнерских связей и усилению агентности через представительство в наднациональных организациях и международных ассоциациях муниципалитетов (табл. 1).

Таблица 1. Дипломатические достижения Казани по китайскому направлению

Наращивание побратимских / партнерских связей	Развитие посреднических и совещательных механизмов	Создание открытого пространства для диалога	Инкорпорация в систему глобального управления
<i>Соглашения о побратимстве с:</i> -Ханчжоу (2003 год); -Харбином (2006 год); -Гуанчжоу (2012 год); -Шэньчжэнем (2012 год); -Циндао (2024 год) <i>Соглашения о партнерстве с:</i> -Чэнду (2015 год); -Сианем (2019 год); -Гуанчжоу и Цицикарм (2022 год); -Хэфэем (2023 год)	<i>Открытие представительств:</i> -Генеральное консульство Китая в Казани (2016 год); -Торгово-экономическое представительство Республики Татарстан в Пекине (2014 год) <i>Организация заседаний российско-китайских коллегиальных органов:</i> -по сотрудничеству предприятий (2015 год); -по сотрудничеству в области промышленности Российско-китайской комиссии по подготовке встреч глав правительств (2017 год); -по стандартизации в гражданской авиации и гражданском авиастроении (2018 год); -по сотрудничеству в области предотвращения незаконного перемещения через российско-китайскую государственную границу ядерных материалов и радиоактивных веществ	<i>Организация и проведение международных форумов с участием Китая:</i> -Kazan Digital Week (с 2020 года); -II Форум породненных городов и муниципальных образований стран БРИКС (2020 год); -Международный архитектурно-строительный форум «Казань» (с 2023 года); -XVI Саммит стран БРИКС (2024 год); -I Международный форум городов стран БРИКС+ (2024 год); -II Международный форум министров образования «Формируя будущее» (2024 год) <i>Организация и проведение российско-китайских форумов:</i> -VI Российско-китайский деловой форум (2017 год); -VII Российско-китайский молодежный форум в формате «Волга-Янцзы» (2021 год);	<i>Членство в международных ассоциациях городов, где представлены китайские города:</i> -Организация городов всемирного наследия (с 2000 года); -ОГМВ¹ (с 2004 года); -Породненные города (с 1991 года); -Мэры за мир (с 1991 года); -Метрополис (с 2005 года); -Сеть творческих городов ЮНЕСКО (с 2019 года); -Глобальная сеть обучающихся городов ЮНЕСКО (с 2020 года) <i>Место размещения штаб-квартир:</i> -Евразийского отделения ОГМВ (с 2004 года); -регионального отделения «Евразия и Ближний Восток» ассоциации «Метрополис» (с 2023 года);

¹ Объединенные города и местные органы власти.

	(2019 год); -по ключевым проектам стратегического сотрудничества Китая и России в области спутниковой навигации (2019 год); -по сотрудничеству в области промышленности (2024 год) <i>Организация заседаний коллегиальных органов стран БРИКС:</i> -по исследованию вопросов конкуренции на цифровых рынках (2024 год); -глав чрезвычайных ведомств (2024 год) <i>Организация иных заседаний с участием Китая:</i> -заседание стран-участниц Московского формата консультаций по Афганистану (2023 год)	-Россия и Китай в меняющемся мире (с 2021 года); -Ростки (с 2023 года); -Форум, объединяющий города (с 2023 года)	-Ассоциации городов и муниципалитетов стран БРИКС (с 2024 года) <i>Международный статус мэра:</i> -председатель Консультативного комитета ООН по вопросам местного самоуправления (с 2019 года); -президент Евразийского отделения ОГМВ (с 2004 года); -президент ОГМВ (2021–2022 годы); -вице-президент ассоциации «Метрополис» (с 2023 года); -глава Ассоциации городов и муниципалитетов стран БРИКС (с 2024 года)
--	--	---	--

Тот факт, что дипломатические усилия и приобретения Казани положительно влияют на изменение состояния отношений России и Китая, дела их стратегически более прочными, согласованными, содержательно обогащенными и сбалансированными, подтверждается на уровне официального дискурса. В речах политических деятелей, принадлежащих к инсайдерскому классу источников, присутствуют смыслы, прямо либо имплицитно указывающие на подобную каузальность, которая предстает в качестве естественной, всем очевидной тенденции: «Активное сотрудничество Китая и Татарстана в торгово-экономической, гуманитарной и других областях, плодотворные бизнес-контакты, многочисленные дву- и многосторонние форумы и конференции объективно становятся одним из драйверов поступательного развития дружественных связей между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» (председатель Государственного Совета Татарстана Ф.Х. Мухаметшин)¹.

Это также отражено в логике сюжетопостроения вербализованных позиций, где составными компонентами выступают вводимая информация о событиях, их интерпретация, подчеркивание значимости для межгосударственного сотрудничества / демонстрация уверенности в консолидированном

¹ Фарид Мухаметшин: «Татарстан намерен и далее вносить свой вклад во всестороннее развитие российско-китайского диалога». (2024). Сайт Государственного Совета Республики Татарстан. <https://gossov.tatarstan.ru/index.htm/news/3179.htm>.

будущем двух стран. Отсюда эмоциональная окраска высказываний: в целом оптимистическая, реже нейтральная.

Так, лексико-семантический анализ показал, что в текстах, посвященных теме побратимства / партнерства, с одной стороны создается образ успешного и созидательного трансграничного территориального взаимодействия посредством употребления устойчивых выражений, маркирующих искренность, глубину, конструктивность связей («настоящая дружба», «старый хороший друг», «крепкие отношения», «плодотворное сотрудничество»), с другой – через контекстуальное значение ключевых слов выводится в качестве следствия благоприятный исход для российско-китайской созависимости («заложена прочная основа для будущих взаимодействий», «обеспечить платформу для единства и взаимопомощи», «расширение сотрудничества»). Повторы лексемы «дружба» вызывают ассоциации с формой коммуникации, базирующейся на взаимном доверии, понимании, уважении и поддержке. Синонимы «основа» – «платформа» символизируют возведенный фундамент для развертывания кооперации. С этой мыслью состыковываются глаголы «вносят», «служить», «обеспечивают», «содействовать», которые означают перенос локальных достижений на национальный уровень. Фразеологизм «на многие годы вперед» и устойчивое выражение «выход на более высокий уровень» убеждают в длительности и надежности устанавливаемых контактов. Особая роль отводится культурным обменам. Им приписывается функция поддержания стабильных связей между городами и странами.

Обнаруживаются лексические цепочки с нарастающей семантикой близости, например: «Казань – Гуанчжоу - дружественные отношения - взаимовыгодное сотрудничество - взаимопомощь», «китайские граждане - обмены - связующее звено - вклад - дружба - единство», «города-побратимы - гуманитарные программы - взаимное уважение - равноправие», «мэрия Казани - Цицикар - протокол о намерениях - друзья - долгосрочные российско-китайские отношения».

В комментариях по поводу перекрестного открытия представительств и работы в Казани коллегиальных органов появляется мотив внешних вызовов («в условиях усложняющейся международной ситуации»), а также риторика с акцентом на контраст между непростым контекстом и положительными аспектами сотрудничества («всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства», «непоколебимые»). Тем самым закрепляется нарратив о его неподверженности воздействию деструктивных факторов. Важную часть семантического поля составляет ссылка на прогрессирование отношений путем апелляции к прилагательным и наречиям с коннотациями усиления и динамики: «все более тесные контакты», «устойчивого высоко-

уровневого развития», «получение новых и еще более многочисленных результатов». Диалог интерпретируется как механизм «координации», «достижения согласия» и реализации «официальных договоренностей», по которым можно считать степень российско-китайской интеграции.

Выгодная аналогия – уподобление текущей коммуникативной модели состоянию эталонности: «...контакты и сотрудничество между Китаем и Россией не только принесли пользу двум странам и их народам, но и послужили образцом стимулирования равенства и взаимной выгоды, а также сотрудничества с общим выигрышем» (экс-посол Китая в России Ли Хуэй)¹.

Очевидно, что в приведенной цитате с концептосферой, формируемой понятиями «контакты», «сотрудничество», «польза», «равенство», «выигрыш» закодированы релевантные смыслы. При их расшифровке считается мессидж, транслируемый стейкхолдерам международного процесса о показательности обменного типа интеракций, формирующихся с акцентом на искусство находить баланс интересов и заключать компромиссы.

Этот посыл получает развитие в дискурсе, складывающемся вокруг проводимых в Казани международных форумов, репрезентируемых в качестве заслуживающих доверия площадок глобализации, идущей на смену либеральной версии. Есть примечательные сюжеты, когда в официальных приветствиях, направленных их участникам, звучат заверения в приверженности принципам «равноправия», «взаимовыгодного партнерства», «исключительно уважительного отношения друг к другу», неприемлемости «политического давления и интриг». Обращение к приведенному набору правил является способом инфильтрации в зону предпочтений целевых аудиторий, удовлетворения их ожиданий по поводу ведения справедливого диалога и рождения политической практики, свободной от принуждений. Не оставляют места для сомнений и отправляемые сигналы об открывающихся возможностях для продвижения в выгодном сотрудничестве посредством употребления оценочных суждений, подчеркивающих причинно-следственную активность действий и положительных эффектов:

«Уверен, что Форум даст старт новым перспективным инициативам, а выработанные в его ходе рекомендации и предложения послужат углублению многоплановых отношений на благо наших народов» (президент России В.В. Путин)²;

¹ Глава Татарстана Р. Минниханов и посол КНР в РФ Ли Хуэй открыли генконсульство Китая в Казани (2018). Жэньминь Жибао. <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0823/c31519-9493316.html>.

² Владимир Путин о форуме городов стран БРИКС+: «Уверен, что он даст старт новым перспективным инициативам» (2024). Официальный портал органов местного самоуправления города Казани. <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/vladimir>

«Уверен, открытое взаимодействие, обмен мнениями и наработками придадут новый импульс развитию наших дружественных связей» (глава Татарстана Р.Н. Минниханов)¹;

«Я думаю, что Форум уже стал важной платформой для укрепления дружбы между Китаем и Россией» (Генеральный консул Китая в Казани Сян Бо)².

В употреблении краткого прилагательного «уверен» и глагола «думаю» проявляется твердость, резонирующая с восприятиями адресата, ориентированного на общение, выходящее за рамки одного события.

В выступлениях, предназначенных для ин-групп, в частности, членов и партнеров объединения БРИКС, в системе которого Россия и Китай занимают авторитетное место, закрепляются дихотомии «свой – чужой», «прошлое – современность». Местоимения «мы», «наше», «их», а также конкретизаторы «дружественные страны» и «единомышленники» выступают индикаторами геополитического размежевания и образования новых идентификационных привязок. Речи избилуют тропами, благодаря чему противопоставление становится рельефно выраженным, как и идейный компонент, присутствующий в нем («мы долго жили по западным калкам», «мы не пытаемся играть на их поле», «круг единомышленников», «те, кто разделяет наши убеждения»).

Анафора «сегодня пришло время <...> сегодня очевидна необходимость» привносит ощущение срочности и приоритетности агрегирования усилий солидарностей, выказывающих претензию на независимое поведение. Сведение ресурсов и действий в единое целое преподносится как условие преодоления нарастающих рисков в обстоятельствах «тектонического разлома»: «Консолидация усилий на уровне городов поможет разработать инновационные подходы к существующим вызовам и созданию новых моделей устойчивого развития» (глава Татарстана Р.Н. Минниханов)³.

В обеспечение убедительности приведенное мнение оснащено, во-первых, метафорой («консолидация усилий»), благодаря которой проступает

[putin-o-forume-gorodov-stran-briks-uveren-chto-on-dast-start-novym-perspektivnym-initsiativ/?lang=ru](https://ria.ru/20230831/kazan-1893326373.html).

¹ В Казани открылся Татарстанский нефтегазохимический форум (2023). РИА Новости. <https://ria.ru/20230831/kazan-1893326373.html>.

² В КФУ стартовал форум «Россия и Китай в меняющемся мире» (2023). Информационный портал Казанского федерального университета. <https://media.kpfu.ru/news/v-kfu-startoval-forum-rossiya-i-kitay-v-menyayuschemsya-mire>.

³ Рустам Минниханов: Международное сотрудничество местных властей способствует обмену передовым опытом, устойчивому развитию регионов и государств (2024). Официальный портал Республики Татарстан. <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2318884.htm>

ассоциативный ряд, формируемый экономическими категориями укрупнения и синхронизации ответственности, во-вторых, прилагательными с общей семей («инновационные», «новых»), несущими коннотацию нетривиальности решений как важного фактора адаптации к сложной современности, в-третьих, глаголом с модальным оттенком («поможет»), указывающим на высокую вероятность проектируемого успеха.

Что касается соображений, высказанных по случаю фрагментов деятельности Казани на площадках международных организаций и городских сетей, то в их содержании не выявлено характеристик, непосредственно касающихся российско-китайского домена соучастия в глобальной политике. Тем не менее, артикулируемая точка зрения, релевантная для конвенциональной коммуникации в целом, может быть распространена и на анализируемый срез как часть совокупных взаимодействий.

Основная задача речей – информирование об освоении столицей Татарстана роли конкурентоспособного актора международных отношений. Аргументацией тому являются ключевые слова и словосочетания с номинативной функцией («Евразийский секретариат», «Ассоциация городов стран БРИКС», «Политический форум ООН», «международного имиджа», «узнаваемости», «признание», «влияние» и др.).

В то же время реальные события проецируются на пространство отношений. Например, на основании аллегоричного созвучия слов («семья городов») продвигается образ сплоченности. Смысловой комплекс второго порядка, достраивающий ядровую область семантического поля, производит впечатление эволюционной заданности отношений. Речь идет о таких фразах, как «шаг в дальнейшем укреплении связей участников БРИКС и их партнеров», «импульсом для дальнейших совместных действий». При этом Казани присваивается статус интегрирующей и движущей силы: «Казань <...> успешно выполняет свою миссию по объединению городов Евразии и вовлечению их в международную деятельность» (мэр Казани И.Р. Метшин)¹.

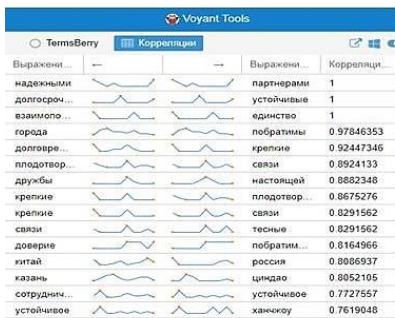
Как и в ранее рассмотренных текстах, местоимение «мы» преобразуется в идеологему единения, отражая фундаментальные различия в подходах образовавшихся геополитических полюсов («поляризация между странами») к развитию мира («мы создаем новую глобальную повестку»). Общеоценочное прилагательное «дружественные», трансформирующее основное понятие «страны» в коллективный субъект, вырабатывающий альтернативный

¹ Выступление мэра Казани И.Р. Метшина на церемонии открытия V Международной конференции городов Всемирного наследия Евразии (2011). Информационно-аналитический бюллетень Евразийского отделения ОГМВ «Местные власти Евразии», (4). https://www.euroasia-uclg.ru/upload/iblock/bb3/bulletin_2011_4_december.pdf.

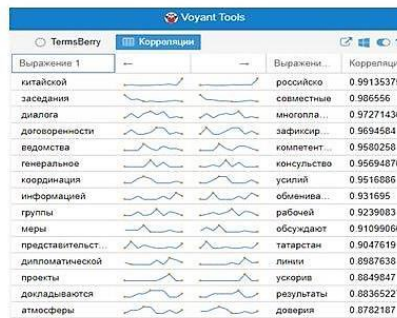
проект мироустройства, играет на укоренение мысли о перспективах усиления данной группой макросубъектов «своего голоса на международной арене». В приведенной метафоре существительное «голос» не только символизирует взгляды и интересы, доносимые до других участников трансграничного взаимодействия, но также подразумевает нарастающее влияние. Отправной точкой запущенного процесса признается автономная институционализация горизонтальных связей, объективированная в том числе в учреждении Ассоциации городов и муниципалитетов стран БРИКС. Предназначение объединения интерпретируется в категориях с предельно ясным обозначением базовых ценностей («благо», «мир», «стабильность»): «Уверен, ее деятельность будет служить на благо жителей всех городов и регионов, внесет достойный вклад в укрепление мира и стабильности на планете» (глава Татарстана Р.Н. Минниханов).

Уточнить результаты лексико-семантического анализа позволяет корреляционный анализ, высветивший слова, наиболее часто воспроизводимые в высказываниях в парной сцепке (рис. 2).

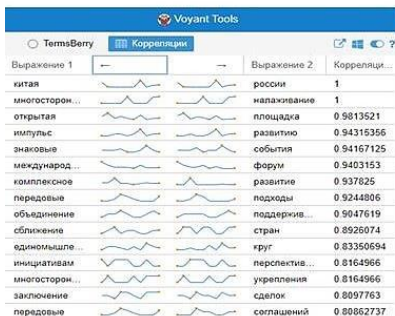
Наращивание побратимских и партнерских связей

Развитие посреднических механизмов

Создание открытого пространства для диалога

Инкорпорация в систему глобального управления

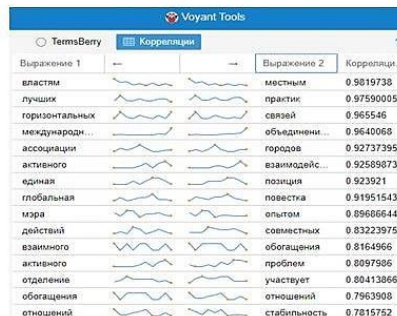

Рисунок 2. Комбинация наиболее часто встречаемых дескрипторов в публичных высказываниях политических деятелей

Очевидно, что официальный дискурс демонстрирует идеализированную версию казанско-китайских отношений, что соответствует протокольному характеру такого рода речей. Однако соотнесение сделанных высказываний с группой фактологических данных (табл. 1) дает основание для выделения следующих каузальных зависимостей.

1. Развитие Казанью побратимских и партнерских отношений с городами Китая является выражением диалога в активном действии, охватывающем наиболее значимые сферы жизни общества. Тем самым вносится мощный вклад в решение государственной задачи по формированию коммуникативной власти, основанной на доверии, взаимопонимании, встречной поддержке. Наращивание прямых контактов на уровне местных сообществ создает предпосылки для взаимопронизывающей социальной связки, переводу российско-китайского сотрудничества в долговременные и устойчивые формы. Через подобное углубление межмуниципального сотрудничества удастся продвигать модель мироустройства, основанную на принципах цивилизационного многообразия и равноудаленности центров влияния.

2. Содействие Казани развитию посреднических и совещательных механизмов способствует проникновению на рынки друг друга, перекрестному продвижению региональных и локальных политик, координации усилий, компромиссному поиску обоюдоприемлемых шагов для исключения возникающих трений и противоречий. Все это открывает дополнительные возможности для реляционной коммуникации, достижения состояния более сбалансированного, предсказуемого и надежного межгосударственного взаимодействия. Через такой подход мировому сообществу транслируется идея о том, что даже в эпоху нарастающей конфронтации остается пространство для диалога, где взаимовыгодные решения могут быть найдены путем прагматичного согласования интересов.

3. Казань конструирует собственное форумное пространство для открытого и равноправного международного общения, обмена идеями и опытом, ведения переговоров, заключения соглашений, разработки программ, направленных на совместное противостояние актуальным вызовам. Форумы служат инструментом диверсификации и размножения российско-китайских связей, увеличивают шансы для вхождения в фазу комплексного и инновационного развития кооперации, интенсификации межличностных деловых привязанностей, межкультурного освоения и адаптации. В условиях геополитического раскола такие платформы позволяют продвигать альтернативные правила, нормы и ценности в русле глобальной стратегии России и Китая по формированию многополярной системы международных отношений.

4. Политика Казани, ориентированной на тесное взаимодействие с китайскими городами на площадках международных ассоциаций, позволяет интегрированно влиять на глобальную повестку, внедрять гибкие решения для продвижения и усиления единой позиции России и Китая по международным вопросам. Это внушает оптимизм в отношении вероятности рождения чувства сопричастности и солидарности, которое стимулирует тенденцию перехода партнерства России и Китая на новый уровень взаимности, сплоченности, ответственности за достижение целей, легитимируемых как общезначимые.

Полученные результаты согласуются с выдвинутой гипотезой, подтверждая участие столицы Татарстана в усовершенствовании российско-китайской модели межгосударственных отношений. Похоже, данная конструкция продвигается на контрасте с предопределяющим асимметрию глобальной власти манихейским вариантом. Демонстрируя конкурентоспособность, она размывает господство последнего. Следовательно, казанский фактор в обновлении коммуникативных подходов в мировой политике нельзя отрицать.

Уверенность в том, что рассмотренный случай – малая часть более широкой тенденции, свидетельствующей о включенности городской дипломатии в процессы мирополитической перенастройки, подкрепляется предыдущими публикациями. В имеющейся литературе представлено мнение, согласно которому города, «занимают центральное место во всех текущих и прогнозируемых глобальных вызовах <...> формируют мощные партнерские отношения и влияют на действия и политические позиции других международных участников, включая национальные государства» (Swiney, 2020, p. 269, 276).

Однако подобная агентность не является однозначной. В этом убеждают транслируемые в научном дискурсе расходящиеся точки зрения. По одной из них, городская дипломатия вносит значительную долю взаимоуважения, инклюзивности, компромисса в международную среду (Hou Changkun, 2021, p. 336, 340; Morozov, 2023, p. 222), все больше характеризующуюся дефицитом диалогичности и нормализацией культа силы. В частности, Дж. Манфреди-Санчес пишет: «городская дипломатия является противовесом антидипломатическим практикам, которые утвердились в международном сообществе <...> в разгар процесса деглобализации» (Manfredi-Sánchez, 2023, p. 595). В то же время другими авторами отмечается, что городская дипломатия отражает растущую фрагментацию, которая приводит к тупиковым ситуациям в сотрудничестве (Karvounis, 2023, p. 8; Волкова, Кулакова, 2023, p. 587).

Проблема в том, чтобы рассмотреть указанные проявления как сосуществующие в контексте так называемого «реализма», когда при выраженной блоковой поляризации возможно образование коалиций по интересам. Это задача будущих сравнительных исследований. Кроме того, требуют

дальнейшего обсуждения и анализа не затронутые в статье вопросы, связанные с рисками, снижающими коммуникативную эффективность городской дипломатии. Также стимулом для продолжения дискуссии может стать отслеживание состояния казанско-китайских отношений в динамике.

Таким образом, казанская дипломатия результативна по китайскому направлению в той степени, в которой город достиг прогресса в развитии горизонтальных, вертикальных и сетевых форматов публичного общения и совместного действия. Активное использование схем побратимства/партнерства, ставка на формирование собственного пространства диалога, консенсуса, координации и сближения, а также эффективная инкорпорация в систему глобального управления позволяет столице Татарстана делать успешные попытки по исполнению роли проектировщика, который конструирует дипломатическую реальность, согласующуюся с выкристаллизованной правящими элитами формулой российско-китайского партнерства. Утверждаясь за фасадом межгосударственных отношений, данная реальность выступает в качестве переменной, вызывающей их улучшение изнутри. Тем самым дается ответ на вызовы, возникающие в контексте геополитического раскола, проходящего, в том числе, по линии универсализации принципов коммуникации в глобальной среде. Подобное преобразующее влияние транслируется на уровне политического дискурса, создающего устойчивую ассоциацию между локальными дипломатическими достижениями и национальными стратегическими интересами.

Литература

- Arendt H. (1958). *The Human Condition*. The University of Chicago Press.
- Arendt, H. (1972). *Crises of the Republic: Lying in Politics; Civil Disobedience; On Violence; Thoughts on Politics and Revolution*. Harcourt Brace Jovanovich.
- Grandi, L. K. (2020). *City Diplomacy*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-60717-3>.
- Hou, Changkun. (2021). Study in the City Diplomacy of the Silk Road Cities. *International Relations and Diplomacy*, 9(8), 335–341. <https://doi.org/10.17265/2328-2134/2021.08.003>.
- Karvounis, A. (2023). *City Diplomacy and the Europeanisation of Local Government. The Prospects of Networking in the Greek Municipalities*. Palgrave Macmillan.
- Leffel, B. (2021). Principles of modern city diplomacy and the expanding role of cities in foreign policy. *Journal of International Affairs*, 74(1), 179–200.
- Manfredi-Sánchez, J. L. (2023). Urban diplomacy: How cities will leverage multilateralism. In P. W. Hare, J. L. Manfredi-Sánchez, K. Weisborde (Ed.), *The Palgrave handbook of diplomatic reform and innovation* (pp. 581–600). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-10971-3>.
- Morozov, V. M. (2023). *Network diplomacy and city twinning. Network diplomacy contributing to peace in the 21st century*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-7006-1>.

Sevin, E., Amiri, S. (2023). City diplomacy. In E. Gilboa, C. Byrne, P. Arceneaux (Ed.), *A research agenda for public diplomacy* (pp. 75–89). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781802207323.00012>.

Swiney, K. (2020). The Urbanization of International Law and International Relations: The Rising Soft Power of Cities in Global Governance. *Michigan Journal of International Law*, 41(3), 227–278. <https://doi.org/10.36642/mjil.41.2.urbanization>.

van der Pluijm, R., Melissen, J. (2007). City Diplomacy: The expanding role of cities in international politics. Netherlands Institute of International Relations.

Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* (2000). Алетейя.

Валль, Е. С., Чжао, П. (2022). Граница России и Китая: влияние приграничных городов двух стран. *Форум молодежной науки*, 3(3), 25–28.

Ван, Цзюньтао, Вовенда, А. (2022). «Дипломатия городов» как инструмент развития сотрудничества РФ и КНР (на примере Санкт-Петербурга и Циндао). *Социально-политические науки*, 12. 54–59. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-6-54-59>.

Волкова, А. В., Кулакова, Т. А. (2023). Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий. *Вестник РУДН. Серия политология*, 25(3), 581–600. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-581-600>.

Инь, Мэнюань (2023). Перспективы углубления гуманитарного сотрудничества между городами-побратимами Шанхаем и Санкт-Петербургом. *Общество: политика, экономика, право*, (4), 58–65. <https://doi.org/10.24158/пер.2023.4.7>.

Макаренко, Т. Д., Ожегова, Л. А. (2019). Побратимские российско-китайские отношения как форма международного сотрудничества. *Российско-китайские исследования*, 3(2), 42–52.

Макеева, С. Б. (2023). Межрегиональное российско-китайское сотрудничество: экспертный взгляд из регионов и городов России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, (2), 147–156. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/147-156>.

Петрунина, Ж. В., Чэнь, Ци. (2022). Составляющие диалога в российско-китайском приграничье в XXI веке (на примере развития города Фуюань). *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, (4), 63–67.

Цзян, Сыюань. (2023). Новая модель российско-китайского торгово-экономического сотрудничества: создание Центра по предоставлению юридических услуг Санкт-Петербург – Шанхай. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право*, 14(1), 280–290. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.118>.

Чжан, Сяолин, Ли, Танг. (2022). Исследование путей сотрудничества городов-побратимов Шанхая и Санкт-Петербурга на фоне продления «Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве»: в области образования. *Международный научно-исследовательский журнал*, (9), 1–6. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.123.47>.

Чэнь, Чжэньгуан, Ван, Сяовань (2021). Исследование торгового сотрудничества города Хэйхэ с Россией на фоне зоны свободной торговли. *Теории и проблемы политических исследований*, 10(6А), 59–66. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.14.66.001>.

Янь, Цюцзюй. (2022). Города-побратимы Шанхай и Санкт-Петербург: историко-культурное сопоставление. *Культура и цивилизация*, 12(2А), 171–176. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.20.63.022>.

王健 = Ван, Цзянь. (2017). Китайско-российские приграничные города используют инициативу «Один пояс, один путь» для создания нового высокоргорья для регионального сотрудничества. *中亚信息 = Информация по Центральной Азии*, (5), 35–48.

于树一 李俊. 以 = Ю, Шуй, Ли, Цзюнь. (2023). «Фулкрам Сити» в качестве перевозчика. Новая модель китайско-российского сотрудничества на местном уровне: тео-

рия и практика). 俄罗斯东欧中亚研究 = Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии, (5), 116–129.

References

- Arendt, H. (1958). *The human condition*. The University of Chicago Press.
- Arendt, H. (1972). *Crises of the republic: Lying in politics, civil disobedience, on violence, thoughts on politics and revolution*. Harcourt Brace Jovanovich.
- Arendt, Kh. (2000). *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni* [Vita activa, or On the active life]. Aleteiya.
- Chen, Chzhen'guan, & Van, Syaovan' (2021). Issledovanie torgovogo sotrudnichestva goroda Heikhe s Rossiei na fone zony svobodnoi torgovli [Research on trade cooperation of Heihe city with Russia in the context of the free trade zone]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10(6A), 59–66. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.14.66.001> (In Russ.)
- Chzhan, Syaolin, & Li, Tang (2022). Issledovanie putei sotrudnichestva gorodov-pobratimov Shankhaya i Sankt-Peterburga na fone prodleniya «Rossiisko-kitaiskogo dogovora o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve»: v oblasti obrazovaniya [Research on the ways of cooperation between sister cities Shanghai and St. Petersburg against the background of the extension of the "Russian-Chinese Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation": In the field of education]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], (9), 1–6. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.123.47> (In Russ.)
- Grandi, L. K. (2020). *City diplomacy*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-60717-3>
- Hou, C. (2021). Study in the city diplomacy of the Silk Road cities. *International Relations and Diplomacy*, 9(8), 335–341. <https://doi.org/10.17265/2328-2134/2021.08.003>
- In', Men'yuan' (2023). Perspektivy uglubleniya gumanitarnogo sotrudnichestva mezhdru gorodami-pobratimami Shankhaem i Sankt-Peterburgom [Prospects for deepening humanitarian cooperation between sister cities Shanghai and St. Petersburg]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], (4), 58–65. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.4.7> (In Russ.)
- Karvounis, A. (2023). *City diplomacy and the Europeanisation of local government: The prospects of networking in the Greek municipalities*. Palgrave Macmillan.
- Leffel, B. (2021). Principles of modern city diplomacy and the expanding role of cities in foreign policy. *Journal of International Affairs*, 74(1), 179–200.
- Makeeva, S. B. (2023). Mezhdunarodnoe rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo: ekspertnyi vzglyad iz regionov i gorodov Rossii [Interregional Russian-Chinese cooperation: An expert view from the regions and cities of Russia]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Research], (2), 147–156. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/147-156> (In Russ.)
- Makarenko, T. D., & Ozhegova, L. A. (2019). Pobratimskie rossiisko-kitaiskie otnosheniya kak forma mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Sister city Russian-Chinese relations as a form of international cooperation]. *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya* [Russian-Chinese Studies], 3(2), 42–52.
- Manfredi-Sánchez, J. L. (2023). Urban diplomacy: How cities will leverage multilateralism. In P. W. Hare, J. L. Manfredi-Sánchez, & K. Weisborde (Eds.), *The Palgrave handbook of diplomatic reform and innovation* (pp. 581–600). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-10971-3>
- Morozov, V. M. (2023). *Network diplomacy and city twinning: Network diplomacy contributing to peace in the 21st century*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-7006-1>
- Petrinina, Zh. V., & Chen', Qi (2022). Sostavlyayushchie dialoga v rossiisko-kitaiskom prigranich'e v XXI veke (na primere razvitiya goroda Fuyuan') [Components of dialogue in the Russian-Chinese borderland in the 21st century (on the example of the development of Fuyuan city)]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstven-*

nogo tekhnicheskogo universiteta [Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University], (4), 63–67.

Sevin, E., & Amiri, S. (2023). City diplomacy. In E. Gilboa, C. Byrne, & P. Arce-neaux (Eds.), *A research agenda for public diplomacy* (pp. 75–89). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781802207323.00012>

Swiney, K. (2020). The urbanization of international law and international relations: The rising soft power of cities in global governance. *Michigan Journal of International Law*, 41(3), 227–278. <https://doi.org/10.36642/mjil.41.2.urbanization>

Tszzyan, Syuyan' (2023). Novaya model' rossiisko-kitaiskogo trgovoe-ekonomicheskogo sotrudnichestva: sozdanie Tsentra po predostavleniyu yuridicheskikh uslug Sankt-Peterburg – Shankhai [A new model of Russian-Chinese trade and economic cooperation: The establishment of the St. Petersburg-Shanghai Legal Services Center]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya: Pravo* [St. Petersburg University Bulletin. Law Series], 14(1), 280–290. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.118>

Van, Tszzyun'ao, & Vovenda, A. (2022). «Diplomatiya gorodov» kak instrument razvitiya sotrudnichestva RF i KNR (na primere Sankt-Peterburga i Tsindao) ["City diplomacy" as a tool for developing cooperation between the Russian Federation and the PRC (on the example of St. Petersburg and Qingdao)]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Social and Political Sciences], 12(6), 54–59. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-6-54-59>

Van, Tszzyan' (2017). Kitaisko-rossiiskie prigranichnye goroda ispol'zuyut initsiativu «Oдин poyas, oдин put'» dlya sozdaniya novogo vysokogor'ya dlya regional'nogo sotrudnichestva [Chinese-Russian border cities use the "One Belt, One Road" initiative to create a new highland for regional cooperation]. *Informatsiya po Tsentral'noi Azii* [Central Asia Information], (5), 35–48.

Vall', E. S., & Chzhao, P. (2022). Granitsa Rossii i Kitaya: vliyanie prigranichnykh gorodov dvukh stran [The border of Russia and China: The influence of border cities of the two countries]. *Forum molodezhnoi nauki* [Youth Science Forum], 3(3), 25–28.

van der Pluijm, R., & Melissen, J. (2007). *City diplomacy: The expanding role of cities in international politics*. Netherlands Institute of International Relations.

Volkova, A. V., & Kulakova, T. A. (2023). Dvizhenie gorodov-pobratimov v upravlenii regional'noi politikoi: opyt novykh territorii [The sister cities movement in regional policy management: The experience of new territories]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 25(3), 581–600. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-581-600> (In Russ.)

Yan', Tszzyutszyuy (2022). Goroda-pobratimy Shankhai i Sankt-Peterburg: istoriko-kul'turnoe sopostavlenie [Sister cities Shanghai and St. Petersburg: Historical and cultural comparison]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12(2A), 171–176. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.20.63.022>

Yu, Shui, & Li, Tszzyun' (2023). «Fulkrum Siti» v kachestve perevozchika. Novaya model' kitaiko-rossiiskogo sotrudnichestva na mestnom urovne: teoriya i praktika) ["Fulcrum City" as a carrier. A new model of Chinese-Russian cooperation at the local level: Theory and practice]. *Issledovaniya Rossii, Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii* [Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia], (5), 116–129. (In Russ.)

Для цитирования: Пустошинская, О. С. Коммуникативные возможности городской дипломатии в период геополитического раскола: к вопросу о содействии российско-китайскому сближению / О. С. Пустошинская, А. Г. Арутюнов // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 100–118. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-100-118.

А.В. Шевченко

A. Shevchenko

**ФАКТОР ПОНИМАНИЯ
В СИСТЕМНОМ
ИНЖИНИРИНГЕ
ЦИФРОВОГО
СУВЕРЕНИТЕТА И
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**UNDERSTANDING FACTOR
IN THE SYSTEM
ENGINEERING OF
DIGITAL SOVEREIGNTY
AND INTERNATIONAL
INFORMATION SECURITY**

Аннотация

В статье развиваются тезисы, изложенные автором на XIII Международном форуме «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» и опубликованные в сборнике докладов участников форума в 2024 году «Подходы системного инжиниринга к проблеме удержания цифрового суверенитета».

Цель исследования – на примере формирования модели коллективного цифрового суверенитета стран-членов БРИГС разработать рекомендации для решения проблем формирования межгосударственной политики в сфере регулирования глобального информационного пространства и обеспечения международной информационной безопасности.

Задачи исследования: определить исследовательские подходы к феномену «цифрового суверенитета», выявить принципиальные разногласия на платформе международного регулирования информационного пространства и технологий, изучить способы укрепления информационной безопасности государства в современном мире, выделить факторы, влияющие на усиление цифрового суверенитета, предложить способы и методы для эффективной реализации упрочнения информационной безопасности государства.

Теоретическая основа исследования опирается на теорию информационной безопасности государства, которая

Abstract

This article develops the theses presented by the author at the 13th International Forum «Partnership between the State, Business, and Civil Society in Ensuring International Information Security» and published in the 2024 collection of reports by the forum participants «System Engineering Approaches to the Problem of Maintaining Digital Sovereignty».

The purpose of this study is to develop recommendations for solving the problems of forming an interstate policy in the field of regulating the global information space and ensuring international information security, using the example of the formation of a model of collective digital sovereignty among the BRICS member countries.

Research objectives: to identify research approaches to the phenomenon of "digital sovereignty", to identify fundamental disagreements on the platform of international regulation of the information space and technologies, to study ways to strengthen the information security of a state in the modern world, to identify factors that influence the strengthening of digital sovereignty, and to propose ways and methods for effectively strengthening the information security of a state.

The theoretical significance of the study is due to the increase in knowledge in the theory of international information security through the inclusion of a number of provisions of digital system engineering and cognitive political science.

The practical significance lies in the pos-

объясняет информационное взаимодействие государств в современном мире с фокусом на национальные цифровые суверенитеты.

Проведен анализ процессов суверенизации мирового информационного пространства в противостоянии «коллективного Запада» и «Глобального юга». Выявлены причины принципиальных разногласий сторонников национального цифрового равноправия и адептов теории монопольного доминирования в сфере управления цифровыми ресурсами и технологиями. Для цифровой трансформации системы международной безопасности предлагается не разделять, а объединять и интегрировать контуры регулярного и ситуационного управления в чрезвычайных ситуациях, вызванных недобросовестным поведением стран в цифровой среде. Развивается мысль о возможностях решения данной проблемы на основе опыта создания единой системы международных переговоров по острым вопросам международной безопасности. В качестве исследовательского стенда концептуализации цифрового инжиниринга международной информационной безопасности использованы позитивные практики взаимодействия стран-участниц БРИКС.

Ключевые слова:

БРИКС, Глобальный цифровой договор, национальные цифровые модели, международная информационная безопасность, принцип понимания в политике, симбиотические системы, системный инжиниринг, цифровой суверенитет.

sibility of using systemic digital modeling methods in the field of constructing interstate systems of collective digital sovereignty and ensuring international information security.

The analysis of the processes of the global information space sovereignty in the confrontation of the "collective West" and the "Global South". The reasons of the fundamental disagreements of the supporters of national digital equality and the adherents of the theory of monopoly domination in the sphere of management of digital resources and technologies are revealed. To achieve the digital transformation of the international security system, it is proposed not to separate, but to unite and integrate the contours of regular and situational management in emergency situations caused by the unfair behavior of countries in the digital environment. A proposal for solving this problem is developed based on the experience of creating a unified system of international negotiations on pressing international security. Positive practices of interaction among BRICS countries are used as a research platform for conceptualizing digital engineering for international information security.

Key words:

BRICS, Global Digital Treaty, national digital models, international information security, the principle of understanding in politics, symbiotic systems, system engineering, digital sovereignty.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-119-141>

В сентябре 2024 года в Москве состоялся XVIII Международный форум, посвященный актуальным проблемам формирования системы международной информационной безопасности (МИБ) в новых геополитических реалиях. Ключевой темой научно-практического освоения стала проблема согласования интересов глобальных и национальных игроков в сфере регулирования IT-технологий. В этом же месяце Генассамблея ООН обсуждала Глобальный цифровой договор (ГЦД) как актуальное приложение к «Пакту будущего». На московской международной площадке были спрогнозированы

результаты этого обсуждения: несмотря на многочисленные глубинные разногласия между странами Глобального юга («Группы 77») и сторонниками Запада в лице США, документ будет принят. Так и произошло: за «Пакт будущего» проголосовали 143 страны, воздержались 15 государств, семь стран подали голоса против. Камнем противоречий в управлении глобальным информационным пространством являются принципиальные разногласия на платформе международного регулирования, где принцип национального цифрового равноправия противостоит принципу монопольного доминирования в сфере распределения цифровых ресурсов (технологий).

Проблемам цифрового управления, цифрового суверенитета и информационной безопасности, разработки государственных политик в информационно-телекоммуникационной сфере посвящены работы отечественных авторов (Бухарин, 2016, Гимранов, 2025; Задорожная, 2025; Кучерявый, 2014, Суфиянова, 2025; Сухов, 2025; Шастина, 2025). В этих публикациях отражены проблемы корреляции степени цифрового суверенитета и информационной безопасности при сопоставлении глобального и национального трендов развития межгосударственных информационных отношений с участием России.

Зарубежные авторы (Bradford, 2023; Chaturvedi, Mulakala, 2016; Goldsmith, 2006; Jiang, Belli, 2025) анализируют конфликтные ситуации при формировании политики регулирования технологической сферы глобального информационного пространства, характеризуют цифровые суверенитеты Бразилии, Индии и других стран, входящих в БРИКС, на перекрестке секьюритизации и развития, вскрывают проблемы преодоления разрыва между национальной безопасностью и цифровым суверенитетом,

Цель исследования – обосновать рекомендации по международно-политической концептуализации проектного задания для цифрового системного инжиниринга при моделировании симбиотических коммуникативных систем как наиболее конфликтногенному этапу формирования политики межгосударственного взаимодействия в глобальном информационном пространстве.

Задачи исследования: определить междисциплинарные исследовательские подходы к феномену «цифрового суверенитета»; выделить политико-психологические и когнитивно-лингвистические факторы, влияющие на позиционирование государств в управлении глобальным информационным пространством и на достижение согласия государств при формировании политики коллективных цифровых суверенитетов; на примере коллективной политики стран-членов БРИКС предложить способы и методы для обеспечения информационной безопасности национальных сегментов глобального информационного пространства.

Теоретическая значимость исследования обусловлена приращением знаний в теории международной информационной безопасности за счет введения в исследовательский инструментарий прогнозно-проектировочных конструктов цифрового системного инжиниринга на стадии концептуализации межгосударственной политики в сфере МИБ. Автор развивает положения экономической теории ограниченной рациональности, сделав акцент на привлечение к процессам стратегического целеполагания теоретические концепты когнитивной политологии.

Практическая значимость состоит в возможности использования методов системного цифрового моделирования в области конструирования межгосударственных систем коллективного цифрового суверенитета и обеспечения международной информационной безопасности.

Теоретическую базу исследования составили концепты цифрового системного инжиниринга, теории ограниченной рациональности, суверенизации международного информационного пространства с фокусом на обеспечение коллективной информационной безопасности на основе принципов понимания и доверия, которая объясняет информационное взаимодействие государств в современном мире, ориентированное на обеспечение национальных цифровых суверенитетов.

Использованы системный, целерациональный, структурно-функциональный, сравнительный, исторический, когнитивно-политологический подходы.

Применены следующие методы и приемы исследования: политологический анализ симбиотических систем, методы цифрового системного инжиниринга и моделирования вложенных балансов; сравнительный анализ международных отношений; метод изучения операционных (поведенческих) кодов руководителей государств; лингво-контекстуальный метод; кейс-анализ.

Камнем противоречий в управлении глобальным информационным пространством является принципиальные разногласия на платформе международного регулирования, где принцип национального цифрового равноправия противостоит принципу монопольного доминирования в сфере распределения цифровых ресурсов (технологий). Белоруссия, Иран, КНДР, Никарагуа, Россия, Сирия и Судан не вошли в консенсусное согласие по «Пакту будущего» как документу, исключающему право государств на принятие суверенных решений по международной технологической повестке ГЦД, противоречащей Уставу ООН.

Политика оппонентов российской позиции в сфере национализации глобального цифрового пространства не меняется в течение десятилетий, но лишь усугубляется вследствие ослабления влияния ООН на справедливое

распределение транснациональных ресурсов как основы формирования системы МИБ в частности и государственного суверенитета в целом. Поощрение гегемонистской позиции США и их сателлитов под флагом киберисключительности, прикрытой концепцией «коллегиального управления» интернетом, с очевидностью приведет ко все большему распространению цифровых конфликтов между государствами как виду геополитических взаимодействий (Ребро, 2021; Никонов, 2021).

Россия последовательно отстаивает консолидированную политику обеспечения цифрового суверенитета посредством создания сбалансированной международной системы регулирования ответственного поведения государств в киберпространстве с целью обеспечения национальной и международной безопасности, исключающей внешнее вмешательство в национальные цифровые платформы.

Вместе с Индией, Австралией, Сингапуром, Мьянмой Россия придерживается доктрины «цифрового национализма», зиждущейся на предложенных Китаем «пяти принципах»: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование. Эти положения (и близкие, по сути, принципы МИБ как компонента концепции «сообщества единой судьбы») приняты в качестве необходимого условия государственного суверенитета рядом государств, внедривших в свои доктринальные документы национальной безопасности модель «халяльного» интернета, соответствующую национальным религиозным, культурным, историческим традициям (Горян, 2022).

Приверженность такому подходу в политике обеспечения международной информационной безопасности со стороны России объясняется ее ориентацией на диверсификацию управления глобальном цифровым пространством и опирается на рациональный учет национальных политик государств, выступающих в качестве коллективного субъекта создания мировых цифровых ресурсов. Основные критерии инкорпорирования национальных институтов и инструментов в инвариантную систему управления глобальными информационными ресурсами: ответственная независимость, наличие возможности и способности субъекта международных взаимодействий распоряжаться своей долей участия и причастности к коллективной собственности на основе утвержденных принципов устойчивого развития и безопасности. Примером успешного создания симбиотических (взаимоприспосабливаемых) конструкторов служит заверченный в 2024 году проект по созданию «Конвенции против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информа-

ционно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям». Государствам удалось договориться по одному из самых спорных вопросов и исключить из конвенции ссылки на трансграничный доступ одного государства к данным, расположенным на территории другого государства. Этот документ признан первым в истории универсальным международным договором в области информационной безопасности. При этом важно отметить, что это и первый крупный успех российской дипломатии в области международных отношений на поле борьбы за информационную безопасность (Шевченко, 2024).

Политико-правовая позиция России, поддерживаемая ее союзниками, четко обозначена и в области регулирования мирового искусственного интеллекта, ставшей еще одной областью дипломатических схваток с коллективным Западом. Наша политика основывается на принципах правового, юридически закрепленного нормирования деятельности государств в сфере ИИ. В противовес этой позиции противная сторона традиционно отстаивает лишь рекомендательный характер норм поведения, организуя политически мотивированные дискуссии вокруг нескольких концепций, разных по названиям, но весьма схожим по целевой ориентации. Так, в идеологическом ядре инициативы «нерегулирования ИИ» и концепции «Хиросимский процесс регулирования ИИ» (принята «Группой семи» в Хиросиме в 2023 году) скрыта цель получения выгод и преимуществ странами, доминирующими в информационном пространстве. Например, президент США в октябре 2024 года выпустил Меморандум о лидерстве США в области ИИ и наделил дополнительными функциями и статусами спецслужбы, усиливающими контроль над сферой ИИ¹. Россия же поддерживает концепцию регулирования ИИ уже на этапе премодерации с реализацией контрольных функций государства, не препятствующих развитию и внедрению технологий ИИ.

По словам заместителя Министра иностранных дел РФ С.В. Вершинина, Россия развивает политический диалог и практическое взаимодействие в отстаивании примата международного права в цифровой оболочке геополитики посредством введения норм ответственности глобальных цифровых платформ перед национальными законодательствами². «Цифровой консенсус» по этой проблеме достигается в процессе укрепления влияния и расширения профильного регионального сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС,

¹ Смирнов А.И., Ильина М. Подходы к регулированию ИИ: Россия и её союзники VS коллективный Запад // Международная жизнь. <https://interaffairs.ru/news/show/48614>.

² Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Вершинина газете «Комсомольская правда», (23 сентября 2024). https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1970834/.

СНГ, ОДКБ, АСЕАН путем сближения позиций сторон в поле согласования национальных законодательств и этических систем.

Как отмечает генеральный директор НИИГлоб профессор А.И. Смирнов, появляющиеся в ключевых национальных юрисдикциях и мировых центрах принятия решений алгоритмы регулирования ИИ формируются на основе идеологических и ценностных установок, и выражаются в разных диалогических моделях. Подход «ограничительного регулирования» основан на жестком ограничении ИИ (hard-law); в «стимулирующем подходе» реализуются методы мягкого регулирования (soft-law); «комбинированным подходом» называют процессы саморегулирования (self-regulation), в которых задействованы механизмы жесткого и мягкого регулирования¹.

Растущее разнообразие геополитических моделей цифрового суверенитета не уменьшает потребность в унификации научных подходов к их конструированию. В ряде исследований предлагаются когнитивные схемы создания базовых онтологий, включающих нормативную правовую, технологическую, компетентностную, политическую, экономическую и управленческую компоненты, «которые, будучи объединенными в единую систему, порождают эмерджентное свойство цифрового суверенитета» (Никонов, 2021).

Для цифровой трансформации системы международной безопасности предлагается не разделять, а объединять и интегрировать контуры регулярного и ситуационного управления в чрезвычайных ситуациях, вызванных недобросовестным поведением стран (Агеев, 2021).

При этом процесс интеллектуальной и материальной сборки названных и иных компонентов в некую универсальную модель представляет собой весьма сложную научно-практическую проблему. Даже при условии успешного создания коммуникационной среды предстоит ввести в нее взаимопользующую информацию, необходимую для принятия решений в сфере взаимной ответственности и исключения ситуаций ограниченности альтернатив (Simon, 1957). А этот параметр, как показывает практика, «пока остается не реализованным в глобальном масштабе даже на уровне работ, проводимых в рамках мирового проекта «Индустрия 4.0» (Трейер, 2025, с. 75). Очевидно, что проблема глокализации информационного пространства в условиях столкновения мировых и национальных интересов объективно требует нетривиальных научных подходов.

Специалисты-международники М.М. Лебедева и Е.С. Зиновьева адресуются к идее профессора В.А. Кременюка, выдвинутой более четверти века

¹ Смирнов А., Ильина М. (2024). Международный и «евразийский» опыт регулирования сферы ИИ в условиях обострения геополитического противоборства // Международная жизнь. <https://interaffairs.ru/news/show/48614?ysclid=mecuzsioo9696096161>.

назад: применяя информационные технологии, создать единую систему международных переговоров с целью повышения их эффективности (Лебедева, Зиновьева, 2023). К такому выводу В.А. Кременюк пришел, анализируя почти двадцатилетний опыт – с начала 70-х до начала 90-х гг. XX века – дипломатического взаимодействия СССР и США по острым проблемам международной безопасности. Тогда на основе разработок американских ученых, опирающихся на теорию принятия решений (Х. Гьюгенс, Е.С. Венцель) и практику решения проблем в сфере переговорной дипломатии, был реализован метод «решения проблем» (Р.Л. Акофф). Он внедрялся в практику международных аналитических структур для исследования спорных вопросов взаимодействующих сторон в области безопасности, экономики, финансов, охраны окружающей среды, в социальной сфере (права человека). Полученные результаты «идеальных решений» передавались заинтересованным сторонам для оценки и применения предложенных схем в переговорах.

Реализация метода столкнулась со сложностями этического, культурологического, психологического характера, для преодоления которых разрабатывались требования и методики по внедрению единой культуры переговоров, переговорного метода и стиля. По свидетельству В.А. Кременюка, в решении этой научной задачи была использована Программа по переговорам Гарвардского университета, в адаптации которой под широкое международное использование было привлечено «несколько сот первоклассных специалистов по переговорам из десятков университетов и даже отдельных стран. «Программа по переговорам превратилась в своего рода исследовательский консорциум» (Кременюк, 2001).

По совместному решению СССР и США для снятия противоречий в проблемах, представляющих обоюдный интерес двух сверхдержав, в 1972 году в Австрии был открыт Международный институт прикладного системного анализа, к исследовательским программам которого присоединились еще около 20-ти европейских государств. Объем сложности задач был таков, что решать их в стратегической перспективе и оперативной локации без информационных технологий стало невозможно, чем и занимался Институт системного анализа. В частности, решалась задача «создания некоей переговорной методологии и технологии, новой схемы разработки и принятия решений на основе консенсуса, способных стать гарантией достаточно устойчивого человеческого общежития» (Кременюк, 2001).

В период временного ослабления холодной войны казалось, что самую большую сложность для ее решения представляет отсутствие необходимых информационных технологий, и только сейчас, спустя четверть века, реализация этой идеи становится возможной (Лебедева, Зиновьева, 2023). Дей-

ствительно, для сегодняшних цифровых потенциалов глобальных игроков этот вопрос технологических трудностей не составляет.

Таковыми возможностями располагает цифровой системный инжиниринг - комплексная методология, ориентированная на создание целостных слож-ноорганизованных стохастических систем с использованием всех инженер-ных решений, обеспечивающих удовлетворение потребностей заказчиков и пользователей. Актуальные современные направления системного инжини-ринга - модельно-ориентированные, основанные на компьютерных моделях, создаваемых с применением методов искусственного интеллекта. Цифровое моделирование в системном инжиниринге позволяет фиксировать динамику внесенных в процесс целевых искажений, оперативно отражать деградацию объекта цифрового модельного проектирования, подбирать варианты вос-становления гомеостаза национальной цифровой платформы и информаци-онной системы в целом.

Методология цифрового системного инжиниринга зиждется на принци-пах понимания внутреннего и внешнего облика создаваемых и приспособ-ленных к применению целевых объектов как искусственных систем, функ-ционирующих в заданной заказчиком (национальным, коллективным между-народным субъектом) или объективно существующей среде, обладающих ценностью и уникальностью для субъектов-бенефициаров. Этап концептуа-лизации проекта – важнейший в серии операций создания геополитических моделей цифрового суверенитета. Именно здесь происходит согласование интересов участвующих сторон, достигается (или не достигается) консенсус, фиксируемый в международных документах.

Исходя из определенной на этом этапе понятийной позиции, развора-чиваются последующие этапы: развивающиеся во времени логике вложен-ные друг в друга процессы инжиниринга систем, документационные и натурные представления результатов выполнения процессов и т.д. (Кондра-тьев, Тищенко, 2024). В нашем случае такими вложенными конструкциями (процессами) могут выступать вышеназванные компоненты модели цифро-во суверенитета, целеориентированные на диверсификацию властных пол-номочий регулятора глобальной IT-сферы с увеличивающейся степенью правовой, геостратегической, финансово-экономической детализацией и чувствительными к угрозам цифрового суверенитета индикаторами.

Цифровое моделирование в методологии системного инжиниринга позволяет фиксировать динамику внесенных в процесс целевых искажений, оперативно отражать деградацию объекта цифрового модельного проекти-рования, подбирать варианты восстановления гомеостаза национальной цифровой платформы и информационной системы в целом.

Правильность каждой вложенной конструкции и достижение целостности системы зависит от того, насколько точно определены условия формирования первого этапа – концептуализации проекта, т.е. проактивное согласование интересов субъектов международно-политического целеполагания.

Исследователи термина «концептуализация» отмечают большой разброс мнений о его содержании. Так, лингвист Т.А. Ланге-Соболева, проанализировав ряд понятий, приведенных в научных трудах и русскоязычных и англоязычных словарях, представляет наиболее полное определение концептуализации, данное Е.С. Кубряковой: это первичная форма, обеспечивающая теоретическую организацию материала, а также – схема связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения, позволяющая продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей. Но концептуализация – это и «способ организации мыслительной работы, позволяющей двигаться от материала и первичных теоретических концептов ко все более и более абстрактным конструктам, отображающим в пределе допущения, положенные в основание построения картины видения исследуемого сегмента реальности» (Ланге-Соболева, 2021).

Кто же является генеральным субъектом концептуализации, какими свойствами и умениями «введения определённых онтологических представлений» они должны обладать, учитывая международные масштабы взаимодействия? Очевидно, в первую очередь речь идет о крупных державах, к которым, например, К. Кайзер относит небольшую группу государств, потенциал ресурсов которых позволяют им оказывать влияние на глобальном уровне, а также те страны, которые достаточно уверенно приближаются к статусу мировых держав (Кайзер, 2007). Это постоянные члены Совета Безопасности ООН, а также Индия, ЮАР, Бразилия, Германия, Япония. Так называемые «великие демократии» образовали мировую ось, вокруг которой вращаются более мелкие «демократии» и объединения типа ЕС, чем значительно усиливают потенциалы отдельных стран, занимающих по отношению к концептуальным подходам к МИБ России, Китая, Ирана антагонистическую оппозицию.

Легитимное поведение государств в определении моделей развития мира в значительной мере предопределено их ментальными свойствами. М. Вебер вывел образцы идеальных типов поведения сообществ с целью соблюдения значимого порядка, прилагаемых и к государствам: определенный в силу традиции – традиционный; сформированный в силу аффективной, эмоциональной, веры – аффективный; ценностно-рациональный порядок, легитимизированный в силу ценностно-рациональной веры; целерациональный тип поведения, избираемый в силу договоренности заинтересованных

сторон (Вебер, 1996). Со времен установления этой классификации поведенческих типов, как правило, имеющих свойство перемешивания доминант, в XXI веке в объеме легитимной международной нормы стабильного сосуществования государств существенно увеличился процент аффективности. Соответствующий тип подчинил себе не только традиционный (свойственный исторически закрепленным действиям в условиях стабильности), но и ценностно-рациональный (например, опосредованный Ялтинскими соглашениями) и целерациональный (проявившийся в Вестфальской мир-системе). Триггером массового аффективного поведения, спекулятивной темой межгосударственных отношений стала проблема безопасности, посредством эмоции страха противопоставляемая сущностному и прагматическому содержанию знания о реальном положении дел.

Обосновывая границы ответственного поведения стран в международных отношениях, Н.Н. Рыбалкин вводит в политико-дипломатический дискурс парадигму самоутверждения государств, объявляющую необходимой предпосылкой развития определение конкретных опасностей, в противовес парадигме защищенности, основанной на концепте угроз безопасности. «Самоутверждение предопределяет необходимость противопоставления окружающему, поскольку самоутвердиться можно лишь по отношению к иному, которое должно быть устранено, если оно препятствует реализации тех или иных жизненных интересов. В результате наличие опасности становится условием существования такого государства и обеспечения его безопасности. Более того, самоутверждению требуются новые опасности, поскольку вне их отрицания оно теряет свой смысл»¹.

Стратегическое поведение государств в парадигме самоутверждения реализуется во внешней среде с претензией на исключительность, лишаящей их способности реально оценивать потенциалы стран, условно относимых к источникам угроз и, следовательно, триггерам ответного агрессивного поведения. Такая поведенческая слепота на международной арене обычно оборачивается принятием эгоистичных решений, намеренно игнорирующих интересы других участников международных отношений. Для выявления истинных причин оппозиционного поведения «изучается операционный код руководства государств, на основе которого создаются различные поведенческие модели» (Заславская, 2018; Истомин, 2021).

В этих целях И.Ю. Киселев обращается к метафоре самосознания государства, предложенного политконфликтологом Д. Блэни (Blaney, 1992): государства через представляющих их на международной арене политиче-

¹ Рыбалкин, Н. Н. (2023) Природа безопасности: автореф. дисс... док. филос. наук. Москва. С. 34.

ских лидеров принимают определенные Я-концепции («жертва агрессии», «сверхдержава», «зависимая страна» и т.д.). Выбранный образ необходимо рассматривать в контексте как системы международных отношений в целом, так и самой страны. «В «Я-концепции» отражается не только психология лидеров и накопленный ими в процессе познания багаж представлений о внешнем мире, но и «переработанный опыт поколений (разделяемые знания), усвоенный национальной элитой в процессе социализации и обеспечивающий преемственность в политическом процессе» (Киселев, 2023, с. 52).

Например, исследования пропагандистских стратегий во внешней политике США (приемы агрессивного убеждения, подтасовки фактов, смещения акцентов) выявили, по утверждению ряда специалистов, генетическую связность черт национального характера американцев: «собственная исключительность (избранности), мессианство, агентивность, индивидуализм» (Байдина, 2017).

В зависимости от ситуаций обман может быть результатом ошибки когнитивной системы или психологического заблуждения, но в профессиональной деятельности политика, детерминированной национальными интересами, обман всегда сознателен, что сравнимо с бытовым корыстным жульничеством. Пример тому – признание в эфире канала «Рада» бывшего премьера Великобритании Бориса Джонсона в обмане России на переговорах по Украине в «нормандском формате». С такими же откровениями о «дипломатической имитации» рациональной международной мироустанавливающей позиции ранее публично высказались экс-канцлер ФРГ Ангела Меркель и экс-президент Франции Франсуа Олланд. Посольство России в Великобритании выступило с заявлением, в котором подчеркивается, что «методы подлога, обмана и фальсификации стали... неотъемлемой частью внешнеполитического инструментария Запада». В комментариях российских дипломатов высказано сомнение в принципиальной договороспособности оппонентов РФ в Евро-Атлантике.

Неприглядность политической реальности состоит в том, что общественное мнение относительно международной повестки методично формируется обманном путем. Тоталитарный обман не порицается общественными институтами, в чьи функции входит обеспечение взаимопонимания и доверия в международных отношениях. Бездействуют не только правовые, но и этические инструменты вскрытия злонамеренных умыслов, для которых традиционные методы прямого разоблачения бесполезны, как это неоднократно проявилось в ситуациях, фабрикуемых в политических коммуникациях логикой «highly likely». Между тем, ложь, внушаемая с высоких трибун Генеральной Ассамблеи ООН и легитимированная поддержкой большинства, зачастую

определяет направления движения международно-политических сил (Истомин, 2018).

Процесс переработки информации не формирует устойчивого состояния информированности, не возникают знания о реальном, и, как следствие, - не создается основа для понимания сущего – «специфического состояния сознания, фиксируемого субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений и содержания воздействий», оказываемых извне или возникающих спонтанно (Головин, 1997).

Г.П. Щедровицкий объясняет интерпретативную сторону взаимодействия субъектов посредством механизма понимания, который «выявляет в одном и том же тексте разные смыслы и соответственно этому строит разные поля и разные структуры содержания» (Щедровицкий, 1994). А средством защиты сознания познающего субъекта является когнитивная и логикорациональная ясность как способность интуитивного понимания и интерпретации определённого объёма информации, представленной в определённой форме.

Когнитивный механизм понимания по определению имеет исключительно индивидуальную настройку, представляя собой «желаемый результат познавательной деятельности, процесс перевода внешней информации в формат внутренней репрезентации с сохранением основных структурных элементов и возможностью оперировать ими на ментальном плане» (Блинова, Щербакова, 2021). Достижение консенсуса между субъектами, представляющими разные культуры, в том числе политические, «не разделяющими ценности и исходные предположения друг друга, будет особенно сложным. Взаимопонимание достижимо только при обсуждении смысла» (Лакофф, Джонсон, 2017).

Понимание в дискурсе международных отношений исследовано на нескольких уровнях взаимодействия субъектов, обладающих разными типами понимания (Демидов, 1999). Контакт в рамках одного уровня понимания осуществляется в виде политического диалога на основе признания участниками взаимных интересов. На этом же уровне, в случае несогласия сторон с позициями друг друга, с несовпадением интересов, диалогические формы приобретают характер дискуссии: стороны преодолевают барьеры понимания и приходят к консенсусу, либо именно понимание невозможности их преодолеть ведет к прекращению диалога.

К барьерам понимания субъектов международных отношений относят: недостаточную подготовку в сфере политики и дипломатии, низкий уровень информированности в сфере политических отношений; узость мировоззре-

ния и идеологическую зашоренность; отсутствие стратегического мышления и гибкости в формировании и принятии решения и др.

Эффективность взаимодействия напрямую зависит от когнитивных способностей участников процесса: отбору, восприятию, фильтрации видоизменению и внедрению информации. Выделяется особый тип понимания – когнитивное, представленное в виде «динамического схемообразования для нахождения свойств предмета, взятого в некоторой ситуации» (Демидов, 1999). В процессе политической коммуникации системокванты строятся не только за счет метаболической и формирующуюся на её основе психической потребности, но и под влиянием внешних воздействий, предварительного обучения, инструкции или саморадикализации.

Отсутствие, как и слабая динамика формирования системоквантов политического сознания, обусловленных доминирующей мотиваций и поведением, детерминированными средствами массового информирования, лишает участников взаимодействия возможности понимания реальной ситуации и ведет к подмене ее некими смысловыми штампами, закрепленными в идеологизированной картине мира. Политтехнологи отмечают, что «даже с развитием технологий проверки фактов на достоверность и выявления интенции авторов сообщений, приоритетной формой действий по обеспечению влияния становится формирование у пользователей стереотипных установок, соответствующих при этом юридическим нормам государства и этическим стандартам профильного сообщества» (Чумиков, 2024, с. 13).

Феномен понимания следует рассматривать в сочетании с феноменами интерпретации и инференции как взаимодополняющими компонентами формирования позиций политических субъектов в международных отношениях. В аналитической практике российских исследователей эти процессы далеко не всегда соотносятся как части целого когнитивного процесса, а в англоязычном научном дискурсе лексема «понимание» - «understanding» и «comprehencion» вовсе не терминологизирована, равно как и «inference» «interpretation». При этом, отмечает М.И. Киосе (Kiose), ни одна из данных лексем не зафиксирована как термин в «Кратком словаре когнитивных терминов» (КСКТ). Исследователь констатирует: «При переводе данных терминов на почву английского языка мы сталкиваемся с определенной сложностью. Терминологический кластер «Понимание» в современной когнитивной лингвистике представляется рядом лексем: интерпретация, понимание, инференция (и их англоязычные аналоги английском языке inference и interpretation), которые находятся в достаточно сложных отношениях, не являясь ни комплементарными, ни взаимозаменяемыми... Сложность заключается в том, что все они могут употребляться не терминологически» (Kiose,

2023). То есть, формы и методы международно-политического дискурса не ограничены законами когнитивной семантики. При этом смыслы терминов подвержены изменениям, диктуемым не только главенствующей лингвистической теорией, но в еще большей степени - политико-идеологической конъюнктурой.

Наблюдается ли этот процесс стратегическими субъектами политических отношений? Несомненно. «То, что мы видим манипуляцию информацией, к сожалению, да, это происходит. Но если деятельность интернета будет подчинена и поставлена под внутренние законы, то мы таким образом минимизируем возможные негативные последствия», – такова позиция президента РФ В.В. Путина, заявленная на Валдайском форуме в Сочи в 2024 г¹. Этой позиции Россия придерживается в рамках всех объединений, разделяющих ее мироустроительный подход. Рашид Алимов, в 2016-2018 гг. бывший генеральным секретарем ШОС, так выразил коллективную когнитивную интенцию десяти стран-участниц ШОС, двух государств-наблюдателей и 14 стран Азии и Африки со статусами партнеров по диалогу ШОС: «Мы умеем слушать, слышать, и очень важно – прислушиваться друг к другу. На этом люди видят совместное будущее, совместное процветание», – отметил политик².

Очевидно, что выполнить процесс концептуализации системного инжиниринга для цифрового исполнения крупных международных проектов невозможно в нынешней международно-политической ситуации: любые проекты по созданию общемировой информационной безопасности представляются утопичными. Задача решается, вероятнее всего, в рамках союзов, договоров и иных консолидированных сообществ - в мире функционирует более 300 общественно-признанных организаций -, сложившихся на основе понимания и признания взаимных интересов. Взаимное уважение, равенство и суверенитет, открытость и инклюзивность — это базовые ценности международной организации БРИКС, закрепленные в ее руководящих документах. Они сложились почти 20 лет назад в политико-экономическом диалоге министров экономики и иностранных дел Бразилии, Индии, России, Китая (и присоединившейся к ним двумя годами позже ЮАР) по стратегическим целям развития своих государств. Их объединяла «решимость сохранить самобытность, согласованный и основанный на консенсусе характер БРИКС путем укрепления сотрудничества и содействия институциональному развитию;

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». (2021). Полный текст. <https://tass.ru/politika/12727931>.

² ШОС на пути к юбилею. (2020). <https://russian.people.com.cn/n3/2020/1112/c95181-9779567.html>.

стремление к более справедливому и многополярному мироустройству...» (Мирошников, 2024).

Деятельность БРИКС развивается по трем ключевым направлениям: «Политика и безопасность», «Экономика и финансы», «Социальное и культурное развитие». Каждое из них является частью единой системы защиты информационного пространства объединения от использования ИКТ в террористических, преступных и военно-политических целях, обеспечения информационной безопасности. Учитывая уровень развития информационных технологий таких стран-участниц БРИКС как Бразилия, Китай, Индия, для формирования подобной системы применение методов цифрового системного инжиниринга в полной мере обеспечено на уровне, следующем за концептуализацией проекта. Но как раз этот уровень находится на стадии принципиально-договорного оформления.

Еще 10 лет назад, в 2015 году членами БРИКС был взят курс на интернационализацию управления Интернетом на основе равноправного участия всех государств в развитии и функционировании глобальной сети. Эта цель последовательно конкретизировалась в соответствующих декларациях, принимаемых на саммитах высших руководителей БРИКС. За каждым документом открывается «огромная работа по сближению позиций и интересов стран-участниц, внешнеполитической координации, развитию инструментов многопланового экономического партнерства и созданию собственных финансовых и инвестиционных институтов, повышению связности и разработки механизмов сотрудничества в сфере цифровизации и НТИ» (Мирошников, 2024).

Поскольку БРИКС не имеет юридического межгосударственного оформления, допускается многозначность толкований правил и многомерность приемов регулирования информационно-коммуникационного пространства с позиций национальных государств-членов БРИКС. Ряд разногласий имеют лишь организационно-технические сложности и не нуждаются в долгих согласованиях посредством проникновения в глубины противоречий (вследствие их отсутствия). Такие барьеры преодолеваются в рамках деятельности Рабочей группы по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ. Иные же требуют значительного времени и политико-дипломатических усилий для достижения консенсуса в контекстах уже освоенных уровней понимания национальных особенностей мировосприятия, но еще не нашедших симбиотических форм приемлемого единения – например, в преодолении противопоставления «демократий» оси Юг-Юг (объединение IBSA–Индия, Бразилия, ЮАР) и «автократий» – РФ – КНР. Так, Россия и Китай выступают за сохранение контроля государства над информационным пространством, Индия, Бразилия и ЮАР исповедуют принципы открытого информационного

пространства с равными правами всех участников этого процесса. По мнению Президента Национальной ассоциации международной информационной безопасности Б.Н. Мирошникова, именно вызовы в политической сфере могут повлиять на способность объединения достигать консенсус по ключевым вопросам деятельности БРИКС.

Для достижения консенсусов БРИКС использует эффективный набор механизмов и инструментов, включая ежегодные саммиты БРИКС, встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, встречи лидеров на полях саммитов G20, Генеральной ассамблеи ООН и др. крупных международных мероприятий, руководителей отраслевых министерств и ведомств. В основе многосторонней и многоуровневой системы управления информационно-телекоммуникационной сферой лежит сотрудничество «при уважении суверенной независимости, равенства, взаимных законных интересов и озабоченностей»¹.

Как свидетельствуют участники процессов согласований национальных интересов, почти все механизмы взаимодействия в рамках БРИКС поддерживаются политической волей и заинтересованностью участников. Это неперемное условие для решения основной задачи, формирующей «техническое задание» системного инжиниринга, – создания международного нормативно-правового основания для обеспечения МИБ.

Литература

Blaney, D. (1992). Equal sovereignty and African statehood: Tragic elements in the African agenda in world affairs. In M. Cottam & C. Shih (Eds.), *Contending dramas: A cognitive approach to international organization*. New York: Praeger.

Bradford, A. (2023). *Digital empires: The global battle to regulate technology*. Oxford University Press.

Chaturvedi, S., & Mulakala, A. (Eds.). (2016). *India's approach to development co-operation* (1st ed.). Routledge.

Goldsmith, J., & Wu, T. (2006). *Who controls the internet? Illusions of a borderless world*. Oxford University Press.

Jiang, M., & Belli, L. (Eds.). (2025). *Digital sovereignty in the BRICS countries: How the Global South and emerging power alliances are reshaping digital governance*. Cambridge University Press.

Kiose, M. I. (2023). Term cluster understanding in cognitive linguistics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(877), 16-24.

¹ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. (2022). <http://www.kremlin.ru/supplement/5819>

Simon, H. (1957). The behavioral model of rational choice. In *Models of man, social and rational: Mathematical essays on rational human behavior in a social environment*. Wiley.

Агеев, А., Аверьянов, М., Евтушенко, С., Кочетова, Е., & Сиваков, Р. (2021). Цифровая трансформация национальной безопасности в контексте глобальных гибридных угроз. *Экономические стратегии*, (3), 3-11.

Байдина, Т. Е., Макарова, Т. Б., Макарова, Ю. О., & Попов, Ю. А. (2017). Роль пропаганды во внешней политике США. *Вестник ЗабГУ*, 23(7), 64-73.

Блинова, Е. Н., & Щербакова, О. В. (2021). Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов. *Психологический журнал*, 42(1), 66-79.

Бухарин, В. В. (2016). Компоненты цифрового суверенитета российской федерации как техническая основа информационной безопасности. *Вестник МГИМО-Университета*, (6), 76-91.

Вебер, М. (1996). Основные социологические понятия. В *Западноевропейская социология XIX – начала XX веков* (с. 455-491). Издательство Московского университета.

Гимранов, Р. Д. (2025). Цифровой суверенитет в новой парадигме национального развития. В *Исследования по цифровой экономике* (с. 170-173). Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Горян, Э. В. (2022). «Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования». *Международное право и международные организации*, (4), 82-95.

Демидов, А. И. (1999). Понимание в политике. *Полис. Политические исследования*, (3), 131-137.

Задорожная, Е. В. (2025). «Цифровой суверенитет личности»: проблемы определения понятия. *Юрист*, (2), 14-20. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2025-2-14-20>

Заславская, Н. Г. (2018). Государства выбирают стратегию поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 11(3), 322-329.

Истомин, И. А. (2018). Vox populi, vox Dei? Великие державы и голосование в Генеральной Ассамблее ООН. *Международная аналитика*, (2), 7-18.

Истомин, И. А. (2021). *Логика поведения государств в международной политике*. Аспект Пресс.

Кайзер, К. (2007). Взаимоотношения крупных держав в XXI веке. *Россия в глобальной политике*, (5), 8-21.

Киселев, И. Ю. (2023). Образы государств в международных отношениях: механизмы трансформации. *Полис. Политические исследования*, (3), 50-57.

Кондратьев, В., & Тищенко, Е. (2024). Стратегия поэтапного расширения системных инструментов цифрового инжиниринга с искусственным интеллектом. *Экономические стратегии*, (3), 68-79.

Кременюк, В. А. (2001). Новые исследования международных переговоров. *Мировая экономика и международные отношения*, (12), 100-106.

Крутских, А. В. (2022). Международная информационная безопасность: в поисках консолидированных подходов. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 22(2), 342-351.

Кучерявый, М. М. (2014). Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира. *Управленческое консультирование*, (9), 69-78.

Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2017). *Метафоры, которыми мы живем* (3-е изд.). ЛКИ.

Ланге-Соболева, Т. А. (2021). Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике. *Наука и образование сегодня*, (6), 27-32.

Лебедева, М. М., & Зиновьева, Е. С. (2023). Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 23(1), 144-156.

Мирошников, Б. Н., Шерстюк, В. П., Стрельцов, А. А., & Смирнов, А. И. (2024). Особенности политики государств-участников БРИКС в сфере развития ИКТ, обеспечения национальной и международной информационной безопасности. НАМИБ.

Никонов, В. А., Воронов, А. С., Сажина, В. А., Володенков, С. В., & Рыбакова, М. В. (2021). Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (60), 206-216.

Ребро, О., Гладышева, А., Сучков, М., & Сушенцов, А. (2021). Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России. *Международные процессы*, 19(4), 47-67.

Суфиянова, Г. Р. (2025). Цифровой суверенитет африканских стран: угрозы и способы защиты. *Азия и Африка сегодня*, (2), 14-22. <https://doi.org/10.31857/S0321507525020023>

Сухов, С. В. (2025). Российская концепция международной информационной безопасности: правовой аспект. *Аграрное и земельное право*, (1), 318-321. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_1_318

Трейер, В. В. (2025). Продукция производственного назначения как центральное звено в цифровой трансформации производственного сектора экономики. *Экономические стратегии*, (1), 74-79.

Чумиков, А. Н. (2024). Иррациональная взаимосвязь фактов и смыслов в современных медиа. *Коммуникология*, 12(2), 13-24.

Шастина, А. Р. (2025). К вопросу о формировании понятия «цифровой суверенитет». *Государственная власть и местное самоуправление*, (4), 41-44. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-4-41-44>

Щедровицкий, Г. П. (1994). Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание». В *Избранные труды* (с. 481-484). Школа культурной политики.

References

- Ageev, A., Averyanov, M., Evtushenko, S., Kochetova, E., & Sivakov, R. (2021). Tsifrovaya transformatsiya natsional'noi bezopasnosti v kontekste global'nykh gibridnykh ugroz [Digital transformation of national security in the context of global hybrid threats]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], (3), 3–11. (In Russ.)
- Baidina, T. E., Makarova, T. B., Makarova, Yu. O., & Popov, Yu. A. (2017). Rol' propagandy vo vneshnei politike SShA [The role of propaganda in US foreign policy]. *Vestnik ZabGU* [Transbaikal State University Journal], 23(7), 64–73. (In Russ.)
- Blinova, E. N., & Shcherbakova, O. V. (2021). Kognitivnye mekhanizmy ponimaniya verbal'nykh i ikonicheskikh tekstov [Cognitive mechanisms of understanding verbal and iconic texts]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 42(1), 66–79. (In Russ.)
- Blaney, D. (1992). Equal sovereignty and African statehood: Tragic elements in the African agenda in world affairs. In M. Cottam & C. Shih (Eds.), *Contending dramas: A cognitive approach to international organization* (pp. 137–160). Praeger.
- Bradford, A. (2023). *Digital empires: The global battle to regulate technology*. Oxford University Press.
- Bukharin, V. V. (2016). Komponenty tsifrovogo suvereniteta rossiiskoi federatsii kak tekhnicheskaya osnova informatsionnoi bezopasnosti [Components of the digital sovereignty of the Russian Federation as a technical basis for information security]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], (6), 76–91. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-76-91>
- Chaturvedi, S., & Mulakala, A. (Eds.). (2016). *India's approach to development co-operation* (1st ed.). Routledge.
- Chumikov, A. N. (2024). Irratsional'naya vzaimosvyaz' faktov i smyslov v sovremennykh media [Irrational interconnection of facts and meanings in modern media]. *Kommunikologiya* [Communicology], 12(2), 13–24. (In Russ.)
- Demidov, A. I. (1999). Ponimanie v politike [Understanding in politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (3), 131–137. (In Russ.)
- Gimranov, R. D. (2025). Tsifrovoi suverenitet v novoi paradigme natsional'nogo razvitiya [Digital sovereignty in the new paradigm of national development]. In *Issledovaniya po tsifrovoi ekonomike* [Studies in Digital Economy] (pp. 170–173). Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova. (In Russ.)
- Goldsmith, J., & Wu, T. (2006). *Who controls the internet? Illusions of a borderless world*. Oxford University Press.
- Goryan, E. V. (2022). «Tsifrovoi natsionalizm» kak voploshchenie kitaiskoi doktriny «pyati printsipov mirnogo sosushchestvovaniya» ["Digital nationalism" as the embodiment of the Chinese doctrine of the "Five Principles of Peaceful Coexistence"]. *Mezhdunarodnoe*

pravo i mezhdunarodnye organizatsii [International Law and International Organizations], (4), 82–95.

Istomin, I. A. (2018). Vox populi, vox Dei? Velikie derzhavy i golosovanie v General'noi Assamblee OON [Vox populi, vox Dei? Great powers and voting in the UN General Assembly]. *Mezhdunarodnaya analitika* [International Analytics], (2), 7–18. (In Russ.)

Istomin, I. A. (2021). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The logic of state behavior in international politics]. Aspekt Press. (In Russ.)

Jiang, M., & Belli, L. (Eds.). (2025). *Digital sovereignty in the BRICS countries: How the Global South and emerging power alliances are reshaping digital governance*. Cambridge University Press.

Kaiser, K. (2007). Vzaimootnosheniya krupnykh derzhav v XXI veke [Relations between great powers in the 21st century]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], (5), 8–21.

Kiselev, I. Yu. (2023). Obrazy gosudarstv v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: mekhanizmy transformatsii [Images of states in international relations: Mechanisms of transformation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (3), 50–57.

Kiose, M. I. (2023). Term cluster understanding in cognitive linguistics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(877), 16–24.

Kondrat'ev, V., & Tishchenko, E. (2024). Strategiya poshagovogo rasshireniya sistemnykh instrumentov tsifrovogo inzhiniringa s iskusstvennym intellektom [Strategy for the gradual expansion of systemic digital engineering tools with artificial intelligence]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], (3), 68–79. (In Russ.)

Kremenyuk, V. A. (2001). Novye issledovaniya mezhdunarodnykh peregovorov [New research on international negotiations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], (12), 100–106. (In Russ.)

Krutsikh, A. V. (2022). Mezhdunarodnaya informatsionnaya bezopasnost': v poiskakh konsolidirovannykh podkhodov [International information security: In search of consolidated approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Journal of International Relations], 22(2), 342–351. (In Russ.)

Kucheryavi, M. M. (2014). Gosudarstvennaya politika informatsionnogo suvereniteta Rossii v usloviyakh sovremennogo global'nogo mira [State policy of Russia's information sovereignty in the context of the modern global world]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], (9), 69–78. (In Russ.)

Lakoff, Dzh., & Dzhonson, M. (2017). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by] (3rd ed.). LKI.

Lange-Soboleva, T. A. (2021). Problema raskrytiya termina «kontseptualizatsiya» v sovremennoi lingvistike [The problem of defining the term "conceptualization" in modern linguistics]. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education Today], (6), 27–32.

Lebedeva, M. M., & Zinov'eva, E. S. (2023). Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [The specifics of international negotiations in the era of digitalization]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Journal of International Relations], 23(1), 144–156. (In Russ.)

Miroshnikov, B. N., Sherstyuk, V. P., Strel'tsov, A. A., & Smirnov, A. I. (2024). *Osobennosti politiki gosudarstv-uchastnikov BRIKS v sfere razvitiya IKT, obespecheniya natsional'noi i mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti* [Features of the policy of the BRICS member states in the field of ICT development, ensuring national and international information security]. NAMIB. (In Russ.)

Nikonov, V. A., Voronov, A. S., Sazhina, V. A., Volodenkov, S. V., & Rybakova, M. V. (2021). Tsifrovoy suverenitet sovremennogo gosudarstva: soderzhanie i strukturnye komponenty (po materialam ekspertnogo issledovaniya) [Digital sovereignty of the modern state: Content and structural components (based on expert research materials)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], (60), 206–216. (In Russ.)

Rebro, O., Gladysheva, A., Suchkov, M., & Sushentsov, A. (2021). Kategoriya «tsifrovogo suvereniteta» v sovremennoi mirovoi politike: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [The category of "digital sovereignty" in contemporary world politics: Challenges and opportunities for Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 19(4), 47–67.

Shastina, A. R. (2025). K voprosu o formirovanii ponyatiya «tsifrovoy suverenitet» [On the formation of the concept of "digital sovereignty"]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], (4), 41–44. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-4-41-44>. (In Russ.)

Shchedrovitskii, G. P. (1994). Zametki k opredeleniyu ponyatii «myshlenie» i «ponimanie» [Notes on the definition of the concepts "thinking" and "understanding"]. In *Izbrannye trudy* [Selected Works] (pp. 481–484). Shkola kul'turnoi politiki. (In Russ.)

Simon, H. (1957). The behavioral model of rational choice. In *Models of man, social and rational: Mathematical essays on rational human behavior in a social environment* (pp. 241–260). Wiley.

Sufiyanova, G. R. (2025). Tsifrovoy suverenitet afrikanskikh stran: ugrozy i sposoby zashchity [Digital sovereignty of African countries: Threats and protection methods]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], (2), 14–22. <https://doi.org/10.31857/S0321507525020023>. (In Russ.)

Sukhov, S. V. (2025). Rossiiskaya kontseptsiya mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti: pravovoi aspekt [The Russian concept of international information security: Legal aspect]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], (1), 318–321. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_1_318. (In Russ.)

Treier, V. V. (2025). Produktsiya proizvodstvennogo naznacheniya kak tsentral'noe zveno v tsifrovoy transformatsii proizvodstvennogo sektora ekonomiki [Industrial products as the central link in the digital transformation of the industrial sector of the economy]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], (1), 74–79. (In Russ.)

Weber, M. (1996). Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. In *Zapadnoevropeiskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov* [Western European Sociology of the 19th – Early 20th Centuries] (pp. 455–491). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)

Zadorochnaya, E. V. (2025). «Tsifrovoy suverenitet lichnosti»: problemy opredeleniya ponyatiya ["Digital sovereignty of the individual": Problems of defining the concept]. *Yurist* [Lawyer], (2), 14–20. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2025-2-14-20>.

Zaslavskaya, N. G. (2018). Gosudarstva vybirayut strategiyu povedeniya [States choose a behavior strategy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [St. Petersburg University Journal of International Relations], 11(3), 322–329.

Для цитирования: Шевченко А. В. Фактор понимания в системном инжиниринге цифрового суверенитета и международной информационной безопасности / А. В. Шевченко // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 119–141. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-119-141.

Е.С. Шевченко**E. Shevchenko****НОВЫЕ КОНТУРЫ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
США В РАМКАХ
СОВРЕМЕННОГО
МИРОВОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА****NEW CONTOURS OF THE
US FOREIGN POLICY
POSITIONING IN THE
FRAMEWORK OF THE
MODERN GLOBAL
POLITICAL PROCESS****Аннотация**

Современная номенклатура международных отношений объективирует существенные трансформационные изменения, серьезным образом перестраивающие специфику конструируемой политической коммуникации большинства государств и динамику развития мировых политических событий в целом. В глобальном плане это обуславливает кризисность некоторых международных организаций с позиции поддержания собственного политического влияния и оптимизации межгосударственного взаимодействия. На уровне отдельных участников международных отношений это способствует пересмотру основных политических ролей и функций национальной элиты и обновлению используемого политического инструментария. В свою очередь, актуализируется проблематика трансформации мирового политического влияния США как инициатора и активного участника большинства наблюдаемых в современном мире политических преобразований. Цель: определение новых контуров внешнеполитического позиционирования США в рамках современного мирового политического процесса. Методы: сравнительный анализ и ситуационный анализ. Результаты: выявлены некоторые особенности внешнеполитического позиционирования США в контексте развития современных международных отношений. Сформулированы парадигмальные основы изменения внешнеполитических позиций США в рамках мирового политического процесса в современных условиях. В ключе конструктивистской парадигмы определено формирование понимания относительно неспособности США сегодня конвертировать доминирую-

Abstract

The modern nomenclature of international relations objectifies significant transformational changes that seriously reformat the specific of constructed political communication of most states and the dynamic of development of world political events in general. Globally, it leads to the crisis of some international organizations from a position of maintaining their own political influence and optimizing interstate interaction. At the level of individual participants of international relations, it contributes to the revision of the main political roles and functions of national elite and the renewing of used political tool. In turn, political problems of the transformation of global political influence of the United States as an initiator and an active participant of political conversions observed in modern world are actualized. Objective: to identify new contours of the US foreign policy positioning in the framework of the modern global political process. Methods: comparative analysis and situational analysis. Results: some features of the US foreign policy positioning in the context of development of modern international relations are revealed. The paradigmatic bases of changing the US foreign policy positions in the framework of global political process in modern conditions are formulated. In the key of the constructive paradigm, the formation of an understanding of the inability of the United States today to convert dominant political motives into clear and realistic concepts and meanings that can be operated in political relations is identified. In the key of the communicative paradigm,

щие политические мотивы в понятные и реалистичные концепты и смыслы, которыми можно оперировать в политических отношениях. В ключе коммуникативной парадигмы определено распространение в современных условиях статусно-ролевой специфики США как пассивного коммуникатора по спектру причин и обстоятельств, обусловленных внутриэлитными противоречиями и процессуальными ограничениями принимаемых политических решений. В ключе институциональной парадигмы определено инициирование «пробуксовки» и при определенных обстоятельствах блокировки предлагаемых со стороны США инициатив на уровне ООН. В ключе синергетической парадигмы определена количественная и качественная минимизация политического вклада США относительно траектории и масштаба развития наблюдаемых в глобальном измерении политических событий. Выводы: в рамках соответствующих трансформаций современного мироустройства развитие политического потенциала США возможно как минимум на основе двух основных моделей – «бифуркационной» модели и «циклической» модели. В первом случае речь идет об исчерпываемости геополитических и геостратегических ресурсов США как мирового политического лидера, во втором случае – о некоторой переходности политико-системного состояния США в контексте обновления политико-технологического и политико-ресурсного бэкграунда.

Ключевые слова:

США, внешнеполитическое влияние, межгосударственное взаимодействие, международные отношения, Д. Трамп, Дж. Байден.

the spread in modern conditions of the US status-role specific as a passive communicator by a range of reasons and circumstances caused by intra-elite contradictions and procedural limitations of accepted political decisions is identified. In the key of the institutional paradigm, the initiation of «stalling» and, under certain circumstances, blocking of proposed initiatives by the US at the UN level is identified. In the key of the synergetic paradigm, the quantitative and qualitative minimization of the US political capital in relation to the trajectory and scale of development of political events observed in global dimension is identified. Conclusions: in the framework of corresponding transformations of the modern world order the development of the US political potential is possible at least based on two basic models – the «bifurcation» model and the «cyclical» model. In the first case we are talking about the exhaustion of geopolitical and geostrategic resources of the United States as a global political leader, in the second case – about a certain transitivity of the political and systemic condition of the United States in the context of renewing of political, technological and political and resource background.

Key words:

United States, foreign policy influence, interstate interaction, international relations, D. Trump, J. Biden.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-142-161>

Развитие международных отношений на современном этапе провоцирует множество проблем и противоречий мирового и регионального политического развития, в отношении которых большинству государств в силу объективных причин не удастся приспособиться и предусмотреть соответствующие регуляторные и компенсирующие мероприятия (Breshears, 2020; Erler, 2022). В частности, речь идет о трансформации специфики и динамики внешнеполитического позиционирования современных государств, некогда являющихся максимально инклюзивными мировыми политическими гегемо-

нами, но постепенно «теряющих хватку» и уступающих лидирующие позиции другим участникам глобальных политических изменений. С одной стороны, это вписывается в общую проблематику неработоспособности большинства глобальных политических институтов, неадекватности предлагаемых политических решений, неисполнительности действующих межгосударственных договоренностей и т.д. С другой стороны, это предопределяет не вполне благоприятные перспективы для некоторых влиятельных политических игроков, обладающих объемным ресурсным потенциалом и накопленным опытом внешнего политического воздействия, но ввиду их внутривнутриполитических кризисов не выдерживающих проверки на жизнеспособность и функциональность решений и действий национальной элиты (Баранов, 2023, с. 487).

Подобная постановка вопроса заставляет всерьез задуматься о способности США не только действовать соразмерно фактической международной обстановке, но и оперативно модернизировать политический инструментарий, а в более предметном отношении это соотносится с основными факторами и обеспечительными механизмами стабилизации американской внешней политики в рамках ближайшего президентского срока, учитывая тот факт, что одними из ключевых концептов внешнеполитической повестки Д. Трампа являются сокращение глобальных политических обязательств США (в особенности в контексте перезагрузки трансатлантических отношений и сдерживания Ирана на Ближнем Востоке) и поиск новых эффективных механизмов противодействия мировому распространению китайского стратегического влияния. При этом причины наблюдаемых тектонических изменений в американской политической системе различны и дифференцированы – от усиления гетерогенности американского общества до поляризации специфических внутриэлитных интересов республиканцев и демократов (на внутриинституциональном уровне ввиду фактурного проявления политических неудач Демократической партии США понимается необходимость трансформации ее современной политической программы и оптимизации функционирования американской двухпартийности как единственного рабочего варианта, вместе с тем не следует выводить из поля зрения соответствующую рефлексию детерминант и катализирующих сил распространяющегося экзистенциального кризиса в США на фоне демонстрации общего страха перед опасностью потерять мировое политическое лидерство).

В контексте сопоставления различных особенностей политического развития, а также определения общих и отличительных закономерностей политического позиционирования США и других государств в рамках моделей политического партнерства/политической конкуренции используется компаративный анализ (в частности, применительно к исследованию поли-

тического и экономического влияния США и КНР на африканском континенте, военно-политического сотрудничества США и государств Европейского союза по НАТО). В контексте выявления ключевых условий, факторов, обеспечивающих механизмов и причинно-следственных связей фактического оформления внутри- и внешнеполитического положения США и его изменения под действием конкретных политических обстоятельств используется ситуационный анализ (в частности, применительно к анализу российско-американского сотрудничества в арктической зоне).

Некоторые особенности внешнеполитического позиционирования США в контексте развития современных международных отношений

В рамках обсуждения развития современных международных отношений, обуславливающего проблемность и в определенном смысле специфичность конструируемых внешнеполитических позиций США, безусловно, необходимо произвести фокусировку на некоторых общих интегративных особенностях применительно к актуализации кризисного состояния традиционных американских политических ценностей, проблематизации межинституционального взаимодействия в рамках исполнительной и законодательной ветвей власти, проявлению неэффективности классических инструментов реализации принимаемых внутри- и внешнеполитических решений США, а также осложнению обеспечения конструктивного межгосударственного взаимодействия с политическими партнерами. В частности, это связано с проявлением нестабильности американской ядерной позиции (Blair, 2020, р. 14), неравномерным распределением политической власти внутри США (Ellis, 2021), некорректным определением групповой и личной политической ответственности в отношении политической элиты США (Feezell, Glazier, Boydston, 2021, р. 347), актуализацией кризиса общественного доверия с учетом выборов президента США (Kaye, Johnson, 2024, р. 471), обострением множества внутривнутриполитических проблем в американском обществе (Lersch, 2024, р. 375), а также формированием противоречивой политической коммуникации между главой государства и американскими гражданами в рамках Rhetorical Presidency (Pluta, 2023). Это также подтверждается позицией некоторых российских американистов – С.В. Кислицыным в контексте осложнения системных позиций американского политического истеблишмента (Кислицын, 2021, с. 32), В.О. Печатновым в контексте развития партийно-политической поляризации в США и утраты традиционной американской идентичности (Печатнов, 2020, с. 5), В.Б. Супяном в контексте обозначения некоторых проблемных контуров национальной экономики США

(Супян, 2022, с. 5), Т.А. Шаклеиной в контексте девальвации внешнеполитических позиций США (Шаклеина, 2021, с. 179).

В аналитической оптике межгосударственного обмена и формулирования внутренней политики это проявляется, в частности, в понимании неизбежности отказа от используемых идеологических паттернов и выявлении неработоспособности прежних стереотипизированных деятельностных схем, что применительно к американской проблематике сопровождается формированием рецессивных компонентов политической системы США, потерей стрессоустойчивой политической элиты, субъективизацией принимаемых политических решений и т.д.

Прежде всего, это наступление серьезных политических последствий отсутствия прочной нормативно-правовой основы, позволяющей в рамках существующей системы международных отношений планировать долгосрочные проекты и предоставлять соответствующие политические гарантии (Stephan, 2023). С точки зрения формально-юридического подхода целесообразно определить по крайней мере следующие основные проблемы действующего международного законодательства: «размывание» сущностных пределов международного политико-правового пространства, актуализация несостоятельности имеющейся иерархической системы международного права (как исходит из официальной позиции Комиссии международного права ООН, существуют реальные противоречия общих и конкретных, запрещающих и дозволяющих правовых норм), различная трактовка конкретных императивных международно-правовых норм (*Jus Cogens*), в отдельных случаях номинальное обращение к международному прецедентному праву, конкуренция национальных правовых систем, влияние внутригосударственных юридически значимых фактов на определение международной правосубъектности (*Ipso Facto*) (соответственно, в практическом плане это приводит к появлению различных правовых коллизий и инициированию судебных разбирательств, в частности, в рамках международного арбитража).

В действительности нормативно-регулятивная и правоприменительная проблематика является весьма актуальной в современных условиях, что особенно активно обсуждается в общественно-политических кругах США, поскольку, в частности, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина является одним из пунктов масштабной критики американцев со стороны международной общественности (это также подтверждается Amnesty International, Harm Reduction International, Human Rights Watch и др.) – соответственно, это обуславливает более проблемное понимание специфики внешнеполитического позиционирования США в рамках современного мирового политического процесса. Как исходит из недавних рекоменда-

ций Комитета по правам человека ООН, направленных в адрес США, признается целесообразность в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года создания в США специального государственного учреждения в сфере обеспечения и мониторинга политических и гражданских прав и свобод (National Human Rights Institution – NHRI), а также реформирования существующей американской уголовно-правовой системы (главным образом имеется в виду содержание под стражей осужденных с применением различных форм физического насилия на военной базе США в Гуантанамо).

Также необходимо акцентировать внимание на углублении наметившейся во второй половине XX века взаимозависимости большинства развитых стран, ищущих наиболее удобные варианты и схемы экспорта своего усиливающегося и расширяющегося внешнеполитического воздействия, и стран «третьего мира», предлагающих, в свою очередь, привлекательные ресурсные возможности и национальные рынки сбыта (Жильцов, 2021, с. 211). Политическое руководство США, безусловно, в свое время довольно активно включилось в подобную гонку распределения источников и механизмов геополитического влияния и на основе этого усиления собственной мировой политической «имперскости» (Hudson, 2021). При этом если «ближневосточную версию» экстраполяции американского внешнестратегического лидерства можно в целом считать успешной для американцев с учетом достигнутой политической конфликтности и нестабильности ближневосточного региона, то при реализации «постсоветской версии» США приходится сталкиваться с определенными проблемными аспектами межкультурного противостояния в контексте активизации российского противодействия на фоне развития украинских политических событий. В целом большинство современных государств крайне осторожно воспринимает политические реалии относительно региональной концентрации какого-либо зарубежного политического влияния. Наиболее фактурно это наблюдается, в частности, на уровне соответствующих политических институтов и организаций наднационального регулирования, в рамках которых происходит столкновение различных национальных интересов влиятельных государств, – например, европейским сообществом в Мюнхене еще в феврале 2025 года декларировались намерения собственными силами обеспечивать политическую безопасность без непосредственного участия США (Европе не нужен «ни учитель, ни духовник»)¹. При этом европейцами максимально критически оценивается интенсификация американского военно-политического при-

¹ Имеющий Мюнхен да услышит. (2025). Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/7513837?ysclid=majt0pt2pi885460550/>.

сутствия в Европе в рамках НАТО (в особенности в контексте некоторых печальных моментов имеющегося 80-летнего исторического опыта) с учетом непредсказуемости и неравновесности политического поведения американцев, что заставляет европейские правительства активно участвовать в политических играх и упражняться в используемой национальной риторике, несмотря на двойное увеличение закупок американской военной техники с 2019 года по 2023 год по сравнению с предыдущим пятилетним периодом на фоне ухода Российской Федерации с европейского рынка, обусловленное по большей части имеющимися межгосударственными договоренностями¹. В частности, камнем преткновения является контрастирование официальных подходов к регулированию проблем комплексной безопасности на евразийском континенте – Европейским союзом предпринимаются многосторонние действия по фактической милитаризации европейской наднациональной экономики, что демонстрируют планируемое увеличение расходов на оборонную промышленность на 50% к 2030 году, а также возможное создание Европейской программы оборонной промышленности (EDIP) с потенциальным бюджетом €100 млрд².

Далее это также политизация без преувеличения всех вопросов и проблем современного надгосударственного регулирования, что характеризуется по сути наделением политическим потенциалом экономических, культурных, научных и иных коммуникаций и связей. В данном контексте не является исключением и научная дипломатия – одним из показательных практических кейсов является фактическая приостановка по инициативе США главным образом с 2023 года конструктивного российско-американского сотрудничества в арктической зоне, что продиктовано в том числе геополитическим противоборством между российской и американской сторонами (Жильцов, 2022, с. 385). Несмотря на то, что сегодня сохраняются нормативно-правовые основания межгосударственного «арктического партнерства» (например, до сих пор не аннулировано Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 года), американской стороной предпринимаются соответствующие блокирующие попытки – ограничение географии действия Fulbright Program, а также лоббирование проамериканской позиции на уровне Всемирной метеорологической организации (World Meteorological Organization), Международной морской организации (International Maritime Organization), Межправительственной группы

¹ Западная Европа парализована страхом перед США. (2025). РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/zapadnaya-evropa-paralizovana-strakhom-pered-ssha/>.

² Breton Aims For «Huge» €100B Defense Fund. (2024). Politico. <https://www.politico.eu/article/thierry-breton-edip-sending-1-million-shells-to-ukraine/>.

экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel On Climate Change) и др. Конечно, это расценивается как проявление недалёковидности и ограниченности современного американского политического курса с точки зрения игнорирования реальных взаимовыгодных условий, в частности, по таким направлениям, как разработка климатической стратегии, составление метеорологических прогнозов, совместное сохранение биоразнообразия, изучение культурных традиций местных сообществ (Конышев, Сергунин, 2024, с. 139).

Видимое практическое применение также находят деструктуризация и дисгармонизация конструируемых политических отношений между современными государствами, которые понимаются как минимум в следующих концептуальных плоскостях: в частности, потеря аутентичности и компромиссности принимаемых политических решений, акцентуация неэффективности и в отдельных случаях неработоспособности используемых договорных механизмов и согласительных процедур, что наблюдалось еще в конце XX-начале XXI веков и в современных реалиях достигает своего исторического апогея (Moller, 2024, р. 35). В свою очередь, это приводит к появлению на данном уровне соответствующих проблем и противоречий в рамках формирования некоего общего понимания относительно рассматриваемых политических вопросов, что выражается в том числе в использовании различного понятийно-категориального аппарата и терминологического базиса (амбивалентность стратегии военно-политического сдерживания и стратегии глобального политического вовлечения), о чем свидетельствует в том числе проведенная 16-18 февраля 2024 года «юбилейная» Мюнхенская конференция по безопасности, в рамках которой обсуждалась неоптимистичность и даже катастрофичность действий трансатлантического сообщества с лидирующей позицией США.

Наконец, девальвацией американского политического функционала в международном и политико-региональном масштабе характеризуются научно-исследовательские данные Gallup апреля 2024 года, по которым можно констатировать, что, в частности, в большинстве африканских стран (Гамбия, Кения, Уганда и др.) серьезно минимизируется внешнеполитическое влияние США и, наоборот, укрепляется инвестиционная привлекательность со стороны других политических акторов – за годичный период ослабление американских позиций на 3%, упрочение китайских позиций на 6% (Rating World Leaders Report), что является довольно показательным в контексте анализа динамики регионального экспорта американо-китайской конкуренции. Более того, правительством некоторых стран Центральной и Западной Африки весной 2024 года были инициированы действия по выводу с их тер-

ритории вооруженных сил США (ранее также многолетнее двустороннее сотрудничество с США оказалось свернутым по предложению Буркина-Фасо и Республики Мали, при этом происходит налаживание двусторонних контактов по военной линии с некоторыми другими африканскими государствами, о чем свидетельствует, в частности, объявление Кении летом 2024 года основным союзником США вне НАТО), что является крайне нежелательным для США как минимум с точки зрения потери доступа к имеющимся сырьевым ресурсам – прежде всего, графиту, кобальту, марганцу и др.

В свою очередь, это привело к появлению в актуальном мировом политическом дискурсе явлений и процессов, которые современные политологи именуют «состоянием политической турбулентности», «эпохой идеологической неопределенности», «поиском нового стратегического мышления» и др. На предметно-пространственном уровне наблюдаются, в частности, распространение состояния политико-психологической фрустрированности и выяснение неприменимости существующих измерительных инструментов и оценочных схем по отношению к мировым политическим событиям – другими словами, неуверенность относительно политических намерений участвующих сторон и нереалистичность составляемых политических прогнозов, на что дополнительно влияют не всегда в положительном контексте проблемные и противоречивые особенности технологизации и использования искусственного интеллекта в управлении трансграничными коммуникациями по линии выявления, кластеризации, генерирования и предикации (в частности, некоторыми экспертами предполагается, что объем рынка искусственного интеллекта к 2030 году достигнет \$1,34 млрд с обеспечением чистого прироста ВВП в разmere чуть более 20%, при этом уровень дезинформированности и фальсифицированности производной искусственным интеллектом продукции демонстрирует более 75% респондентов, хотя среди государств-лидеров упоминаются такие как Индия (59%), Сингапур (53%), КНР (50%) и др.).

Парадигмальные основы изменения внешнеполитических позиций США в рамках мирового политического процесса в современных условиях

С появлением Д. Трампа в политическом пространстве США в контексте диссонансности и беспрецедентности для американской исторической практики его политических и экономических проектов (несмотря на проводимые исторические параллели в контексте президентства Р. Рейгана), а в последующем с реализацией президентского функционала Дж. Байденом, вызывающей только недоумение и саркастическое обсуждение (как минимум это касается его оговорок и ошибок в рамках публичных выступлений), ми-

ровая общественность всерьез задумывается относительно политико-имиджевых и политико-инфлуентальных характеристик США – в данном контексте речь идет, прежде всего, о президентском влиянии на формирование и развитие неоднозначной или в отдельных случаях открыто критической и осуждающей международной позиции по отношению к реализуемой американской политике (другими словами, международное сообщество все больше убеждается в том, что американцы не только сталкиваются с серьезными проблемами на пути стабильного обеспечения позитивности своего внутри- и внешнеполитического авторитета, но и теряют безоговорочное и некогда абсолютное право активно участвовать во внутренней политике других стран и проводить на основе этого собственную внешнеполитическую волю). В частности, это сопровождается формированием некоторых оценочных нарративов применительно к пониманию реальной политической роли США в современном мире с позиции проявления политического эгоизма, расширения неблагонадежного партнерства, эскалации напряженности в межгосударственном взаимодействии, хаотизации политико-регионального развития.

Учитывая данные обстоятельства, а также понимая очевидность и неотвратимость столь стремительных и проблемных внутри- и внешнеполитических изменений в США, видится целесообразным проведение качественной рефлексии на тему ключевых факторов и реперных точек наступления подобных политических событий – весьма интересно использование некоторыми американскими политологами третичной объяснительной схемы в рамках The Quincy Coalition (либертарианство, реальный баланс геополитических сил и левый прогрессивизм) (Deudney, Ikenberry, 2021, p. 63). В данной связи внешнеполитические позиции США в рамках мирового политического процесса в современных условиях в научно-исследовательском фокусе парадигмальных основ развития международных отношений представляются следующим образом:

1. Конструктивистская парадигма. Формирование понимания относительно неспособности США сегодня конвертировать доминирующие политические мотивы в понятные и реалистичные концепты и смыслы, которыми можно оперировать в политических отношениях. Главным образом это связывается с наблюдаемым системным кризисом либеральной демократии американского образца. Причем если несколько лет назад подобные тренды и тенденции воспринимались достаточно абстрактно или даже в какой-то степени иллюзорно, поскольку имелись только конкретные прецеденты дисфункциональности демократических атрибутов (периодические сбои в системе сдержек и противовесов, инициируемые официальные расследования

в рамках политической процедуры импичмента), то сегодня американская политическая реальность продуцирует предметно-ориентированные параметры продолжающейся стагнации либерально-демократического политического уклада США, что логично обуславливает непривлекательность предлагаемой доказательной базы и неработоспособность используемой технико-практической методологии (это, соответственно, подтверждается Economist Intelligence Unit, Freedom House (деятельность признана нежелательной в Российской Федерации), Varieties Of Democracy и др.).

2. Коммуникативная парадигма. Распространение в современных условиях статусно-ролевой специфики США как пассивного коммуникатора по спектру причин и обстоятельств, обусловленных внутриэлитными противоречиями и процессуальными ограничениями принимаемых политических решений, что выражается в исключении в качестве полноправного и самостоятельного субъекта межгосударственной коммуникации. Это также сопровождается проявлением изменений в восприятии США со стороны международного сообщества, исчерпанием кредита политического доверия, акцентуацией критики в адрес политического руководства США и т.д. Другими словами, происходит соответствующая ломка устойчивых стереотипизированных схем относительно внешнеполитической роли США – например, в соответствии с полученными опросными данными Pew Research Center весны 2024 года в последнее время со стороны, в частности, Германии и Франции все активнее высказывается общественное недовольство с параллельным разочарованием относительно американского стратегического планирования в духе неудачного военно-политического интервенционизма¹.

3. Институциональная парадигма. Инициирование «пробуксовки» и при определенных обстоятельствах блокировки предлагаемых со стороны США инициатив на уровне ООН, сопровождающееся негативизацией деятельности глобальных политических институтов с точки зрения гарантирования и обеспечения международной стабильности и безопасности, несоблюдением требований действующего международного законодательства, нарушением принятых межгосударственных договоренностей и т.д. В данном отношении справедливо упомянуть «выключенность» или рестриктивность США относительно планирования совместных действий по борьбе с загрязнением окружающей среды («Drill, Baby, Drill!» – при этом необходимо сделать оговорку по поводу соответствующих лимитирующих действий со стороны американских правительственных структур, как произошло в начале

¹ Globally, Biden Receives Higher Ratings Than Trump. (2024). Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/global/2024/06/11/globally-biden-receives-higher-ratings-than-trump/>.

2024 года в связи с введением запрета на бурение нефтяных скважин ConocoPhillips на территории National Petroleum Reserve на Аляске), проработки эффективных контрольных и защитных механизмов в вопросе незаконного оборота огнестрельного оружия (исходя из статистической информации Министерства юстиции США, около 70 тыс. единиц огнестрельного оружия и взрывчатых веществ незаконно приобретено на территории США за последние 5 лет), солидаризации компенсирующих мероприятий с учетом создания дополнительной нагрузки на национальные системы здравоохранения и т.д. Как следует из официальных отчетных материалов Конгресса США, в 2023 году американской стороной не поддержано 56% рассматриваемых резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, при этом формулировка «Abstain» применима к 10% данных документов (примечательно, что, как свидетельствует аналитическая информация Blue Marble, по состоянию на декабрь 2023 года по инициативе США ветоировано около 45 резолюций Совета Безопасности ООН, направленных на урегулирование лонгитудно осложняющейся ситуации в Секторе Газа)¹.

4. Синергетическая парадигма. Количественная и качественная минимизация политического вклада США относительно траектории и масштаба развития наблюдаемых в глобальном измерении политических событий – «Hell Of Good Intentions». Одним из ключевых триггеров наступления подобных внешнеполитических обстоятельств является перегрузка номинальным или реальным присутствием США в рамках национального политико-правового пространства иных участников международных отношений, которая, в свою очередь, характеризуется фактически американизацией большинства политических процессов на мировом и региональном уровнях начиная с территориальных приобретений бывших европейских колоний (Луизиана, Западная Флорида) в начале XIX века и заканчивая решением территориальных споров с Британской империей и Мексикой в пользу США. Вполне логичными последствиями этого являются автоматическое возникновение необходимости исполнения определенных политических обязательств и предусмотрение соответствующей политико-субъектной ответственности со стороны США, с чем сегодня американскому политическому руководству справиться в полной мере не удастся. В частности, по некоторым оценкам к концу 2024 года объем государственного долга США впервые в истории существенно превысил \$36 трлн². Наконец, имеется в виду деконструкция ми-

¹ How The US Has Used Its Power In The UN To Support Israel For Decades. (2024). Blue Marble. <https://globalaffairs.org/bluemarble/how-us-has-used-its-power-un-support-israel-decades/>.

² United States Government Debt. (2025). TradingView. <https://www.tradingview.com/symbols/ECONOMICS-USGD/?ysclid=majvqq9ji27013822/>.

рового политического порядка в целом, проявляющая развитие национального самосознания и распространение авторитарных концептов на внутри-политическом уровне (Kassab, 2022, р. 123).

Разумеется, в современных условиях речь уже давно не идет об американоцентричности существующей конъюнктуры международных отношений, поскольку предлагаемые США политические проекты не выдерживают проверки на идейно-нормативную достоверность и практическую целесообразность и, как следствие, перестают фактически работать и пользоваться популярностью – например, это можно сказать относительно политически неверных и прогностически нереалистичных расчетов в отношении КНР в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии США (Marquardt, 2021, р. 356). В частности, это прослеживается на уровне реализации концептов рыночной философии как Washington Consensus, так и Post-Washington Consensus с учетом некоторых относительно недавних корректировок (пожалуй, единственным более-менее сохраняющим актуальность и стабильность аргументом остается долларовое регулирование современных финансовых отношений и банковских операций, что также в ближайшей перспективе может быть пересмотрено, учитывая количественные показатели в рамках структуры официальных валютных резервов МВФ относительно потенциала нетрадиционных резервных валют (AUD, CAD, RMB и др.), в частности, в вопросе автоматического поддержания двусторонних котировок и использования современных технологических систем управления ликвидностью)¹.

По сути исторически заданные условия глобальной политической динамики абсолютно исключают любой монополизм США в контексте создания противовесных политических сил, оптимизирующих национальные мощности и, соответственно, укрепляющих собственные конкурентные преимущества – в частности, как демонстрирует Всемирный банк, в среднестатистическом отношении национальная экономика КНР ежегодно растет примерно на 5%, основываясь на освоении новых технологических драйверов и устойчивом инвестировании в промышленное производство. В данном отношении также необходимо отметить расширение географии участия и накопление совместного опыта межправительственного взаимодействия в рамках таких мировоззренчески противоположных США международных институциональных площадок, как ШОС и БРИКС (с января 2024 года являются полноправными членами БРИКС Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия,

¹ Currency Composition Of Official Foreign Exchange Reserves (COFER). (2024). International Monetary Fund. <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4/>.

а 22-24 октября 2024 года XVI саммит БРИКС в Казани посетили 36 делегаций из разных стран).

Применительно к оценке потенциальных и реальных перспектив реализации внутренней и внешней политики США также необходимо иметь в виду фактическую асимметричность и несоразмерность в количественном отношении воздействующих и обуславливающих факторов и обстоятельств (Ирхин, 2020, с. 110; Hirsch, 2023, р. 306). В данной связи составлять какие-либо прогнозные сценарии возможных и вероятных изменений в концептуальной архитектуре и институциональном дизайне внешнеполитического позиционирования США в рамках современных международных отношений представляется не вполне логичным ввиду неадекватности и неравнозначности. Тем не менее, некоторыми зарубежными научно-исследовательскими институтами и экспертными организациями проводится подобная работа – например, Geopolitical Intelligence Services AG (GIS) представляются доводы в пользу сохранения американского геополитического доминирования и потери США сформированного в течение последних десятилетий глобального политического потенциала в соотношении 60% против 40% соответственно¹. Подобную аналитику также приводят специалисты Center For Strategic & International Studies (деятельность признана нежелательной в Российской Федерации) в рамках формирования двух проблемных областей стабилизации американского мирового политического влияния (использование личных связей 47-го президента США в постконфликтном политическом регулировании и восстановление американской национальной экономики)².

В любом случае сохранение статус-кво и при наилучшем расчете повышение устойчивости политических позиций США возможны только при условии отказа американской политической элиты от некоторых демонтирующих сюжетных линий: использование бинарного образа мышления (по умолчанию деление международного сообщества по принципу «Мы» и «Они»), формулирование устаревшей доктринальной основы принимаемых политических решений, усиление зависимости от политического иррационализма, проявление поведенческой некорректности (непоследовательности) предпринимаемых политических действий, недопущение потенциально возможных альтернативных вариантов применительно к структуре межгосударственного взаимодействия и т.д. Также все более стабильной становится

¹ The United States As A Sulking Superpower. (2025). <https://www.gisreportsonline.com/r/the-u-s-global-leadership-superpower/>.

² Toward A Foreign Policy Compromise In The Next Trump Administration. (2024). Center For Strategic & International Studies. <https://www.csis.org/analysis/toward-foreign-policy-compromise-next-trump-administration/>.

обусловленность в принципе направлений реализуемой американской политики не только программными установками республиканцев или демократов, имеющих большинство в Конгрессе США, но и внутрипартийными противоречиями – по конкретным положениям актуальной политической повестки США представители обеих американских политических партий формулируют беспрецедентно противоположные позиции (в частности, в ситуации с официальной дискурсивной практикой в пользу второй поправки к Конституции США и поддержкой оружейных лоббистов, что подтверждает политико-правовой кейс *National Rifle Association v. Vullo*, по которому Верховный суд США 30 мая 2024 года принял сторону истца, несмотря на решения нижестоящих судебных инстанций).

Безусловно, это напрямую воздействует на такие показатели политической системы США, как внутривластная стабильность и политико-историческая преемственность, поскольку происходит концептуализация специфики реализуемого американского политического курса имманентными параметрами доминирующей политико-идеологической принадлежности и конструируемых межпартийных отношений – например, с определенными оговорками для республиканцев характерны усиление конкурентных позиций национальной экономической системы США и рассмотрение американского внешнеполитического участия сквозь призму терминологии ресурсозатратности и конечной выгодоприобретательности, для демократов – имплементация глобальной политической проблематики (демократические права и свободы, экологические вопросы) на государственном уровне и гармонизация международных связей. Например, с 2021 года по инициативе Дж. Байдена проводится весьма амбициозное и вместе с тем дискуссионное мероприятие – *Summit Of Democracies*, однако в марте 2024 года общее количество участников составило около 30 представителей некоторых современных государств. Также в конце октября 2024 года в рамках *Investing In America* по предложению политической команды 46-го президента США было направлено около \$150 млн на государственное финансовое сопровождение федеральных проектов с целью перехода к использованию возобновляемых источников энергии и достижения нулевых выбросов в атмосферу CO₂, при этом аналогичные шаги в сентябре 2024 года были предприняты на местном уровне общим объемом чуть более \$7 млрд, хотя это неоднозначно воспринимается и оценивается в американском обществе. Наконец, более предметно обозначаются контуры политико-индивидуальной области, понимаемой в контексте преобладания конкретных субъективных целевых установок представителей политического руководства США (в рамках исследования социологической матрицы накануне прошедших в США 5 ноября 2024 года прези-

дентских выборов демонстрируется восприятие американскими гражданами, в частности, Д. Трампа сквозь призму его личностных характеристик и поведенческих особенностей), что также существенно дисбалансирует и атипизирует политическое проблемное пространство США, понимаемое, прежде всего, в контексте специфики американского президенциализма (Зазнаев, Сидоров, 2020, с. 293-294).

Что касается определения и обоснования точных и верифицируемых параметров изменения внешнеполитических позиций США в рамках современной системы международных отношений в сторону позитивизации либо негативизации, то предлагать какие-либо краткосрочные политические перспективы представляется по крайней мере иррациональным и даже ошибочным с научно-исследовательской точки зрения (Карпович, 2024, с. 9; Peters, 2022, р. 73). Вместе с тем можно предположить, что прежний транснационализм американского политического влияния перекалибровывается с позиции «безапелляционная активность» на позицию «осмысленная сдержанность» – ключевая аргументация состоит в поэтапном отступлении от присвоения политических ярлыков и собственного противопоставления влиятельной части международного сообщества (при этом остается открытым вопрос относительно соотносимости и связанности с принципами классической американской феноменологии экспансионистских политических действий). В качестве одних из наиболее явно и отчетливо проявляющихся индикаторов изменения внешнеполитического вклада США можно определить характер и объем системного экспоненциального участия в регулировании и эскалации (деэскалации) современных политико-региональных конфликтов. Главным образом это касается, во-первых, российско-украинского конфликта и, во-вторых, арабо-израильского конфликта.

Направления и рамочные условия формулирования и реализации внешней политики США в расчете на более-менее обозримую перспективу обуславливаются, во-первых, стабильностью и долгосрочностью достигнутого политического компромисса между республиканцами и демократами, во-вторых, доминантностью и исключительностью тех или иных государств на мировой политической арене. При всех возможных вариантах поддержка предлагаемых политических проектов США напрямую коррелирует со способностью американцев принимать волевые политические решения и нести системную ответственность за те или иные политические действия.

В данном контексте можно определить как минимум две основные модели развития политического потенциала США в рамках соответствующих трансформаций современного мироустройства: «бифуркационная» модель, в основе которой – тезис об исчерпываемости геополитических и геостратеги-

ческих ресурсов США как мирового политического лидера, что не предполагает восстановление прежних имперских позиций и знаменует отсутствие объективных возможностей для некоего политического реванша, и «циклическая» модель, объясняющая некоторую переходность политико-системного состояния США, связанную со сменой соответствующих этапов и, как следствие, с обновлением политико-технологического и политико-ресурсного бэкграунда. При этом в первом случае также возможны некоторые политические сценарии. В частности, можно говорить как о переустройстве американского политического сознания в сторону формирования единой согласованной позиции на межгосударственном уровне, так и о последующем углублении политического изоляционизма США. Однако есть реальные основания полагать, что большинство современных американских проблем находится преимущественно в идейно-ценностной плоскости, проявляющей недоговороспособность и конфликтогенность современного политического истеблишмента США.

Литература

- Blair, B. G. (2020). Loose cannons: The president and US nuclear posture. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 76(1), 14–26. <https://doi.org/10.1080/00963402.2019.1701279>
- Breshears, J. D. (2020). *American crisis: Cultural Marxism and the culture war: A Christian response* [Kindle Edition]. Center Point Publishing.
- Deudney, D. H., & Ikenberry, G. J. (2021). Getting restraint right: Liberal internationalism and American foreign policy. *Survival*, 63(6), 63–100. <https://doi.org/10.1080/00396338.2021.2006452>
- Ellis, C. R. (2021). *Putting inequality in context: Class, public opinion and representation in the United States* [Kindle Edition]. University of Michigan Press.
- Erlar, E. J. (2022). *The United States in crisis: Citizenship, immigration and the nation state* [Kindle Edition]. Encounter Books.
- Feezell, J. T., Glazier, R. A., & Boydston, A. E. (2021). Framing, identity and responsibility: Do episodic vs. thematic framing effects vary by target population? *Politics, Groups, and Identities*, 9(2), 347–368. <https://doi.org/10.1080/21565503.2019.1584751>
- Hirsch, H. N. (2023). One accident, one mistake: Evangelicals, religious establishment and American political development. *New Political Science*, 45(2), 306–334. <https://doi.org/10.1080/07393148.2023.2203058>
- Hudson, M. H. (2021). *Super imperialism: The economic strategy of American empire* (3rd ed.). Islet.
- Kassab, H. S. (2022). Internal security: The encroachment of state security on global liberty in a multipolar world. *Democracy and Security*, 18(2), 123–146. <https://doi.org/10.1080/17419166.2022.2074002>

Kaye, B. K., & Johnson, T. J. (2024). I can't stop myself! Doomscrolling, conspiracy theories and trust in social media. *Atlantic Journal of Communication*, 32(3), 471–483. <https://doi.org/10.1080/15456870.2024.2316844>

Lersch, K. M. (2024). An exploratory spatiotemporal analysis of domestic disturbance calls for service in 2020: The case of Tampa, Florida, USA. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 48(4), 375–390. <https://doi.org/10.1080/01924036.2022.2144396>

Marquardt, J. J. (2021). Leading by example, lighting the world: Open government, transparency and soft power in Obama's national security policy. *Democracy and Security*, 17(4), 356–398. <https://doi.org/10.1080/17419166.2021.1934671>

Moller, S. B. (2024). NATO's anniversary predicament. *Survival*, 66(3), 35–42. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2357477>

Peters, B. G. (2022). Can we be casual about being causal? *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 24(1), 73–86. <https://doi.org/10.1080/13876988.2020.1793327>

Pluta, A. C. (2023). *Persuading the public: The evolution of popular presidential communication from Washington to Trump* [Kindle Edition]. University Press of Kansas.

Stephan, P. B. (2023). *The world crisis and international law: The knowledge economy and the battle for the future* [Kindle Edition]. Cambridge University Press.

Баранов, Н. А. (2023). Мировая политика в условиях геополитической неопределенности: тренды и перспективы. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 19(3), 486–504. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.309>

Жильцов, С. С. (2022). Арктическая стратегия США: новые задачи. *Проблемы постсоветского пространства*, 9(4), 374–386. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-374-386>

Жильцов, С. С. (2021). Китай на пути к лидерству: роль инициативы «Один пояс – один путь». *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 4(30), 207–215.

Зазнаев, О. И., & Сидоров, В. В. (2020). Президентская ли парламентская система: что препятствует этническому конфликту? *Политическая наука*, (4), 290–308. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.14>

Ирхин, Ю. В. (2020). Повышение роли женщин в президентских выборах в США. *Социально-гуманитарные знания*, (2), 110–117.

Кислицын, С. В. (2021). Республиканская партия США и проблемы идентичности. *США и Канада: экономика, политика, культура*, (9), 31–53. <https://doi.org/10.31857/S268667300016431-4>

Коньшев, В. Н., & Сергунин, А. А. (2024). Российско-американское научное сотрудничество в Арктике. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 29(1), 138–144. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12>

Печатнов, В. О. (2020). США в тисках кризисов. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(10), 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16>

- Супян, В. Б. (2022). Экономика Байдена: итоги первого года. *США и Канада: экономика, политика, культура*, (5), 5–19. <https://doi.org/10.31857/S2686673022050017>
- Шаклеина, Т. А. (2021). Дональд Трамп и «новый популизм» в Америке. *ПОЛИС. Политические исследования*, (5), 176–183. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.12>.

References

- Baranov, N. A. (2023). Mirovaya politika v usloviyakh geopoliticheskoi neopredelennosti: trendy i perspektivy [World politics in conditions of geopolitical uncertainty: Trends and perspectives]. *Political Expertise: POLITEX*, 19(3), 486–504. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.309> (In Russ.)
- Blair, B. G. (2020). Loose cannons: The president and US nuclear posture. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 76(1), 14–26. <https://doi.org/10.1080/00963402.2019.1701279>
- Breshears, J. D. (2020). *American crisis: Cultural Marxism and the culture war: A Christian response* [Kindle Edition]. Center Point Publishing.
- Deudney, D. H., & Ikenberry, G. J. (2021). Getting restraint right: Liberal internationalism and American foreign policy. *Survival*, 63(6), 63–100. <https://doi.org/10.1080/00396338.2021.2006452>
- Ellis, C. R. (2021). *Putting inequality in context: Class, public opinion and representation in the United States* [Kindle Edition]. University of Michigan Press.
- Erlar, E. J. (2022). *The United States in crisis: Citizenship, immigration and the nation state* [Kindle Edition]. Encounter Books.
- Feezell, J. T., Glazier, R. A., & Boydstun, A. E. (2021). Framing, identity and responsibility: Do episodic vs. thematic framing effects vary by target population? *Politics, Groups, and Identities*, 9(2), 347–368. <https://doi.org/10.1080/21565503.2019.1584751>
- Hirsch, H. N. (2023). One accident, one mistake: Evangelicals, religious establishment and American political development. *New Political Science*, 45(2), 306–334. <https://doi.org/10.1080/07393148.2023.2203058>
- Hudson, M. H. (2021). *Super imperialism: The economic strategy of American empire* (3rd ed.). Islet.
- Irkhin, Yu. V. (2020). Povyshenie roli zhenshchin v prezidentskikh vyborakh v SShA [The increasing role of women in US presidential elections]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], (2), 110–117. (In Russ.)
- Kassab, H. S. (2022). Internal security: The encroachment of state security on global liberty in a multipolar world. *Democracy and Security*, 18(2), 123–146. <https://doi.org/10.1080/17419166.2022.2074002>
- Kaye, B. K., & Johnson, T. J. (2024). I can't stop myself! Doomscrolling, conspiracy theories and trust in social media. *Atlantic Journal of Communication*, 32(3), 471–483. <https://doi.org/10.1080/15456870.2024.2316844>
- Kislitsyn, S. V. (2021). Respublikanskaya partiya SShA i problemy identichnosti [The Republican Party of the USA and identity problems]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], (9), 31–53. <https://doi.org/10.31857/S268667300016431-4> (In Russ.)
- Konyshchev, V. N., & Sergunin, A. A. (2024). Rossiisko-amerikanskoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike [Russian-American scientific cooperation in the Arctic]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations], 29(1), 138–144. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12> (In Russ.)

Lersch, K. M. (2024). An exploratory spatiotemporal analysis of domestic disturbance calls for service in 2020: The case of Tampa, Florida, USA. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 48(4), 375–390. <https://doi.org/10.1080/01924036.2022.2144396>

Marquardt, J. J. (2021). Leading by example, lighting the world: Open government, transparency and soft power in Obama's national security policy. *Democracy and Security*, 17(4), 356–398. <https://doi.org/10.1080/17419166.2021.1934671>

Moller, S. B. (2024). NATO's anniversary predicament. *Survival*, 66(3), 35–42. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2357477>

Pechatnov, V. O. (2020). SShA v tiskakh krizisov [The USA in the grip of crises]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 64(10), 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16> (In Russ.)

Peters, B. G. (2022). Can we be casual about being causal? *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 24(1), 73–86. <https://doi.org/10.1080/13876988.2020.1793327>

Pluta, A. C. (2023). *Persuading the public: The evolution of popular presidential communication from Washington to Trump* [Kindle Edition]. University Press of Kansas.

Shakleina, T. A. (2021). Donald Trump and the "new populism" in America. *POLIS. Political Studies*, (5), 176–183. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.12> (In Russ.)

Stephan, P. B. (2023). *The world crisis and international law: The knowledge economy and the battle for the future* [Kindle Edition]. Cambridge University Press.

Supyan, V. B. (2022). Ekonomika Baidena: itogi pervogo goda [Biden's economy: Results of the first year]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], (5), 5–19. <https://doi.org/10.31857/S2686673022050017>

Zaznaev, O. I., & Sidorov, V. V. (2020). Prezidentskaya li parlamentskaya sistema: chto prepyatstvuetsya etnicheskomu konfliktu? [Presidential or parliamentary system: What prevents ethnic conflict?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], (4), 290–308. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.14> (In Russ.)

Zhil'tsov, S. S. (2022). Arkticheskaya strategiya SShA: novye zadachi [US Arctic strategy: New tasks]. *Problemy postsovetского prostranstva* [Problems of the Post-Soviet Space], 9(4), 374–386. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-374-386>. (In Russ.)

Zhil'tsov, S. S. (2021). Kitai na puti k liderstvu: rol' initsiativy «Odin poyas – odin put'» [China on the path to leadership: The role of the "One Belt, One Road" initiative]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World], 4(30), 207–215. (In Russ.)

Для цитирования: Шевченко, Е. С. Новые контуры внешнеполитического позиционирования США в рамках современного мирового политического процесса / Е. С. Шевченко // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 142–161. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-142-161.

СТАТЬИ

О.В. Попова

O. Popova

МЕТОДЫ ТОЧНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ОЦЕНКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?

METHODS OF THE EXACT AND NATURAL SCIENCES IN ASSESSING THE SOCIAL POLICY OF A MODERN STATE: MISSION IMPOSSIBLE?

Аннотация

Статья написана на основе материалов доклада автора на Втором международном конгрессе «Humanities vs Sciences & the Knowledge Accelerating in Modern World: Parallels and Interaction» (МФТИ, Москва и Долгопрудный, 30 сентября – 4 октября 2025 г.). В статье представлены различные подходы к определению сути и функций социальной политики современного государства, описаны современные типологии социальной политики. Особое внимание уделено стратегическим подходам к оценке качества социальной политики по отраслевым признакам, соотношению полученных результатов к вложенным затратам, степени реализации принципа социальной справедливости, возможности реализовать интересы и удовлетворить потребности различных социальных групп, институционализированных в социальные движения или общественные и общественно-политические организации. Показаны преимущества интегративного подхода с комплексной оценкой социальных потребностей населения конкретных территорий и технологии «дерево критериев», ориентированной на учет объективных показателей социально-экономического развития и состояния общественного мнения граждан. Выявлены преимущества и проблемы «внешней» и «внутренней» оценки результатов социальной политики. В статье показаны различные системы оценок социальных проектов, применяемых на уровне государства в целом, на региональном уровне, а также на уровне отдельных предприятий

Abstract

This article is based on the author's presentation at the Second International Congress "Humanities vs Sciences & the Knowledge Accelerating in the Modern World: Parallels and Interaction" (MIPT, Moscow, Dolgoprudny, September 30, 2025–October 4, 2025). The article presents various approaches to defining the essence and functions of the social policy of a modern state and describes modern typologies of social policy. Particular attention is paid to strategic approaches to assessing the quality of social policy by sectoral criteria, the ratio of results obtained to invested costs, the degree of implementation of the principle of social justice, the ability to realize the interests and meet the needs of various social groups institutionalized in social movements or public and socio-political organizations. The article demonstrates the advantages of an integrative approach with a comprehensive assessment of the social needs of the population of specific territories and the "criteria tree" technology, focused on taking into account objective indicators of socio-economic development and the state of public opinion. The advantages and problems of "external" and "internal" assessment of social policy results are identified. This article examines various systems for evaluating social projects applied at the national, regional, and enterprise (corporation) levels. It also addresses the appropriateness of using expert assessments in today's context. Considerable attention is paid to the use of methods from the natural

(корпораций). Ставится вопрос о корректности использования экспертных оценок в современных условиях. Значительное внимание уделено использованию при оценке социальной политики методов естественных и точных наук: экспериментам, статистическим методам анализа, построениям математических моделей. В статье поставлен вопрос о принципиальной возможности использования экспертами при оценке результатов реализации социальной политики методов искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

социальная политика, оценка эффективности, социальная справедливость, интегративный подход, экспертные оценки, математические модели, искусственный интеллект.

and exact sciences in social policy assessments, including experiments, statistical analysis, and mathematical modeling. The article also raises the question of whether experts can fundamentally use artificial intelligence methods to evaluate the results of social policy implementation.

Key words:

social policy, efficiency assessment, social justice, integrative approach, expert assessments, mathematical models, artificial intelligence.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-162-176>

Прошедший в период с 30 сентября по 4 октября 2025 года в «Московском физико-техническом институте (национальном исследовательском университете)» Второй международный конгресс «Humanities vs Sciences & the Knowledge Accelerating in Modern World: Parallels and Interaction» («Гуманитарные науки в сопряжении с естественными в контексте ускорения распространения знания в современном мире: параллели и взаимодействия») в очередной раз заставил представителей обществоведческих и гуманитарных наук задуматься о том, насколько в современных условиях востребовано применение методов точных наук для анализа социальных и политических процессов. Конгресс был проведен в рамках реализации государственной программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», национального проекта «Молодежь и дети», программы «Десятилетие науки и технологий в России» (2022-2031) а также при содействии «Физтех-Союза», «Института приграничного сотрудничества и интеграции», «Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований», Российской академии музыки им. Гнесиных, что подтверждает заинтересованность Российского государства и научной общественности в расширении инструментария изучения общественной сферы. В международном конгрессе приняли участие свыше 270 ученых из России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Бельгии, Бразилии, Великобритании, Египта, Индии, Ирака, Казахстана, КНР, Монголии, ОАЭ, Франции, Сингапура, Сирии, США, Швейцарии, Японии.

При всем многообразии современных методологий в общественных науках, «тень» Огюста Конта, считавшего обязательным условием изучения социума использование инструментария наук фундаментальных, периодически заставляет задуматься, что объективно и качественно используется или может использоваться из арсенала области научного знания, привыкшего несколько снисходительно смотреть на усилия исследователей по изучению процессов отнюдь не эфемерных, но сложно подвергающихся строгой операционализации и оценке, а, тем более, измерению. Данная статья написана на основании сделанного автором статьи доклада на Втором международном конгрессе «Humanities vs Sciences & the Knowledge Accelerating in Modern World: Parallels and Interaction»; определенный вклад в него внесли и многочисленные обсуждения с коллегами в ходе этого интереснейшего научного мероприятия.

В рамках статьи мы не планируем рассказывать подробно о состоянии современной социальной политики, поскольку эта тема постоянно актуализируется в научных работах экономистов, социологов, политологов, а также является значимым компонентом внутренней политики любого государства и потому находит отражение в официальном политическом дискурсе и в выступлениях различных политических акторов. Статья посвящена обсуждению вопроса о возможностях корректного использования методов точных и естественных фундаментальных наук в оценке социальной политики, ее цель – показать актуальный и перспективный набор инструментов для экспертной оценки.

Теоретическая рамка исследования

Как направление деятельности государства, социальная политика — явление относительно новое. Сам термин «социальная политика» появляется как важнейшая устойчивая характеристика внутренней политики государства, да и как научная категория лишь в середине XX в. Став важнейшим направлением политики в современном государстве, изначально эта сфера целью государства не была (Примышев, 2020, с. 153). В настоящее время изучением социальной политики занимаются многие направления современной науки: экономика, социология, политология и т.д. У ученых до сих пор на слуху появившийся в 1970-х годах концепт «государство всеобщего благосостояния», в предельном своем выражении проявившийся в доходящей до 50% от доходов системе налогов в Скандинавских государствах, львиная часть которых направляется именно на социальные программы (Baldock, Manning, Miller, Viskerstaff, 2007). Представители общественных наук продолжают обсуждать три варианта концепции «социального государства», тесно связанного с темой социальной политики (Клишас, 2022), и т.д.

Социальная политика как комплекс мер по обеспечению достойного уровня жизни населения в целом и защите социально уязвимых групп общества с целью поддержания социальной и политической стабильности, реализуется в современном государстве не только собственно органами управления, но и различными социальными (например, церковью, благотворительными организациями, социальными движениями и т.д.) и политическими институтами (партиями).

При всем многообразии реализуемых целей социальной политики в обязательный декларируемый набор входят создание условий для самореализации каждого или большинства членов общества, рост благосостояния населения, снижение уровня бедности и экономического и социального неравенства, контроль за регулированием процессов социальной дифференциации общества, в т.ч. доходов экономически активного населения и нетрудоспособных граждан (Социальное неравенство..., 2021).

Вне зависимости от того, позиционируют ли органы власти свою страну как «социальное государство», «государство всеобщего благосостояния» или избегают каких-либо обозначений, декларируемые базовые принципы современной социальной политики в большинстве случаев включают следующие пункты: ответственность государства и уполномоченных им структур за социальное обеспечение граждан (Бедность и бедные..., 2014); доступность материальных и нематериальных благ, простота их получения нуждающимися группами и отдельными гражданами; всеобщность социального обеспечения без каких-либо ограничений (отличия касаются преимущественно типа и объема получаемых социальных благ); гибкость, адаптивность социальной защиты с учетом текущих условий и возможностей государства; справедливость как единообразное отношение ко всем социальным группам без выделения особых привилегированных слоев или отдельных граждан. Ожидаемые правительствами государств результаты проведения социальной политики касаются, скорее, политической сферы. К ним можно отнести обеспечение социальной и политической стабильности, избегание рисков роста политической напряженности, рост показателей политической лояльности, увеличение персонального и институционального политического доверия населения.

Социальная политика представляет собой настолько сложносоставной феномен, что при ее анализе необходимо учитывать многообразные формы и элементы. Даже простая ее типологизация требует рассмотрения этого феномена, как минимум, по трем критериям: по уровням (государственная, региональная, локальная), по областям применяемых мер (право, экономика, административно-распорядительная сфера и т.д.), по направлениям (здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, трудовые

отношения, социальная защита детей, поддержка социально уязвимых групп, поддержка групп, оказывающих в определенный период времени государству особые услуги и т.д.).

Неоднородность практик реализации социальной политики в разных государствах требует выделения различных моделей. В данном вопросе мнения ученых разделяются. Наиболее часто в научной литературе встречаются три версии классификации; две из них бинарные, а третья включает 4 пункта и опирается либо на идеологические основания, либо содержит отсылку к географическим обозначениям. Согласно первому варианту классификации, следует говорить о рыночной и социально-ориентированной государственной социальной политике. Если при рыночной стратегии реализации социальной политики государство предоставляет субсидии, налоговые льготы, страхование лишь отдельным нуждающимся социальным группам, то социально-ориентированная стратегия направлена на поддержание мощной организованной системы социальной поддержки значительной или даже большей части населения. Вполне естественно, что вне зависимости от степени распространения у граждан патерналистского типа массового сознания, наиболее приемлемой считается социально-ориентированная модель. Вторая дихотомическая классификация делает отсылку к начальным периодам формирования моделей социальной политики. Согласно этому подходу, следует выделять континентальную модель (модель Бисмарка), построенную на организации взаимной помощи и страхования всего работающего населения, при которой пособия назначаются только работающим людям в зависимости от их положения и дохода, и атлантическую модель (модель Беверджа), базирующуюся на комплексном принципе обеспечения минимального бюджета потребления всех граждан страны.

В третьем варианте классификации выделяют четыре типа моделей социальной политики. При социал-демократической, солидарной модели (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция) государство полностью контролирует всю систему социальной защиты; социальные выплаты гарантированы всем гражданам страны вне зависимости от занятости, рода деятельности, стажа, объема страховых взносов. В консервативной, континентальной модели (Германия, Нидерланды, Франция, Швейцария) наблюдается сильное влияние государства на систему социальной защиты и перераспределение финансовых средств; потребности человека удовлетворяются прежде всего в сферах обязательного медицинского и социального страхования, системе пенсионного обеспечения, выплатах по безработице и т.д. с учетом стажа работы и показателей производительности его труда. В либеральной модели (Великобритания, Ирландия, США, Япония, Канада) доминирует принцип со-

лидарности на основе взаимной помощи друг другу; система социальных прав населения и ответственности государства оцениваются как ограниченные или отсутствуют полностью. Рудиментарной считают южноевропейскую, средиземноморскую модель (Греция, Испания, Италия, Португалия), в которой государство почти или практически совсем не участвует в системе социальной защиты. При такой схеме все проблемы должны решать родственники или семья. Система социальной защиты направлена на сохранение рабочих мест и вытеснение возрастных работников с рынка труда; социальные пособия выплачиваются выборочно и распределяются неравномерно.

Дискуссия о классификации видов социальной политики в современных государствах порождает многочисленные авторские типологии, которые по заложенным критериям оценки принципиально не отличаются от уже названных выше. Так, например, Р. Тимус выделяет резидуальную (государство временно активизирует социальные программы, если рынок и семья не могут обеспечить необходимый минимальный уровень социального благополучия населению), меритократическую (поддержку от государства получают наиболее заслуженные его граждане, чья деятельность оценивается как ценная) и институциональная модели (государство обеспечивает всеобщую социальную защиту). Н. Мэннинг пишет о плюралистической, марксистской, корпоративной и модели элит. Ю.Л. Балюшина считает значимыми либеральную (остаточную), патерналистическую (государственно-перераспределительную), индустриальную и постиндустриальную модели (Давитадзе, Мараков, 2023, с. 18-21).

Важно, что всегда основным субъектом социальной политики вне зависимости от модели является государство и запрос на экспертизу ее эффективности исходит чаще всего именно от государственных управленческих структур.

Технологии анализа социальной политики

За то время, когда социальная политика стала значимым направлением внутренней политики государства, сложились две системы оценок эффективности социальных программ. Одна из них, внутренняя, осуществляется должностными лицами государственных управленческих структур. Вторая, внешняя, в рамках проведения независимого мониторинга опирается на оценки ученых и общественных экспертов, а также представителей частных организаций.

Чаще всего практика анализа социальной политики опирается на оценку результативности и эффективности конкретных программ и проектов. Поскольку цель социальной политики – повышение уровня различных

показателей качества оказываемых публичных услуг в сфере экономики общественного сектора, то в основе оценки традиционно лежит количественный учет показателей достижения поставленных целей и выполнения задач при установлении уровня использованных исходных ресурсов в рамках конкретных программ. Стратегия оценки – сопоставление реально полученных промежуточных и итоговых результатов с запланированными показателями предоставления публичных услуг в рамках реализации социальных программ на уровне государства или отдельных административных территориальных единицах субнационального уровня (Елсукова, Кайль, Епинаина, 2021, с. 3). В качестве ключевого показателя используются процентные параметры выполнения отдельных заявленных целевых показателей и их соответствие или несоответствие фактически полученным показателям.

Технологии оценивания различаются существенно. Особого внимания заслуживают критерии эффективности социальной политики. Современная научная литература позволяет выделить несколько вариантов.

Во-первых, речь может идти о группировке показателей по значимым отраслевым признакам. Иногда этот наиболее распространенный и формально легкий способ называют стратегией оценки по «валовому» принципу. Для него исключительно важны такие количественные показатели, как: доля бедных среди населения территории; показатели занятости и безработицы среди трудоспособного населения; суммарный показатель получающих различные социальные пособия льготников; наличие достаточного количества койко-мест в стационарных лечебных учреждениях; количество прошедших медицинскую реабилитацию в санаторно-курортных учреждениях людей и т.д. Критики этого подхода считают такие показатели разрозненными, несистемными, а политику ориентированной лишь на отдельные социальные группы. В результате действительно увеличивается объем оказываемой социальной поддержки в целом, но это не гарантирует постоянно требуемого в современных условиях роста качества управления в области государственной социальной политики.

Вторым традиционным вариантом является так называемый «экономический подход», при котором основное внимание исследователей сосредоточено на выяснении соотношения материальных, финансовых, кадровых, информационных и т.д. затрат на реализацию социальных проектов и полученных в итоге результатов. В целом этот подход хорош, однако сфера его применения остается ограниченной из-за необходимости длительного периода получения конечного результата.

Третий, так называемый «социальный подход» базируется на стремлении обеспечить соответствие социальной роли и социального положения

различных групп и отдельных людей, учитывая их права и обязанности, объем и характер деятельности, а также оценки ее результатов. В этом случае можно говорить об идеологии справедливого распределения социальных благ, попытки развития человеческого потенциала на основе создания равных или примерно равных возможностей, соблюдения всей совокупности прав личностей и групп.

Четвертый подход, который условно называют «социально-политическим», фиксируется на возможности реализовать интересы и удовлетворить потребности различных групп, институционализированных в социальные движения или общественные и общественно-политические организации. Фокус внимания в данном случае смещается на необходимость выявления характера отношения целей государственного управления с общественными запросами; наиболее важным показателем в данном случае считают участие большого числа людей, групп, организаций в системе государственного управления социальными проектами.

Наиболее сбалансированным считается «интегральный подход», который опирается на систематизацию информации о потребностях населения в социальных услугах. Наиболее существенными являются показатели имущественного положения, состоянии здоровья, качества условий проживания. Степень социальных лишений обычно измеряется по методике «Градусник социальной ситуации». В результате сбора подобной информации создается единый электронный банк данных в конкретных территориально-административных образованиях.

Более сложной комплексной методикой считается «дерево критериев» с выделением четырех уровней (или этапов) решения социальных задач. Первый уровень ориентирован на выявление эффективности реализации государственной социальной политики в целом. Существенным показателем считается прирост показателей уровня благосостояния населения, в частности, определяются доли населения, чьи доходы выше и ниже реального прожиточного минимума. Вторым объектом оценки выступает эффективность деятельности социальных служб. В данном случае традиционно рассчитывается соответствие объемов оказываемых социальных услуг потенциальной необходимости и возможности их предоставления. Используются, в частности, показатели экономической эффективности работы органов социальной защиты, опирающиеся на целевое использование выделенных бюджетных средств на конкретные проекты. Третьим значимым объектом оценивания является субъективное восприятие населением эффективности социальной политики на основе его собственного или абстрагированного опыта (пресловутого «общественного мнения»). Традиционно для решения этой задачи ис-

пользуются данные массовых опросов населения об удовлетворенности получаемыми государственными социальными услугами. Наконец, четвертым элементом считается эффективность управления системой социальной защиты. Она понимается как способность решать задачи, характеризующие инфраструктуру и ресурсы социальной политики. Вычисляются доля предусмотренных бюджетом на социальную защиту средств, численность социальных работников, наличие региональных социальных программ по социальной защите конкретных групп населения, оценивается развитость инфраструктуры социальной защиты и т.д. Важным принципом этого подхода является то, что в процессе анализа качества социальной политики в обязательном порядке применяются элементы управленческой, и общественной экспертизы.

Оценка эффективности социальной политики относится к области достаточно внутренне напряженной, спорной. Очевидны сложности, возникающие в процессе этих подсчетов. На наш взгляд, наиболее остро стоит вопрос о надежности (валидности) оцениваемых параметров реализации социальной политики, которые максимально могут повлиять на результат. Не менее ясна и проблема доминирования практики оценок «изнутри» реализующих социальные проекты организаций, в т.ч. пресловутого параметра «освоения» выделенных бюджетных средств. Более глобальной является проблема качества экспертизы социальной политики.

После почти тотальной интернетизации и цифровизации нашей жизни в последние десять лет исследователи всерьез озабочены поиском ответа на вопрос, не девальвировалось ли и существует ли реально экспертное знание? Иллюзия всеобщей доступности информации почти в любой сфере знания создает ложное впечатление, что эксперты как таковые не нужны и рядовой пользователь интернета в состоянии сформировать максимально объективное представление практически в любой области человеческой деятельности. Обсуждение этой темы в научном сообществе поднималось уже около 10 лет назад, когда обрабатывалось около половины вновь создаваемого информационного контента. Сейчас этот показатель приближается к 100%, однако аргументы Т. Николса по поводу принципиального различия доступности информации, обладания возможностью прочитать информацию и экспертным знанием все еще остаются актуальными (Николс, 2019).

Кто может реально выступать экспертами в оценке социальной политики? Ответ напрашивается сам собой: разрабатывающие стратегию и показатели социальной политики сотрудники органов власти, работники реализующих конкретные социальные проекты организаций, а также рядовые граждане, поскольку именно на них направлена социальная политика, именно они «потребляют» ее продукцию. С этим сложно не согласиться, од-

нако каждая из этих социальных групп видит только свой сегмент социальной политики, а критерии ее оценки воспринимает только со своей статусной и профессиональной позиции. Как и в несколько предыдущих десятилетий, наиболее объективную оценку состояния и тенденций развития социальной политики в настоящий момент могут дать представители общественных наук, ученые-эксперты.

К наиболее часто используемым методам оценки относятся количественные и качественные способы получения объективированной информации о социальных процессах, комплексный анализ научно-теоретической и практико-ориентированной информации, официальных статистических данных, методы прогнозирования. Но ключевые вопросы для ученых и политиков при оценке результатов социальной политики различаются. Если для ученых в первую очередь важна степень устранения социальных проблем (Яковлев, 2021), на которые ориентированы социальные программы, то для политиков гораздо более важно понять, каковы минимально необходимые средства для достижения приемлемого (заметного) эффекта конкретной программы.

На региональном уровне последние 6 лет в нашей стране оценка реализации социальной политики осуществляется на основе 15 унифицированных показателей управленческой эффективности, зафиксированных в Указе Президента РФ №193 от 25.04.2019¹. В практиках оценок акцент может делаться на изменении показателей во времени, на межтерриториальные сравнения, на преодоление определенных «пороговых» значений и т.д. (Сюпова, 2021).

Широко используются такие экономические показатели, как коэффициент Джинни, децильный коэффициент, ВВП на душу населения, ССЖ (стоимость жизни населения, рассчитываемая как произведение средней ожидаемой продолжительности жизни в стране и отношение совокупного валового продукта к общему числу жителей государства). Популярно использование предложенного ВОЗ коэффициента жизнеспособности населения, разработанный в ООН индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), предложенная Г.В. Осиповым методика измерения социального состояния общества, предложенный в ИСПИ РАН В.К. Левашовым интегральный индекс социально-политической устойчивости общества (ИСПУ) (Щербаков, Родина, 2015, с. 21).

Подробнее методика оценки качества реализации социальной политики на уровне корпораций описывается в работах экономистов.

¹ Указ Президента РФ от 25.04.2019 №193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». (2019). Собрание законодательства РФ, 17, 2078.

Наиболее важными показателями считаются: отношение размера фонда социальных выплат к размеру зарплат, показатель «годовых затрат на медицинское и санаторно-курортное обслуживание на одного работника корпорации», затраты на жилье сотрудников и затрачиваемые суммы на пенсионную программу корпорации в пересчете на одного работающего на предприятии пенсионера (Бобров, 2017, с. 97).

Зарубежный опыт оценки реализации социальных программ демонстрирует достаточно неожиданные показатели, например, акцентируется необходимость поддержания определенного уровня экологической безопасности за счет применения электронно-цифровых технологий и коммуникаций так называемого «зеленого» менеджмента. Наиболее очевидным примером является применение энергосберегающих технологий и рациональное использование ресурсов при высоком уровне удовлетворения социально-экономических потребностей населения (Елисеева, 2015).

От индикаторных технологий оценки социальной политики к новым исследовательским практикам

Фактически только классический вариант методологии позитивизма, который создал еще в 1830-х гг. О. Конт, убежденный в возможности изучать социум и социальные процессы так, как это делают представители точных и естественных наук с помощью строго определенного набора количественных методов, опирался на идею единства исследовательского инструментария всех наук: естественных, точных, общественных, гуманитарных. С того времени прошло практически 200 лет. Мы видим, что десятки лет представители фундаментальных наук с подчас нескрываемой иронией пытаются пресекать любые разговоры о применении их инструментария обществоведами для оценки социально-политических явлений, в т.ч. и социальной политики. Но это не вполне справедливая точка зрения.

Самым спорным, по мнению представителей фундаментальных наук, является, конечно, использование обществоведами экспериментального метода. На это можно возразить, что предложенная Д. Кэмпбеллом типология 16 сценариев экспериментов в социальных науках с различными показателями внутренней и внешней валидности вполне позволяет выбрать варианты, в максимальной степени соответствующие научным требованиям. Наилучшие и надежные модели – это, конечно, три истинных экспериментальных плана (прежде всего, план Соломона), но при работе с данными государственной статистики, конечно, годятся и некоторые другие варианты, например эксперимент по типу временных серий.

В общественных науках с конца XIX века начали применять многочисленные статистические методы анализа данных: сначала корреляционный, затем регрессионный, кластерный, дискриминантный анализ, многомерное шкалирование, путевой анализ (пат-анализ, причинный анализ). Специализированные статистические приемы анализа динамических рядов, отражающие результаты реализации социальной политики, многие десятилетия успешно применяются в ее оценке.

Еще одной широко используемой технологией является сложное системное математическое моделирование, учитывающее нелинейное развитие общественных процессов, точки бифуркации в трендах трансформации состояния социума, неявные и отдаленные последствия реализации социальных программ и ее изменения. Но здесь необходимо уточнить, что без помощи программистов не обойтись, а оптимальный способ сбора информации сегодня – это уже не данные официальной статистики, а технологии, которые используются в работе с Большими Данными (BD), собираемыми в интернет-пространстве автоматически, в режиме реального времени, без какой-либо выборки (т.н. «ковровое покрытие информации»). Для оценки качества социальной политики могут быть полезными интернет-данные об обращении в органы социальной защиты, показатели поисковых запросов в онлайн-пространстве и т.д. Практика широкого внедрения математического моделирования предполагает смещение фокуса на прогнозирование социальных изменений.

Особый объект внимания экспертов – программы искусственного интеллекта (ИИ) как средство формирования объективной оценки качества и результативности социальной политики. Этот инструмент относится строго к области точных наук, однако с самого начала своего внедрения активно используется и учеными-обществоведами. Безусловно, при применении ИИ для оценки социальной политики эксперты уже в ближайшее время столкнутся с такими юридическими проблемами, как: возможность/необходимость патентования промтов, авторское право на результаты ИИ, возможность использования ведомственных и закрытых данных о состоянии социума для обучения моделей. Еще одна важная проблема, которую предстоит решить ученым в связи с использованием ИИ в оценке результатов социальной политики, это кризис доверия, поскольку искусственный интеллект способен генерировать правдоподобные данные, изображения и тексты; остро стоит вопрос о формализации процедур проверки и стандартов подтверждения истинности заключений ИИ. Непрозрачность выставления ИИ той или иной оценки реализации социальной политики (проблема «черного ящика») пока остается «узким» местом. Остро стоит вопрос о разработке узкоспециализированных агентов для решения конкретных профессиональных задач.

Кроме того, есть сложности, которые ИИ без «настройки» ученого абсолютно безукоризненно избежать пока не может. Они связаны с определенными ограничениями получения точной информации о состоянии социума для оценки качества социальной политики и подчас непонимание спектра необходимых и достаточных характеристик ее состояния, результативности и эффективности. Актуальна проблема интерпретации смысла полученных с помощью ИИ выводов; многозначность, культурные коды, необходимость рассматривать результаты социальной политики в определенной системе стартового отсчета с учетом наличных ресурсов не только предполагают сохранение ключевой роли эксперта-ассессора, но и порождают требование дополнительного контроля качества работы экспертов.

Специалисты в области ИИ пишут о практическом исчерпании объема доступных открытых данных в интернете, на которых уже обучены современные крупные языковые модели (LLM), о прохождении этапа развития от интерпретируемых логических систем и экспертных моделей к неинтерпретируемым нейросетям и большим языковым моделям (LLM). В ближайшей перспективе предполагается переход к этапу самоинтерпретируемого ИИ, когда системы будут способны анализировать и объяснять собственные процессы с помощью взаимодействия друг с другом.

Специалисты в области ИИ предупреждают о неизбежности новой цифровой стратификации социальных групп в связи с перераспределением ролей в самом ближайшем будущем, о формировании общества, где социальное неравенство будет всё больше определяться уровнем технологической оснащённости деятельности и способностью людей интегрировать ИИ в профессиональную сферу. Рост риска усиления социальной поляризации между «включёнными» и «уязвимыми» группами, существенно различающимися медиаграмотностью, критическим мышлением, навыками «цифровой гигиены» в условиях тотальной цифровизации неизбежно приведет к изменению запроса на различные программы в рамках социальной политики.

Очевидно, что экспертиза социальной политики может и должна проводиться не отдельным ученым, а группой заинтересованных ученых, одновременно владеющих научными технологиями и теми видами анализа, на которые было указано в статье, и понимающих суть социальных процессов и социальной политики. Необходимо со всей ответственностью признать, что сфера оценки результатов проводимой в государстве социальной политики — не пространство для публичного красования и самолюбования на телеэкранах или в видеороликах в интернет-пространстве «говорящих голов», а область серьезнейшего анализа ученых на стыке применения методов социальных, точных и естественных наук.

На наш взгляд, общими проблемами экспертной оценки социальной политики вне зависимости от используемых учеными методов остаются разночтения в понимании сути, цели, задач и наиболее релевантной сегодняшнему дню модели социальной политики, «плавающие» индикаторы и большое количество косвенных показателей итогов социальной политики. Определенные сложности создают, наконец, различные методологические подходы, которыми руководствуются ученые. Но насколько сложной, да и спорной ни казалась бы область применения ВД и ИИ для оценки качества социальной политики, это то самое «завтра», которое уже наступило.

Литература

Baldock, J., Manning, N., Miller, S., Viskerstaff, S. (2007). The politics of welfare. Social Policy. Oxford: Oxford University Press, 50–51.

Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. (2014). М.: Весь мир, 320 с.

Бобров, Д. В. (2017). Корпоративная социальная политика как фактор повышения эффективности воспроизводства человеческого потенциала: инновационные методы анализа и оценки. Теории и проблемы политических исследований, 6, 2А, 92–103.

Давитадзе, М. Д., Мараков, З. Ю. (2023). Анализ моделей социальной политики зарубежных стран на примере шведской модели. Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки, 3 (39), 17–24. DOI 10.21777/2587-9472-2023-3-17-24.

Елисеева, Е. А. (2015). Социальная политика в странах Западной Европы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та управления и экономики.

Елсукова, Ю. Ю., Кайль, Я. Я., Епинина, В. С. (2021). Особенности оценки эффективности и результативности программ социальной политики субъектов РФ. Региональная экономика и управление: электронный научный журнал, 3 (67), 1–11. URL: <https://eee-region.ru/article/6708/>.

Клишас, А. А. Современная концепция социального государства. (2022). М. Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ.

Николс, Т. (2019). Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания. М.: Бомбора.

Примышев, И. Н. (2020). Теоретико-методологический базис формирования социальной политики государства. Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность, 5, 2, 152–159. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-52-152-159.

Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / под общ. ред. Н. Г. Осиповой (2021). М.: Перспектива.

Сюпова, М. С. (2021). Качество жизни как критерий оценки эффективности социальной политики региона. Вестник ТОГУ, 1 (60), 127–136.

Щербаков, Г. А., Родина, В. Н. (2015). Методы социологического исследования социальной политики. Современные проблемы науки и образования, 2, 1.

Яковлев, Л. С. (2021). К вопросу о методологии оценки социально-экономической эффективности социальной политики. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием ИНИОН РАН, 16, 1, 274–278.

References

- Baldock, J., Manning, N., Miller, S., Viskerstaff, S. (2007). The politics of welfare. *Social Policy*. Oxford, 50–51.
- Bobrov, D. V. (2017). Corporate social policy as a factor in increasing the efficiency of human potential reproduction: innovative methods of analysis and evaluation. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 6, 2A, 92–103. (In Russ.)
- Davitadze, M. D., Marakov, Z. Yu. (2023). Analysis of Social Policy Models of Foreign Countries Using the Swedish Model as an Example. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.YU. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskiye nauki*, 3 (39), 17–24. DOI 10.21777/2587-9472-2023-3-17-24 (In Russ.)
- Eliseeva, E. A. (2015). *Sotsial'naya politika v stranakh Zapadnoy Yevropy* [Social policy in Western European countries]. Sankt-Peterburg. (In Russ.)
- Elsukova, Yu. Yu., Kail, Ya. Ya., Epinina, V. S. (2021). Features of assessing the effectiveness and efficiency of social policy programs of the constituent entities of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 3 (67), 1–11. Publication date: 25.08.2021. URL: <https://eee-region.ru/article/6708/> (In Russ.)
- Gorshkov, M.K., Tikhonova N.E. (ed.). (2014). *Bednost i bednye v sovremennoy Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia]. Moskva. (In Russ.)
- Klishas, A. A. (2022). *Sovremennaya kontseptsiya sotsial'nogo gosudarstva* [The modern concept of the welfare state]. Moskva. (In Russ.)
- Nikols, T. (2019). *Smert' ekspertizy. Kak internet ubivayet nauchnyye znaniya* [The Death of Expertise: How the Internet is Killing Scientific Knowledge]. Moskva. (In Russ.)
- Osipova, N. G. (red.) (2021). *Sotsial'noye neravenstvo v sovremennom mire: novyye formy i osobennosti ikh proyavleniya v Rossii* [Social Inequality in the Modern World: New Forms and Features of Their Manifestation in Russia]. Moskva (In Russ.)
- Primyshev, I. N. (2020). Theoretical and methodological basis for the formation of state social policy. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 5, 2, 152–159. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-52-152-159. (In Russ.)
- Shcherbakov, G. A., Rodina, V. N. (2015). Methods of sociological research of social policy. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2 (1). (In Russ.)
- Syupova, M. S. (2021). Quality of life as a criterion for assessing the effectiveness of regional social policy, *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (60), 127–136. (In Russ.)
- Yakovlev, L. S. (2021). On the Methodology for Assessing the Socioeconomic Effectiveness of Social Policy. Russia: Development Trends and Prospects. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik: materialy XX Natsional'noy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*, 16, 1, 274–278. Moskva.

Для цитирования: Попова, О. В. Методы точных и естественных наук в оценках социальной политики современного государства: миссия невыполнима? / О.В. Попова // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 162–176. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-162-176.

В.И. Буренко**V. Burenko****ВЫПУСКНИКИ
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА КАК
ИССЛЕДОВАТЕЛИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ****GRADUATES OF MOSCOW
UNIVERSITY AS
RESEARCHERS IN
POLITICAL SCIENCE AND
HISTORY OF SOCIO-
POLITICAL THOUGHT****Аннотация**

Исследование посвящено анализу вклада выпускников Московского университета в развитие политической науки и истории общественно-политической мысли в России. Актуальность работы обусловлена юбилейной датой 270-летием МГУ, а ее научная значимость связана с необходимостью системной оценки роли ведущего университета страны в формировании национальной политологической традиции.

Целью статьи является эмпирическая проверка гипотезы о том, что выпускники Московского университета традиционно занимали и продолжают занимать лидирующие позиции в производстве теоретически значимых знаний в области политики.

Для достижения цели был использован комплекс методов: метод квантификации для статистического анализа данных, биографический метод для реконструкции образовательного пути авторов, сравнительный метод для оценки вклада выпускников МГУ на фоне других учебных заведений и экспертный метод, основанный на допущении, что включение текста в авторитетные антологии является индикатором его научной значимости.

Проведенный анализ выявил устойчивую положительную динамику доли выпускников МГУ среди авторов, представленных в антологиях. Особое внимание уделено трагическим судьбам репрессированных ученых университета в советский период.

На основе проведенного анализа делается вывод о доминирующей роли Московского университета как главной кузницы кадров и генератора идей для российской политической науки на протяжении всей

Abstract

The study analyzes the contribution of graduates of Moscow University to the development of political science and the history of socio-political thought in Russia. The relevance of the work is due to the jubilee date - the 270th anniversary of Moscow State University, and its scientific significance is associated with the need for a systematic assessment of the role of the country's leading university in the formation of the national political science tradition.

The purpose of the article is an empirical test of the hypothesis that graduates of Moscow University have traditionally occupied and continue to occupy leading positions in the production of theoretically significant knowledge in the field of politics.

To achieve this goal, a set of methods was used: the quantification method for statistical data analysis, the biographical method for reconstructing the educational path of the authors, a comparative method for assessing the contribution of MSU graduates against the background of other educational institutions, and an expert method based on the assumption that the inclusion of a text in an author's anthology is an indicator of its scientific significance.

The analysis revealed a steady positive trend in the proportion of MSU graduates among the authors featured in the anthologies. Special attention is paid to the tragic fates of the repressed universal scientists during the Soviet period.

Based on the analysis, a conclusion is drawn about the dominant role of Moscow University as the main forge of personnel and a generator of ideas for Russian politi-

ее истории. Исследование демонстрирует, что, несмотря на исторические катаклизмы, интеллектуальный вклад выпускников МГУ оставался системообразующим. Статья задает перспективу для изучения влияния этого феномена на современное состояние и преподавание политической науки в России.

cal science throughout its history. The study demonstrates that, despite the historical cataclysms, the intellectual contribution of MSU graduates remained system-forming. The article sets a perspective for studying the impact of this phenomenon on the current state and teaching of political science in Russia.

Ключевые слова:

Московский университет, политическая наука, общественно-политическая мысль, история политической науки, квантификация, антологии, научные элиты.

Key words:

Moscow University, political science, socio-political thought, history of political science, quantification, anthologies, scientific elites.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-177-185>

В истории рождения и развития большинства наук можно выделить их «отцов-основателей», далее, периоды или этапы институционализации процесса производства знаний, добываемых этими науками. В дальнейшем, с течением времени, когда у той или иной науки появляется история, тогда и возникают вопросы об основателях данной науки, её виднейших представителях, наиболее плодотворных учреждениях, институтах, университетах, научных школах, журналах и др.

История формирования и развития политической науки как самостоятельной дисциплины неразрывно связана с историей университетского образования и интеллектуальными биографиями ее ключевых фигур. Исследование роли ведущих образовательных центров в производстве и легитимации научного знания представляет собой важное направление в метанауке. В данном контексте Московский университет имени М.В. Ломоносова, как старейший и один из наиболее влиятельных университетов России, закономерно оказывается в фокусе научного интереса.

В представленном исследовании рассматривается вопрос о вкладе бывших выпускников, воспитанников Московского университета в разработку проблем политической науки и общественно-политической мысли.

Идея исследования обусловлена, с одной стороны, значимой юбилейной датой – 270-летием МГУ, отмечаемой в 2025 году, а с другой – сохраняющимся дефицитом системных количественных и качественных оценок вклада его выпускников в конкретные области научного знания, в частности, в политическую науку и историю общественно-политической мысли.

Автор статьи был студентом (1969-1974) и аспирантом (1974-1977) философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и восемь лет учёбы в университете, дальнейшее твор-

ческое общение с преподавателями университета – это бесценный эмпирический материал в том числе и для данной статьи (Полвека, с. 72 – 82).

Гипотезой исследования является предположение о том, что в разработке проблем политической науки и общественно-политической мысли в России ведущие позиции исторически принадлежали и продолжают принадлежать выпускникам Московского университета. Данная гипотеза основана на устоявшемся в академической среде представлении о МГУ как о «кузнице» научных и интеллектуальных элит страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1755 года, то есть, времени основания университета – и до середины первого десятилетия XXI века. Ограниченный объём статьи не позволял называть поимённо всех тех, бывших студентов университета, которые в дальнейшей своей научной карьере добивались заметных успехов в деле производства знаний о политике. Поэтому, ход и результаты исследования представлены с использованием метода квантификации, изложены в основном в цифровой форме, с небольшими комментариями.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания институциональных истоков и интеллектуальных траекторий развития российской политической науки. Практическая ценность состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории науки, в учебных курсах по политологии и истории общественной мысли, а также для формирования стратегий развития университетского политического образования.

Эмпирической базой исследования явились материалы трёх политических антологий: Антологии мировой политической мысли в 5 томах, руководитель проекта Г.Ю. Семигин (далее – АМПМ); пятитомной антологии Российская политическая наука под ред. А.И. Соловьёва (далее – РПН). Эта Антология взята за основу эмпирической базы, но поскольку в ней развитие политической мысли изложено с середины XIX века, постольку для анализа состава авторов и их публикаций с 1755 года и до середины XIX века были привлечены материалы АМПМ.

Для большей легитимации полученных выводов использована «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX в., в 118 томах» (далее – «БООМ»), которая, согласно оценкам авторитетных специалистов, «не имеет аналогов в мировой науке» и представляет «наиболее полную на сегодняшний день антологию трудов российских политических мыслителей» (Гаман-Голутвина, с. 147).

Как известно, в политологических, общественно-политических и других антологиях размещаются наиболее значимые тексты, позволяющие

представить состояние той или иной науки (в том числе политической) на разных этапах её зарождения и развития. При этом мы исходили из того, что составители антологий, члены редколлегий и т.п., являются компетентными и беспристрастными экспертами (экспертный метод) и осуществляют качественный отбор наиболее значимых трудов для размещения их в антологиях. Следовательно, мы исходим из допущения, что одним из важных индикаторов измерения значимости того или иного текста является факт его публикации в антологиях, хрестоматиях и т.п. Конечно, этот индикатор не является бесспорным. В любой науке существует немало высококлассных текстов, которым не находится места в антологиях и хрестоматиях, но они удовлетворяют другим показателям: теоретическая и практическая значимость, элементы новизны и др. Индикатор измерения значимости текста, который мы обосновали, важен для данной работы и вполне может быть использован для подобного рода исследований.

Таким образом, нерешенной проблемой является отсутствие верифицированного данными ответа на вопрос: в какой мере и на каких исторических этапах выпускники Московского университета доминировали в производстве ключевых текстов политической науки, признанных экспертным сообществом? Для достижения цели проведенного исследования необходимо было из всей совокупности исследователей, тексты которых представлены в указанных антологиях, выявить тех авторов, которые получали высшее образование в стенах Московского университета. Осуществить эту задачу можно было применив биографический метод, то есть, проследить жизненный путь авторов, тексты которых включены в антологии и выявить среди них долю тех исследователей, которые учились в Московском университете.

Итоги анализа материалов отмеченных антологий с использованием указанных методов представлены в обобщённой форме в таблице.

	Антология мировой полит. мысли в 5 томах	Антология «Российская политическая наука в 5 т.»				
	Том 3: использованы данные с 1755 по 1830-е гг.	Том 1 середина XIX-нач. XX в	Том 2 1920–1950-е гг.	Том 3 1960–1985 г.	Том 4 1985–1995г.	Том 5 1995–2006г.
Общее количество авторов, работы которых размещены в период...	31	46	32	35	39	48
Из них, количество и доля авторов, которые учились в Московском университете	6 (19,3%)	17 (37%)	15 (46,8%)	18 (51,4%)	22 (56,4%)	21 (43,7%)

Некоторые выводы и комментарии. Первым из студентов, выпускников Университета стал публиковать свои работы на общественно-политические темы В.Т. Золотницкий. Этот молодой человек в 1755 году был направлен из Киево-Могилянской академии на учёбу в Московский университет. Его первые публикации: «Новые нравоучительные басни» и «Сокращение естественного права» относятся к 1763-1764 гг. Выдержки из этих работ размещены в АМПМ (Золотницкий, с. 443-457).

Затем последовали публикации других студентов первых выпусков университета: И.А. Третьякова, С.Е. Десницкого, Д.И. Фонвизина, М.Н. Муравьёва, В.Ф. Малиновского. 31 автор этого периода (1755-1830) представлен решением экспертов в третий том АМПМ своими работами. Лишь 6 из них были выпускники Московского университета.

Понятно, что в это время университет ещё только набирал интеллектуальные силы, ещё только накапливал славу будущей кузницы научных кадров страны. Молодые люди из аристократических и знатных дворянских семей получали образование в других учебных заведениях: в Петербургской академии наук, действующей с 1724 года, в Славяно-греко-латинской академии – с 1687, в Кадетском корпусе Санкт-Петербурга – с 1731, в европейских учебных заведениях. Кроме того, в богатых дворянских семьях были сильны традиции домашнего образования. Так, среди авторов анализируемого периода (1755-1830), работы которых включены в АМПМ, домашнее

образование получили Е.Р. Дашкова, М.М. Щербатов, А.Н. Радищев, Н.Н. Новосильцев, С.С. Уваров, П.А. Вяземский и др.

Домашнее образование привлекало ещё и меньшей государственной опекой. Не случайно шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф озаботился вопросами бесконтрольности домашнего и других форм частного образования. «Между прочим, – писал он в 1821 году в одной из записок на имя императора Александра I, – весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, как люди, до поступления ещё на службу совершенно приготовившиеся, перестали посещать частно преподаваемые курсы, особенно политических наук, поверхностное изучение которых, без предварительных прочных оснований и без пособия других наук, наносит величайший вред» (Бенкендорф, с. 659).

И лишь после 1812 года, – как подметил А. Герцен – московский университет «...больше и больше становился средоточием русского образования» становился всё более привлекательным учебным заведением для молодёжи (Герцен, с. 115).

Ретроспективный взгляд на историю разработки общественно-политической проблематики показывает, что, далее, на каждом последующем этапе развития общественной мысли, наибольшая активность в производстве заметных, теоретически значимых текстов стала принадлежать бывшим студентам Московского университета. Так, в антологии РПН тексты авторов, бывших выпускников университета, занимают значительную долю: от более одной трети (37%) до более половины (56,4%) авторских коллективов антологии.

Если говорить о своего рода «конкуренции», то, к примеру, на этапе 1995-2006 гг. второе место в разработке политической проблематики принадлежит работам бывших выпускников МГИМО. Так, из общего количества, 48 авторов пятого тома РПН, – 21 автор или 43,7% – это выпускники Московского университета и 8 исследователей (16,6%) – это бывшие студенты МГИМО.

Отметим ещё один факт, касающийся «лидерства» выпускников Московского университета. Анализ содержания второго тома РПН показывает, что из 32 персоналий периода 1920 – 1950-х гг., предложенных экспертами, 15 исследователей – это воспитанники Московского университета. Изучение работ и жизненных траекторий авторов этого периода свидетельствует о том, что жернова истории беспощадно перемалывали творческие силы страны. Все 15 бывших выпускников Московского университета так или иначе были репрессированы. Судьба этих крупных ученых, политических деятелей, – известна, но всё же назовём их:

Алексеев Н.Н. – крупный теоретик государства и права, в эмиграции стал заметным идеологом евразийства. В связи с неприятием большевизма был вынужден в 1920 году покинуть Россию;

Булгаков С.Н. – автор концепции христианского социализма, многих работ религиозно-философского характера, в 1922 году выслан из СССР;

Бухарин Н.И. – советский партийный и государственный деятель, крупный теоретик большевизма, расстрелян в 1938 году;

Вышеславцев Б.П. – в своих политических работах вскрывал «нищету» марксистской теории, исследовал кризис практики социализма. В 1922 году выслан из России;

Ильин И.А. – правовед и религиозный мыслитель, яркий апологет монархической формы правления. В 1922 году выслан из России;

Лосев А.Ф. – его знаменитые «Очерки античного символизма и мифологии», в которых легко прочитывается политический подтекст, изданы в 1930 году и в этом же - 1930 году - он арестован и приговорён к 10-летнему заключению. В 1932 году был освобождён, но лишён права публиковаться;

Луппол И.К. – крупный советский учёный и организатор науки. В 1941 году приговорён по доносу к расстрелу. Высшая мера была изменена на 20-летнее заключение. Скончался в 1943 году в лагере в Мордовии;

Милюков П.Н. – политический деятель, идеолог либерализма и автор многих исследований политологического характера. Его фундаментальный труд «Очерки по истории русской культуры». Эмигрировал в 1920 году;

Новгородцев П.И. – глубокий теоретик права и государства, раскрывал причины кризиса правосознания. В 1920 году покинул Россию;

Трубецкой Н.С. – отвергал большевистский режим, в 1919 году эмигрировал в Болгарию. Принимал активное участие в разработке концепции евразийства;

Устрялов Н.В. – известный идеолог национал-большевизма. 1935 году вернулся из эмиграции в СССР, в 1937 году был расстрелян;

Флоренский П. А. – религиозный философ, после революции оставался в СССР, в 1937 году расстрелян;

Франк С.Л. – разрабатывал идею личности в противовес всяким концепциям социализма. В 1922 году выслан из России;

Чернов В.М. – лидер и теоретик партии социалистов-революционеров (эсеров), эмигрировал в 1920 году;

Шестов Л.И. – философ экзистенциалист, эмигрировал в 1920 году.

Вместе с массовыми репрессиями в отношении научных кадров в то время, как отметил А.И. Соловьёв «...произошло практически полное исчезновение политической науки» (Соловьёв, с. 18).

Третий том РПН (1960-1985) содержит труды 35-ти авторов. 18 из них – это бывшие студенты МГУ. В числе этих 18-ти исследователей 7 авторов вели в советское время борьбу не только на идеологическом фронте и в теоретических баталиях, но и на полях сражений Великой отечественной войны. Это А.П. Бутенко, А.А. Галкин, М.Я. Гефтер, Я.С. Драбкин, Е.Г. Плимак, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров. Их уже нет среди нас, но их жизненный путь и научные труды, помещённые в антологии, являют собой яркий образец сочетания научных и патриотических аспектов в творчестве учёных.

Завершая это небольшое исследование, обратимся к материалам «Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX в., в 118 томах». Проведенный нами анализ материалов этой Библиотеки показывает, что в БООМ, начиная с 1755 года, представлено своими работами 136 авторов. Из них 54 (39,6%) исследователя получили высшее образование в Московском университете. Таким образом, материалы наиболее обстоятельной и представительной Антологии (БООМ) также подтверждают лидерство выпускников Московского университета в производстве теоретически значимых текстов в области политической науки и мысли.

Ещё раз отметим, что тексты тех или иных авторов получают значимость благодаря оценке экспертного сообщества и лишь затем становятся достоянием политологических антологий. На основе аналитической работы над составом авторов антологий и содержанием их текстов, современные и будущие исследователи имеют возможность извлекать знания об актуальности и степени разработки политических проблем на определённом этапе общественного развития, о состоянии политической мысли и политической науки на том или ином этапе её развития, об академических, вузовских, региональных центрах политической науки, а также, многое о самих авторах энциклопедических изданий. В проведенном исследовании мы, опираясь на материалы антологий, выявили значительную степень включённости бывших студентов, воспитанников Московского университета в разработку проблем политической науки и мысли. Некоторая незначительная включённость выявлена нами лишь в первый период (1755-1830) функционирования университета. Это составило 19,3% от количества всех авторов этого периода, работы которых оценили эксперты, то есть, составители антологий и члены редколлегий.

Для дальнейших исследований этой проблематики остаётся, на мой взгляд, немаловажным вопрос: отражается ли и в какой мере, в каких направлениях факт подавляющего представительства в антологиях текстов университетских авторов на состоянии политической науки и учебной дисциплины в стране?

Литература

Бенкендорф, А. Х. (1997). Записка о тайных обществах. В Г. Ю. Семигин и др. (Ред.), *Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. III: Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в.* Мысль.

Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И., & Артеев, С. П. (2021). Интерфейс между политической наукой и политическим дискурсом. *Полис*, (2).

Герцен, А. И. (1989). Московский университет (глава из романа «Былое и Думы»). В Ю. Н. Емельянов (Сост.), *Московский университет в воспоминаниях современников*. Современник.

Золотницкий, В. Т. (1997). Новые нравоучительные басни. Сокращение естественного права. В Г. Ю. Семигин и др. (Ред.), *Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. III: Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в.* Мысль.

Полвека спустя: однокурсники о времени и о себе. (2021). И. Б. Куделько & С. В. Туманов (Ред.). Издатель Воробьев.

Соловьёв, А. И. (2021). Исторические судьбы и перспективы российской политической науки. В А. И. Соловьёв (Ред.), *Российская политическая наука: в 5 т. Т. 1: XIX – начало XX в.* РОССПЭН.

References

Benkendorf, A. Kh. (1997). Zapiska o tainykh obshchestvakh [A note on secret societies]. In G. Yu. Semigin et al. (Eds.), *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli: V 5 t. T. III: Politicheskaya mysl' v Rossii: X – pervaya polovina XIX v.* [Anthology of world political thought: In 5 vols. Vol. III: Political thought in Russia: 10th – first half of the 19th century] (pp. 592–594). Mysl. (In Russ.)

Gaman-Golutvina, O. V., Nikitin, A. I., & Arteeve, S. P. (2021). Interfeis mezhdu politicheskoi naukoj i politicheskim diskursom [The interface between political science and political discourse]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya* [Polis. Political Studies], (2), 8–24.

Herzen, A. I. (1989). Moskovskii universitet (glava iz romana «Byloe i Dumy») [Moscow University (a chapter from the novel "My Past and Thoughts")]. In Yu. N. Emel'yanov (Ed.), *Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Moscow University in the memoirs of contemporaries] (pp. 221–230). Sovremennik. (In Russ.)

Zolotnitsky, V. T. (1997). Novye nravouchitel'nye basni. Sokrashchenie estestvennogo prava [New moral fables. Abbreviation of natural law]. In G. Yu. Semigin et al. (Eds.), *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli: V 5 t. T. III: Politicheskaya mysl' v Rossii: X – pervaya polovina XIX v.* [Anthology of world political thought: In 5 vols. Vol. III: Political thought in Russia: 10th – first half of the 19th century] (pp. 401–404). Mysl. (In Russ.)

Polveka spustya: odnokursniki o vremeni i o sebe [Half a century later: Classmates about time and themselves]. (2021). (I. B. Kudelko & S. V. Tumanov, Eds.). Izdatel' Vorob'ev.

Solovyov, A. I. (2021). Istoricheskie sud'by i perspektivy rossiiskoi politicheskoi nauki [Historical fates and prospects of Russian political science]. In A. I. Solovyov (Ed.), *Rossiiskaya politicheskaya nauka: v 5 t. T. 1: XIX – nachalo XX v.* [Russian political science: In 5 vols. Vol. 1: 19th – early 20th century] (pp. 7–25). ROSSPEN (In Russ.)

Для цитирования: Буренко, В. И. Выпускники московского университета как исследователи политической науки и истории общественно-политической мысли / В. И. Буренко // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 177–185. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-177-185.

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEW

Е.А. Окладникова

E. Okladnikova

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КАНОН: КРИТИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА МАРГИНАЛЬНОЙ ЭСХАТОЛОГИИ

WHERE THE CANON ENDS: A CRITICAL HERMENEUTICS OF MARGINAL ESCHATOLOGY

Аннотация

В рецензируемой монографии А.М. Прилуцкого «Дискурсы нарративы маргинальной эсхатологии» рассматривается феномен маргинальной эсхатологии как специфического религиозно-идеологического дискурса в современном российском обществе. Объектом исследования для автора монографии стали апокалиптические нарративы и профетические практики, распространяемые вне канонических рамок православной Церкви. Предметом анализа являются механизмы формирования квазирелигиозных мировоззренческих систем, основанных на синтезе фрагментов библейской эсхатологии, конспирологических теорий и мифологизированных интерпретаций исторических и социальных событий. В качестве методологической базы А.М. Прилуцкий использовал инструментарий семиотики, герменевтики, социальной антропологии и теории мифа, включая анализ текстов, реконструкцию смысловых структур и сравнительно-исторические параллели. Особый интерес для читателей представляют концептуальные новации, которые вводит автор («ламинарная эсхатология» и «конспирологическая полярность» и др.), позволяющие описать внутреннюю логику маргинальных религиозных субкультур. Показано, как символические конструкции (например, география спасения, хронологические циклы катастроф) используются адептами маргинальной эсхатологии в целях создания иллюзии когнитивной устойчивости в умах последователей в условиях социальной неопределённости. Выявлены деструктивные потенциалы данных дискур-

Abstract

A. Priluchky's monograph, "Discourses and Narratives of Marginal Eschatology", examines the phenomenon of marginal eschatology as a specific religious and ideological discourse in contemporary Russian society. The author's object of study is apocalyptic narratives and prophetic practices disseminated outside the canonical framework of the Orthodox Church. The subject of analysis is the mechanisms of formation of quasi-religious worldviews based on the synthesis of fragments of biblical eschatology, conspiracy theories, and mythologized interpretations of historical and social events. A. Priluchky uses a methodological framework. Prilutsky utilized the tools of semiotics, hermeneutics, social anthropology, and myth theory, including textual analysis, reconstruction of semantic structures, and comparative historical parallels. Of particular interest to readers are the author's conceptual innovations ("laminar eschatology" and "conspiracy polarity," among others), which allow him to describe the internal logic of marginal religious subcultures. He demonstrates how symbolic constructs (e.g., the geography of salvation, chronological cycles of catastrophes) are used by adherents of marginal eschatology to create the illusion of cognitive stability in the minds of followers amid social uncertainty. The destructive potential of these discourses is revealed, including the promotion of social isolation and the rejection of basic human rights and values. The research results make a significant contribution to understanding the transformations of religious

сов, включая пропаганду социальной изоляции и отказ от базовых прав и ценностей Человека. Результаты исследования вносят значительный вклад в понимание трансформаций религиозного сознания в современной России и открывают перспективы для междисциплинарного анализа радикальных религиозных движений. Работа представляет научный интерес для религиоведов, социологов, культурологов и исследователей политической и медийной коммуникации.

consciousness in contemporary Russia and open up prospects for an interdisciplinary analysis of radical religious movements. This work is of scholarly interest to religious scholars, sociologists, cultural scientists, and researchers of political and media communications.

Ключевые слова:

эсхатология, религиозные субкультуры, православие, современное российское общество.

Key words:

eschatology, religious subcultures, Orthodoxy, modern Russian society.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-4-186-194>

Монография профессора Санкт-Петербургского РГПУ им. А.И. Герцена Александра Михайловича Прилуцкого посвящена актуальной и сложной проблеме исследованию феномена маргинальной эсхатологии в современных религиозных субкультурах, существующих преимущественно в контексте православного религиозного поля России (Прилуцкий, 2015). Начиная с 1990-х гг. в России наблюдалась ситуация «полной религиозной свободы» (Кузьмина, 2007; Политика, 2014). Повсеместно возникали новые религиозные движения, активировались религиозные субкультуры, большая часть которых была настроена апокалиптически. Участники таких движений предъявляли себе и другим требования отказаться от привычного образа жизни, пересмотреть церковный канон и в корне изменить свое повседневное поведение. В это же время религиоведы, социологи, историки начали писать о новых религиозных движениях, рассматривая различные типы эсхатологических настроений в обществе, появились научные исследования радикальной и аналитической эсхатологий (Гранин, 2019).

Актуальность темы, а именно маргинальной эсхатологии, выбранной А.М. Прилуцким для анализа, определяется двумя аспектами: обращением автора к феномену именно маргинальной эсхатологии как проявлению народной конспирологии и освоением народной эсхатологией и её адептами информационного пространства интернета (Прилуцкий, 2025b). В целях развития и продвижения собственных прагматических стратегий представители этой субкультуры активно используют апокалиптическую символику. Свои стратегии адепты маргинальной эсхатологии не только противопоставляют каноническому учению Церкви, но пытаются формировать искаженную

«картину мира» в среде своих более секулярно ориентированных последователей. Расцвет подобного типа теорий и связанных с ними практик наблюдается в кризисные исторические периоды не только в России, но и других странах мира (Политика, 2014). Сегодня представляется, что аналогом феномена маргинальной эсхатологии в России 1990-х были выступления А. Чумака и А. Кашпировского, которые транслировали по телевизору. В настоящее время в организационно-прагматическом плане черты сходства просматриваются между «работой» с общественным сознанием адептов маргинальной эсхатологии и деятельностью «инфоцыган» (Коряковцева, 2024). Как и в 1990-е гг. так и сегодня, страх перед будущим в эпоху радикальных политических и социальных перемен, сопровождаемый экономическими кризисами (Кертман, 2000), создает условия для активации традиционного религиозного эсхатологического дискурса, который мифологизируется и срассывается с конспирологическими теориями под давлением конъюнктурных политических и экономических воздействий. Не секрет, что использование в субкультуре маргинальных эсхатологов профетических текстов (эсхатологических пророчеств, псевдоагиографических данных и т.п.) их идеи глубоко затрагивают чувства верующих, но недостаточно образованных людей. Например, их концепции исторического пути России, имеющие мало общего, ни с научной, ни с канонической видами этой концепции, обоснование изменений в церковной жизни (изменение литургических текстов и чинопоследований), обоснования нарушения в области каноники, апологетики и аскетики, символически окрашенные адептами маргинальной эсхатологии оказывают сильное влияние на общественные настроения (Алексеев, 2024).

В силу того, что сложное и многоуровневое междисциплинарное исследование А.М. Прилуцкого опирается на методологические подходы религиоведения, социальной антропологии, семиотики, герменевтики и теории мифа, не могло не затронуть вопросы о цели и функции представлений адептов маргинальной эсхатологии. Можно добавить, что к проблеме эсхатологических нарративов обращался с позиций этнографического исследования мифологий о конце Света М. Элиаде (Элиаде, 1998), в области критики современных мифов работали М. Хоркхаймер (Хоркхаймер, 1997), Т. Адорно, М. Шмитт (Шмитт, 2000), изучением апокалиптических движений занимался Э. Шилз (Shils, 1981), радикальную эсхатологию на примере верующих евангелистов в США изучал Ч. Г. Финни.

А.М. Прилуцкий показал, как с помощью апокалиптических образов и символов эти люди осуществляют переосмысление не только прошлого, но и настоящего России в эпоху политических и социальных перемен. Заслуга его, в том числе, заключается и в том, что он в ходе исследования на много-

численных примерах выявил и наглядно представил деструктивный характер идеологии маргинальной эсхатологии. Он также показал, что базовые традиционные ценности (жизнь, права и достоинство людей) отвергаются адептами маргинальной эсхатологии. Более того, эти адепты пропагандируют экстремальное поведение среди своих последователей, что часто приводит к летальным исходам.

Автор монографии справедливо обратил внимание читателей на активное использование маргинальными эсхатологами конспирологических теорий, указав на цель такого использования. Эта цель заключалась в объяснении себя обладателями особых знаний, полученных ими путем самообразования и божественного откровения, подкрепленными, как инсайдерской информацией, так и авторитетом современной «науки». Именно это позволяет, по их мнению, претендовать на единственно правильный способ объяснения происходящих в мире событий. Кроме того, маргинальный эсхатологический дискурс предлагает определенный сценарий будущего, объясняет сущность переживаемых обществом социальных кризисов в целях минимизации воздействия травмирующих факторов.

Исследование, которое А.М. Прилуцкий проводит уже много лет подряд, и результаты которого он суммировал в монографии, отличается концептуальной глубиной и научной новизной. На протяжении предшествующих появлению монографии лет ученый тщательно прорабатывал сложный терминологический и понятийный аппарат, который он активно использовал при написании монографии. В силу того, что монография снабжена объемным ссылочным аппаратом, включающим ссылки на предыдущие публикации автора, ему не было особой необходимости создавать специальный теоретический раздел и представлять используемые термины и понятия в системном виде с указанием на их связь с другими категориями своего исследовательского инструментария. В частности, он использует понятие «ламинарная эсхатология». С его помощью он создал модель религиозного сознания маргинальных эсхатологов. Эта модель содержит элементы модернизма и православного религиозного фундаментализма, образы Апокалипсиса и современные конспирологические установки. Это понятие весьма успешно демонстрирует, как в одном дискурсе логически связываются в головах носителей этих идей и понятий трудно совместимые представления. При этом адепты маргинальной эсхатологии умудряются избегать когнитивного диссонанса. Ламинарность в данном случае превращается в основу, на которой формируются устойчивые, хотя и весьма противоречивые образы мировоззренческой системы маргинальной эсхатологии.

Важным выводом, опубликованным в монографии, стало четкое разграничение народной и маргинальной эсхатологии. А.М. Прилуцкий указал, что народная эсхатология – это не что иное, как редуцированная, фольклорная форма церковного учения. Маргинальная же эсхатология – это автономный, сложный синкретический дискурс, способный генерировать радикальные деструктивные практики и юридически обосновывать отход от канонов православной Церкви. С одной стороны, предложенное автором монографии разграничение является принципиально важным для понимания границ допустимого в религиозном мировоззрении и учении Церкви. С другой стороны, это разграничение является инструментом для диагностики потенциально экстремистских тенденций.

Весьма перспективным для современного религиоведения является анализ конспирологического мифа как интеграционного механизма, работающего с дискурсами маргинальной эсхатологии. Углубляясь в чтение монографии, мы понимаем, как конспирологические нарративы формируют пространство интеллектуальной «квазирациональности». В этом пространстве причинно-следственные связи строятся априори, вне зависимости от эмпирически наблюдаемых повторяемостей. Этот механизм мышления позволяет adeptам толковать любые изменения в социальной и политической жизни общества (эпидемии, экономические кризисы, непопулярные реформы и т.п.) в качестве знаков приближающегося конца света. Как пишет автор монографии, особенно ярко этот механизм проявляется в исторических примерах: реакции на денежную реформу Хрущёва (звезды на купюрах как символы Антихриста), паспортную перепись при Николае II (листы «А» и «Б» как разделение людей между Богом и Антихристом), холерные бунты (обвинение евреев и «англичанки» в отравлении колодцев) и многое другое.

Ещё одно полезное для религиоведческого анализа понятие, которое вводит А.М. Прилуцкий – «конспирологическая полярность». Согласно определению автора, полярность такого типа возникает в условиях мыслительного разделения всех на «своих» и «чужих», т.е. на: спасаемых (адептов маргинальной эсхатологии и их последователей) vs остальных (погибающих последователей канонического учения православной Церкви). Поляризация усиливается влиянием культуры постмодерна и конспирологическими теориями. Конспирологический элемент в маргинальной эсхатологии — это структурно образующий элемент её модели. Возникнув, он занял в этой модели центральное место наравне с апокалиптикой в условиях цифровой медиасреды. Доминирующим нарративом в этой среде очень быстро становится нарратив заговора.

Эта модель уже приобрела герменевтический характер, ибо учение о конце Света в ней приобрело всеобъемлющий объяснительный аспект. Так, города объявляются местом гибели людей, а деревня – пространством спасения; географический Север определяется как территория спасения членов сообщества маргинальных эсхатологов; Китай становится будущим союзником России в битве с Антихристом. Реальная географическая карта подменяется символической и метафорической. Хронологический абрис маргинальной эсхатологической модели цикличен в силу того, что в нём просматривается повторяемость катастроф, за которыми неминуемо начинается новый цикл жизни обновлённого общества. Так, в маргинальную эсхатологическую модель проницает элемент языческой космологии. А.М. Прилуцкий убедительно показывает нелинейный способ мышления создателей маргинальной эсхатологии. Эта нелинейность просматривается в подмене реальной географии вымышленной, в наличии языческих элементов в их дискурсах, конспирологичности и мифологичности их мышления.

Методологическая база монографии отличается высоким уровнем теоретической оснащённости. А.М. Прилуцкий умело использует семиотический анализ текстов — изучение структуры и функций ключевых концептов (Антихрист, Север, Китай, трёхшелонность), герменевтическую реконструкцию (интерпретацию смыслов, заложенных в мифологических нарративах); историко-религиоведческое сопоставление (сравнение современных дискурсов с феноменами старообрядчества, сектантства XIX–XX вв.); данные этнографических наблюдений (например, история с ушедшим в подполье сообществом). Привлекательным для современного читателя является то, что автор не ограничивается анализом печатных или онлайн-текстов, но обращается к реальным социальным практикам, что придаёт исследованию высокую степень достоверности и убедительности.

Автор последовательно применяет семиотико-мифологический подход, ориентируясь на труды Р. Барта (Барт, 1983), Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2012), Ю.М. Лотмана (Лотман, 2000), В.Н. Топорова (Топоров, 2004), Б.А. Успенского, а также современные разработки в области анализа, как мифологических, так и конспирологических нарративов. Полезным методологическим инструментом в исследовании А.М. Прилуцкого становится понятие семиотического дрейфа – процесса, при котором метафоры интерпретируются как буквальные пророчества, символы – как прямые указания на будущие события. Семиотический дрейф позволяет адептам идеологии маргинальной эсхатологии легитимировать свои верования, сохраняя возможность их нового толкования в случае, если апокалиптические пророчества не сбываются.

М.А. Прилуцкий уделил большое внимание критике профетической модальности апокалиптических нарративов, столь широко распространенной в маргинальной эсхатологии. Примерами такой модальности стали нарративные формулы «надо спастись», «нельзя жить в городе», «нужно уходить в подполье». Автор монографии убедительно и на ярких примерах показал, что поведенческие программы, обусловленные такого типа деонтологической модальностью, могут приводить адептов этой религиозной субкультуры к социальной изоляции, отказу от медицинской помощи, уходу в подполье, но с условием сохранения пенсионных книжек в ожидании конца Света. Автор монографии использует упреждающую риторику, даже немного отходя от академической объективности, когда пишет о «деструктивной эсхатологии», расшатывающей политические настроения и усугубляющей социальную обстановку в нашей стране, называя маргинальную эсхатологию экстремистским течением. Тем самым он старается предостеречь людей от присоединения к неканоническим деструктивным по своей сути религиозным движениям такого типа. В монографии приведены многочисленные конкретные случаи реализации деструктивного воздействия нарративов маргинальной эсхатологии на людей. Тем не менее, для соблюдения правил академического письма желательно было бы сделать ссылки на источники (архивные документы, интервью, полицейские протоколы и этнографические заметки), в которых описаны эти случаи. Также желательно было бы автору указать сайты, форумы, ТВ-каналы, на которых воспроизводится деструктивные нарративы маргинальной эсхатологии.

В силу того, что исследование затрагивает весьма чувствительные темы (психическое здоровье, социальную изолированность адептов маргинальной эсхатологии, суицидные практики) желательно было бы продолжить работу, начатую А.М. Прилуцким в его предыдущих статьях и реализованную в настоящей монографии в аспекте не столько ответа на вопрос «как противодействовать?», а в рамках ответа на другой вопрос: «как организовать профилактику воздействию нарративов маргинальной эсхатологии и деятельности её адептов?».

В целом, монография А.М. Прилуцкого «Дискурсы и нарративы маргинальной эсхатологии» является новаторским и весьма значимым исследованием. Оно открывает горизонты в области изучения маргинальных религиозных течений в современной России. Автор разработал успешно работающую методологию анализа и подкрепил свои выводы большим количеством наглядных исторических и этнографических примеров. Своей научной смелостью, вводом оригинальных концептов (ламинарная эсхатология, конспирологическая полярность), междисциплинарностью и практической значимо-

стью автор заслужил признание научного сообщества. Публикация монографии открыла новые направления для продолжения разработки темы в области систематизации источников, расширения теоретического контекста, а также некоторых подразумеваемых автором рекомендаций для профилактики деструктивного воздействия нарративов маргинальной эсхатологии и деятельности её адептов. Монография А.М. Прилуцкого является важным вкладом в отечественное религиоведение.

Литература

- Shils, E. (1981). *Tradition*. University of Chicago Press.
- Алексеев, С. В., Семенов, Е. В., & Скутин, К. Д. (2024). Христианская церковь как социально-политический институт. *Политика и общество*, (3), 77–89. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.3.71805>
- Барт, Р. (1983). *Мифологии* (И. Л. Соколов, пер.). Прогресс.
- Бодрийяр, Ж. (2012). *Симулякры и симуляция* (И. М. Калашникова, пер.). Вильямс.
- Гранин, Р. С. (2019). *Аналитическая эсхатология*. ИНИОН.
- Кертман, Г. Л. (2000). Катастрофизм в контексте российской политической культуры. *Полис. Политические исследования*, (4), 6–18.
- Коряковцева, О. А. (2024). Общероссийская ценностная система и воспитание гражданина. *Мир русскоговорящих стран*, (2), 5–18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5>
- Кузьмина, О. Е. (2007). *Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы)* [Автореферат докторской диссертации].
- Лебедев, В. Ю., & Прилуцкий, А. М. (2025). Традиция как идентичность. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*, (2), 55–65. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2025.2.055>
- Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера*. Искусство.
- Политика. Инновации. Технологии. (2014). (Г. И. Авцинова, Т. Б. Атаев, Е. С. Ахрамева, Авт.). Научно-исследовательский институт общественных и политических наук.
- Прилуцкий, А. М. (2025). *Дискурсы и нарративы маргинальной эсхатологии*. Медиакросс.
- Прилуцкий, А. М. (2025а). Эсхатологические религиозные субкультуры в контексте апологетической миссии. *Вестник Свято-Филаретовского института*, 17(2), 226–236. https://doi.org/10.25803/26587599_2025_2_54_226
- Топоров, В. Н. (2004). *Миф. Ритуал. Символ. Очерки по мифологии и семиотике*. Академический проект.
- Хоркхаймер, М., & Адорно, Т. (1997). *Диалектика просвещения*. Ювента.
- Шмитт, К. (2000). *Политическая теология*. Канон.
- Элиаде, М. (1998). *Миф о вечном возвращении*. Архетипы и повторяемость. Алетейя.

References

- Alekseev, S. V., Semenov, E. V., & Skutin, K. D. (2024). Khristianskaya tserkov' kak sotsial'no-politicheskii institut. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], (3), 77–89. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.3.71805> (In Russ.)
- Bart, R. (1983). *Mifologii* [Mythologies] (I. L. Sokolov, Trans.). Progress. (In Russ.)
- Bodriyar, Zh. (2012). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation] (I. M. Kalashnikova, Trans.). Vil'yams. (In Russ.)
- Granin, R. S. (2019). *Analiticheskaya eskhatologiya* [Analytical eschatology]. INION.
- Kertman, G. L. (2000). Katastrofizm v kontekste rossiiskoi politicheskoi kul'tury [Catastrophism in the context of Russian political culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (4), 6–18. (In Russ.)
- Koryakovtseva, O. A. (2024). Obshcherossiiskaya tsennostnaya sistema i vospitanie Grazhdanina. *Mir russkogovoryashchikh stran* [World of Russian-Speaking Countries], (2), 5–18. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-2-20-5> (In Russ.)
- Kuz'mina, O. E. (2007). *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v sovremennoi Rossii (etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problemy* [The Russian Orthodox Church and the new religious situation in modern Russia (ethno-confessional component of the problem)] [Abstract of a doctoral dissertation]. (In Russ.)
- Lebedev, V. Yu., & Prilutskii, A. M. (2025). Traditsiya kak identichnost'. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy], (2), 55–65. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2025.2.055>
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. Iskusstvo. (In Russ.)
- Politika. Innovatsii. Tekhnologii* [Politics. Innovations. Technologies]. (2014). (G. I. Avtsinova, T. B. Ataev, & E. S. Akhrameeva, Authors). Nauchno-issledovatel'skii institut obshchestvennykh i politicheskikh nauk. (In Russ.)
- Prilutskii, A. M. (2025). *Diskursy i narrativy marginal'noi eskhatologii* [Discourses and narratives of marginal eschatology]. Mediakross. (In Russ.)
- Prilutskii, A. M. (2025a). Eskhatologicheskie religioznye subkul'tury v kontekste apologeticheskoi missii. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta* [Bulletin of St. Philaret's Institute], 17(2), 226–236. https://doi.org/10.25803/26587599_2025_2_54_226
- Shils, E. (1981). *Tradition*. University of Chicago Press.
- Toporov, V. N. (2004). *Mif. Ritual. Simvol. Ocherki po mifologii i semiotike* [Myth. Ritual. Symbol. Essays on mythology and semiotics]. Akademicheskii proekt. (In Russ.)
- Khorkkhaimer, M., & Adorno, T. (1997). *Dialektika prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Yuventa. (In Russ.)
- Shmitt, K. (2000). *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. Kanon. (In Russ.)
- Eliade, M. (1998). *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost'* [The myth of the eternal return. Archetypes and repetitiveness]. Aleteiya. (In Russ.)

Для цитирования: Окладникова, Е. А. Там, где заканчивается канон: критическая герменевтика маргинальной эсхатологии / Е. А. Окладникова // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 186-194. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-4-186-194.

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, Директор, филиал ВГТРК «Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Кузбасс» (Кемерово, Россия).

ANDREEV Andrey – PhD of Political Sciences, Director, Kuzbass State Television and Radio Broadcasting Company (Kemerovo, Russia).

E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

SPIN-код: 4413-7136

ORCID: 0009-0003-4769-8258

АРУТЮНОВ Антон Георгиевич – член Совета по региональному развитию, Российская ассоциация политической науки (Москва, Россия).

ARUTYUNOV Anton – Member of the Council for Regional Development, Russian Association of Political Science (Moscow, Russia).

Science interests: electoral process and civil society.

E-mail: anton.arutynov.98@mail.ru

SPIN-код: 8069-2108

ORCID: 0009-0008-0555-9328

БИРЮКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия).

BIRYUKOV Sergei – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management - Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia).

E-mail: birs.07@mail.ru

SPIN-код: 6070-8058

ORCID: 0000-0003-3047-842X

БУРЕНКО Владимир Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия).

BURENKO Vladimir – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: vburenko@mail.ru

SPIN-код: 3334-2289

ORCID: 0009-0009-5179-4764

ГЛУХОВА Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

GLUKHOVA Alexandra – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Sociology and Political Science Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

E-mail: soc@hist.vsu.ru

SPIN-код: 3016-7823

ORCID: 0000-0002-3894-3229

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы; доцент, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

GRISHIN Oleg – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Associate Professor, Russian State Social University (Moscow, Russia).

E-mail: grishin_oe@pfur.ru

SPIN-код: 1572-4533

ORCID: 0000-0002-0669-1012

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы, Российская Академия Наук (Москва, Россия).

GUSELETOV Boris – Doctor of political sciences, Associate Professor, Chief Researchers, Institute of Europe Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bguseletov@mail.ru

SPIN-код: 1360-6779

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

OKLADNIKOVA Elena – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology, Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

SPIN-код: 5416-3344

ORCID: 0000-0003-4720-9584

ПОПОВА Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор кафедры социальных технологий факультета социальных технологий Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия).

POPOVA Olga – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Institutions and Applied Political Research, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University; Professor, Department of Social Technologies, Faculty of Social Technologies, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: pov_64@mail.ru

SPIN-код: 6910-3375

ORCID: 0000-0002-0701-7767

ПУСТОШИНСКАЯ Ольга Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и туризма, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

PUSTOSHINSKAYA Olga – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Regional Studies of Tyumen State University (Tyumen, Russia).

E-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru

SPIN-код: 2959-7327

ORCID: 0000-0002-5844-8233

СЕНЮШКИН Евгений Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (Симферополь, Россия).

SENYUSHKIN Evgeny – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

SPIN-код: 1166-6719

ORCID: 0000-0003-1063-566X

СЕНЮШКИНА Татьяна Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь); ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия).

SENYUSHKINA Tatiana – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol); Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tsenyushkina@yandex.ru

SPIN-код: 3645-8902

ORCID: 0000-0003-3505-9443

ЧИРУН Сергей Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры философии и общественно-политических наук, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

CHIRUN Sergey – doctor of Political Sciences, Professor Department of Philosophy and socio-political sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

SPIN-код: 1195-2355

ORCID: 0000-0001-7422-8030

ШЕВЧЕНКО Алевтина Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

SHEVCHENKO Alevtina – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: ashevchenko@ranepa.ru

SPIN-код: 8318-3588

ORCID: 0000-0003-4246-9037

ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

SHEVCHENKO Ekaterina – PhD in Political Sciences; Lecturer at the Department of Political Science and Political Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: katerina.shevva@yandex.ru

SPIN-код: 1890-3374

ORCID: 0000-0002-9877-3161

ЩЕДРОВА Галина Петровна – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля (Луганск, Россия).

SHCHEDROVA Galina – Doctor of Political Science, Professor, Department of State Management, Lugansk State University (Lugansk, Russia).

E-mail: galina_shedrova1954@mail.ru

SPIN-код: 8293-5352

ORCID: 0000-0003-1884-0799

THE CONTENTS

THE CONTOURS OF THE NEW WORLD ORDER: INSTITUTIONS AND POLITICAL SPACES

S. Biryukov, S. Chirun, A. Andreev

DIGITAL GOVERNANCE: SEARCHING FOR NEW MODELS OF PUBLIC
ADMINISTRATION IN THE CURRENT SITUATION

6

B. Guseletov

THE INSTITUTE OF PRESIDENCY IN THE COUNCIL OF THE EU ON
THE EXAMPLE OF HUNGARY, POLAND AND DENMARK IN 2024-2025

21

T. Senyushkina, E. Senyushkin

DIGITAL GEOPOLITICS AS A FACTOR IN
THE TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ORDER

39

G. Shchedrova

THE ROLE OF GLOBAL CONTEMPORARY ISSUES IN SHAPING THE
ARCHITECTURE OF THE NEW WORLD ORDER

55

A. Glukhova

PEACE AND WAR IN THE 21ST CENTURY:
THE NATURE OF CONFRONTATION AND DIAGNOSTIC THERAPY

67

O. Grishin

REPUTATIONAL CAPITAL OF THE STATE IN THE MODERN WORLD:
MULTIPOLARITY VS POLYCENTRICITY

87

O. Pustoshinskay, A. Arutunov

THE COMMUNICATIVE POSSIBILITIES OF CITY DIPLOMACY
IN THE PERIOD OF THE GEOPOLITICAL SPLIT:
ON THE ISSUE OF PROMOTING RUSSIAN-CHINESE RAPPROCHEMENT

100

A. Shevchenko

UNDERSTANDING FACTOR IN THE SYSTEM ENGINEERING OF DIGITAL
SOVEREIGNTY AND INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY

119

E. Shevchenko

NEW CONTOURS OF THE US FOREIGN POLICY POSITIONING IN
THE FRAMEWORK OF THE MODERN GLOBAL POLITICAL PROCESS

142

ARTICLE

O. Popova

METHODS OF THE EXACT AND NATURAL SCIENCES IN ASSESSING
THE SOCIAL POLICY OF A MODERN STATE: MISSION IMPOSSIBLE? **162**

V. Burenko

GRADUATES OF MOSCOW UNIVERSITY AS RESEARCHERS
IN POLITICAL SCIENCE AND HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT **177**

REVIEW

E. Okladnikova

WHERE THE CANON ENDS:
A CRITICAL HERMENEUTICS OF MARGINAL ESCHATOLOGY **186**

OUR AUTHORS **195**

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 24.11.2025
Дата выхода в свет 15.12.2025

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2025.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

© Institute of Social and Political
Sciences, 2025.